

Кристина Яков
Наследница по завещанию
Книга 1

В сложные семейные отношения Киры Чичериной "добавилось" еще и наследство. Почему бывший жених после 15 лет забвения вспомнил о ней и оставил ей много миллионное состояние своей семьи? Кто пытается отнять наследство у законной "наследницы по кривой"? Похищение, убийство, обман — все средства хороши для достижения цели. Кире удастся избежать опасных ситуаций, "запутаться" в любовных отношениях с незнакомым мужчиной, стать владелицей конюшни и отыскать "старую любовь", но за все в жизни придется платить...

1 Среда

А слепота опасней нет напасти.

Когда мужчина обещает счастье -

Несчастье нависает над тобой...

Лопе де Вега

Кира стояла у окна в чужой — ах, простите, теперь уже в своей — квартире, смотрела на разгорающееся закатными красками небо, и на душе у неё скреблись кошки.

Она чувствовала себя мелочной, подленькой дрянью, зажавшей в потной ладошке серебряную монетку и не желающей ни с кем делиться своей находкой. А всё из-за того, что не сказала она родным о неожиданно свалившемся на её голову наследстве...

Отвернувшись от окна, Кира крепко сжала кулаки.

Нет! Нельзя слушать глупое сердце! Надо заставить его замолчать, и попытаться понять, почему после пятнадцати лет забвения, Павел Шубин неожиданно вспомнил о её существовании.

Кира не верила в запоздалое раскаяние бывшего возлюбленного, исчезнувшего на следующий же день после подачи заявления в ЗАГС и проведенной вместе ночи, но встать в позу обиженной женщины и отказаться от многомиллионного состояния семьи Шубиных Кира не смогла... конечно же, из меркантильных интересов — желания обеспечить будущее своим дочерям было куда важнее её обиды и гордости!

На душе у Киры стало совсем уныло, и она засобиравшись домой, взяла сумку, искала глазами свой красный в белый горошек зонт-трость — зонта не было.

Сунув ноги в промокшие туфли, Кира поморщилась и сразу вспомнила, где оставила зонт, вышла на лестничную площадку — зонта за дверью не было.

«— Сперли, — прокомментировал ситуацию внутренний голос Киры и по-стариковски посетовал (парадоксально, но её внутренний голос был мужского рода): — Ну, что за люди пошли — ничего за дверью без присмотра нельзя оставить, тут же ноги приделают...»

Улыбнувшись ворчанию внутреннего голоса, Кира закрыла железную дверь квартиры, спрятала увесистую связку ключей в замшевый чехольчик и, по привычке сунув её в карман летнего пиджака, стала спускаться по лестнице.

Нет! Она никому не скажет о полученном наследстве!

Выйдя из подъезда, Кира остановилась под козырьком, прикидывая кратчайший путь к своей машине (зонта то у нее теперь не было).

Она увидела на другой стороне дороги стоящую на тротуаре женщину.

Кира ещё не успела понять, почему эта женщина показалась ей такой знакомой, как та шагнула на пустую проезжую часть, закрываясь от дождя красным в белый горошек зонтом.

Неожиданно из-за деревьев чёрной тенью метнулась на встречу женщине большая сверкающая от дождя машина.

Дальше всё происходило, как в замедленной съёмке чёрно-белого кино: огромная машина, взвизгнув тормозами, пошла юзом по мокрому асфальту, веером разбрызгивая колёсами пузырящиеся лужи; женщина, услышав пронзительный визг тормозов, застыла посреди дороги, приподняла красный в белый горошек зонт и, увидев надвигающуюся опасность, сдавленно вскрикнула, но среагировать на опасную ситуацию она не успела... Последовал тяжёлый удар, женщину подкинуло капотом машины на лобовое стекло, потом отбросило к тротуару, и рычащая смертоносная громада металла замерла на дороге.

Расширенными от ужаса глазами Кира смотрела, как передняя пассажирская дверь машины открылась, из неё высунулась волосатая лапища, подобрала валяющуюся на дороге женскую сумку и пропала в салоне машины.

Чёрная иномарка сдала назад, объехала сбитую женщину и унеслась прочь.

Кира слышала женские крики, стук открывающихся окон старого трёхэтажного дома, топот ног, спешащих на место аварии людей.

И только она не принимала участие в людской суматохе, безучастно стояла на месте, смотрела на распластанное безжизненное тело; на разметавшиеся длинные тёмные волосы и посеревшее, вдруг заострившееся, лицо женщины; на свой собственный, переломанный, красный в белый горошек зонт, и на растекающуюся среди серого тумана розовую пузырящуюся лужу...

Нет, не могла Кира в таком состоянии сесть за руль — её знобило, руки тряслись, и она вернулась в квартиру Шубина — ах, простите, теперь уже в свою квартиру...

В сумочке зазвонил телефон, и Кире пришлось ответить.

— Кира! Ты, где? — спросил в трубке женский голос, и наплывающая громкая музыка заполнила выжидательную паузу. — Алиса, отойди от меня подальше и так ничего не слышно. Кира, ты где?

Ах, как хотелось Кире повернуть время вспять: она не стояла бы у окна, любясь закатом, а сразу уехала бы на дачу!

Но чуда не произошло!

— Машина... — хрипло произнесла Кира и замолчала.

— Опять сломалась, — тут же подхватила догадливая Ирина Андреевна и крикнула кому-то в сторону. — У Кире машина сломалась! Не расстраивайся, мы приглядим за девочками, пока твой муж разъезжает по командировкам, — и Ирина Андреевна опять закричала в сторону: — Виктория! Прекрати кормить собаку сдобным печеньем! Он скоро в дверь не пролезет! Дима! Отложи, пожалуйста, газету и займись, наконец, воспитанием девочек!

Кира убрала телефон, достала из кармана ключи в замшевом чехольчике, открыла дверь квартиры и, шагнув за порог, подумала о том, что в жизни счастье и горе всегда идут рука об руку: ей вон какое наследство привалило, а этой женщине на дороге ужасно не повезло...

2

Скинув туфли, Кира прошла в ванную комнату и, стянув с себя цветастое платье, встала под душ. Вместе с водой утекали озноб и унылые мысли.

В спальне отыскались мужской халат и махровые носки, Кира надела всё это на себя и блаженно замерла — не беда, что халат был размера на четыре больше, а носки походили на гольфы, главное в новых вещах было тепло и уютно.

«— Одедась, теперь можно и перекусить!»

И Кира направилась в столовую, отыскав на полках банку консервированных персиков, устроилась на стульчике у барной стойки и, отправив в рот кусочек персика, стала вспоминать эти суматошные сутки...

Вспомнила, как после звонка нотариуса, не спала всю ночь — прошлое разбередило затянувшиеся раны от предательства любимого, а утром поехала на Таганку в маленький трёхэтажный домик с сахарной лепниной и слащаво-сливочными ангелочками над окнами.

Вспомнила кабинет хозяина юридической фирмы с высокими шкапами, с массивным «рабочим» столом на бронзовых львиных лапах; как строго со старинных портретов смотрели на неё родовитые предки Юшкиных-Сумароковых — напыщенные, породистые и сероглазые, как и их потомок, поднявшийся ей навстречу.

Вспомнила, как, впервые увидев Дмитрия Викторовича Юшкина-Сумарокова высокого, плотного, седоволосого, чопорного мужчину в дорогом тёмном костюме, замерла, потому что глазами незнакомого мужчины смотрел на неё из прошлого ее бывший жених Павел Шубин.

Под этим взглядом когда-то любимых глаз Кира вдруг вспомнила свое прошлое, о котором после расставания с любимым напрочь забыла — в ее душе все перевернулось, проснувшись после долгой спячки своенравная девчонка, которой она была до предательства любимого, гордо вскинула голову, выпрямила спину, и, презрительно улыбнувшись, с вызовом шагнула вперед... в настоящее и слилась воедино с равнодушно-безразличной женщиной с разбитым сердцем, которой она стала после замужества с нелюбимым мужчиной.

Наваждение исчезло!

Два очень похожих человека разделились — холодный, стальной взгляд принадлежал незнакомому человеку (очень похожему на погибшего в автомобильной аварии Павла), явно родственнику Шубина.

Печально вздохнув, Кира встала и пошла спать.

Уже засыпая, на грани реальности и забытья, она почувствовала лёгкое шевеленье воздуха у лица, но глаз не открыла, а каким-то внутренним зреньем увидела огромное, белое, пушистое нечто, усаживающееся на кровати у её ног. Она не испугалась, вспомнив бабушкины рассказы о домовых, и, сложив руки ковшиком, сонно спросила:

— К худу или к добру?

— К ху-уду! К ху-уду! — заухал домовый, но словно испугавшись своего пророчества, елеинным голосом добавил: — И к добру, милая! К большо-о-ому добру!

3 Четверг

Полночи промаялась Кира на чужой кровати, крутясь с боку на бок.

Сон испуганно бежал от вечерних трагических воспоминаний.

— Кошмар, — вставая с кровати, проворчала Кира.

Луна заглядывала в окна квартиры, разливая призрачный свет. Предметы в тёмных углах комнат, теряли привычные дневные очертания, превращаясь в притаившихся сказочных чудовищ.

На пороге столовой, Кира остановилась — рыцаря на белом коне, защищающего даму сердца от огнедышащих драконов, рядом, как всегда, не оказалось.

Роль бесстрашного рыцаря в их семье досталась ей.

Она долго не могла понять нежелание мужа брать в руки флаг, садиться на боевого коня

и ехать во главе семьи, и указывать путь, и защищать, и долго смирялась с действительностью, топя разочарование в слезах и, молча, выбираясь из трясины опрометчивого замужества. Муж предпочитал ехать в обозе, свесив ножки, посвистывая и потренькивая на гитаре — нести ответственность за семью и становиться «каменной стеной» и «опорой в жизни» он не желал.

И Кира привычно вставила ногу в стремя, села в седло, вытащила их ножен тяжёлый меч и ринулась в призрачную темноту столовой урвать для своего брэнного тела кусочек пищи, разгоняя мечом и решительным блеском карих глаз призрачных чудовищ.

Перекусив, Кира снова занялась наведением порядка. Зайдя в кладовку, она неожиданно обнаружила в углу за стеллажами закрытую на стальной засов железную дверь «чёрного» хода.

Вот это да! Настоящий «потайной» выход!

Кира открыла дверной замок и, отодвинув стальной засов, распахнула дверь — за дверью оказалась крохотная лестничная площадка.

На стеллажах отыскался фонарь и Кира осторожно шагнула за порог.

Мощный луч фонаря замер на потолке на перегоревшей лампочке, скользнул вниз: на перила, ступени, где толстым слоем лежала многолетняя пыль.

Тусклый сумрачный свет шёл из узкого лестничного «колодца», навевая неприятные ощущения.

Кира стала осторожно спускаться вниз.

Этим выходом давно не пользовались: крохотные лестничные площадки приспособили под общественные курилки.

Захламлённая лестница привела Киру в подвальный коридор. Пыльная лампочка в железном «наморднике» красным светом освещала железную дверь выхода.

Кира открыла её вторым ключом и выглянула наружу. Ступени вели вверх, на заасфальтированную площадку, обсаженную чахлыми кустами акации.

На улице снова накрапывал дождь.

Кира посмотрела в серое небо, подставила ладонь под небесные слёзы и улыбнулась.

Она любила дождь: шуршание дождевых капель по стеклу, чистоту воздуха и резкие запахи влажной земли и умытых листьев. Любила бродить под дождем по опустевшим городским улицам или разглядывать из домашней уютной темноты сквозь пелену дождя проезжающие мимо автомашины и окна противоположных домов...

4

Разбудил Киру телефонный звонок.

Не открывая глаз, она протянула руку на монотонный звук и нашарила на столике телефонный аппарат.

— Слушаю вас, — сонно промямлила она в трубку.

— Доброе утро, Кира Дмитриевна, — холодно поздоровался Дмитрий Викторович Юшкин — все его худшие опасения сбывались: «наследница» осталась в квартире и уже хозяйничает. — Вчера мы договорились встретиться и сверить имущество в квартире с имущественной описью завещания — двенадцать часов вас устроит? Кстати, мобильный телефон у вас отключен. Я позвонил сюда и не ошибся.

Как всегда, телефон не вовремя разрядился!

Кира зевнула и открыла глаза.

Над ней был высокий потолок и массивная, хрустальная люстра, под ней незнакомый

диван, и она окончательно проснулась. Всё вспомнила, и уже открыла рот, чтобы объяснить своё невольное «заселение» в квартиру Шубина, но неожиданно передумала оправдываться, и рот закрыла.

Странное состояние беспечной, юношеской независимости и «пофигистской» жизнерадостности, проснувшись в ней вчера под взглядом серых глаз «любимого мужчины», никуда не исчезли. Они улеглись, перестали бурлить и, по-хозяйски расположившись в её душе, потеснили все другие чувства.

Нет! Она не станет ни перед кем оправдываться! С какой стати?! Это же ее квартира!

— Хорошо, в двенадцать, — согласилась Кира, досадуя, что ей не дали отоспаться.

5

Дмитрий Викторович отключил телефон и задумался.

Он никак не ожидал, что события начнут разворачиваться столь стремительно — наследство принято, и уже обживается.

Сам с собой Дмитрий Викторович всегда был честен: с того момента, как мальчиком начал коллекционировать марки и понял, что крохотные резные картинки легко превращаются в достаток и уважение. Но были марки — истинные раритеты в классах отца и дяди — глядя на которые, даже маленький Димочка понимал их ценность и обеспеченность своего будущего. С неподдельным интересом часами он разглядывал изображения через отцовскую лупу, но не только марки стали интересовать подростка; монеты, бронза, ордена, миниатюры... Это увлечение старинными предметами сидело рядом с ним за школьной партой, шло рука об руку по институтским коридорам, оно же стало началом его антикварного бизнеса — его и дядюшки-дипломата, ссужающего деньги на покупки молодого племянника.

С годами его бизнес окреп и разросся.

Но беда Юшкина состояла в том, что он вовремя не позаботился о продолжении своего рода. Как-то не подумал он об этом в юности, потом в зрелости — всё дела, дела, оглянулся, а жизнь прошла, ну, почти прошла — остался последний шанс. И он ухватился за него двумя руками...

— Сейчас в мэрию, потом на Мясницкую, — раздражённо произнес он, устраиваясь на заднем сиденье бронированной «Ауди». — Там я пробуду до двух... или до трёх, а может и дольше.

По правилам охранного агентства, занимающегося охраной всех фирм, магазинов и предприятий Юшкина, телохранитель должен был неотлучно находиться с «охраняемым объектом», а Сергей часами сидел в приёмных разного уровня или в офисе на Таганке, или в машине и размышлял: «Зачем человеку с огромным состоянием работать? Ни семьи, ни детей... Был у него родственник — его непосредственный начальник, но он недавно погиб в автомобильной аварии. Хороший был мужик Пал Палыч, справедливый, хотя и бывший феэсбешник. А теперь для кого?»

Дмитрий Викторович, закрыв глаза, откинулся на спинку сиденья.

Его раздражала предстоящая встреча с «дамочкой», а волновать его в данный момент должно было совсем другое: очень престижный мебельный заказ для мэрии на оформление кабинетов и залов заседаний. Но думалось не об этом...

Едва вынырнув из скорбного оцепенения случившейся трагедии с Павлом, он попытался найти виновника аварии, но винить в неосторожной езде никого кроме Павла было нельзя. Дмитрий Викторович немного пометался в поисках объекта своей беспомощной ненависти

и очень скоро нашёл такого человека — им оказалась Кира Дмитриевна Чичерина — «наследница». Правда, в смерти Павла обвинить её было нельзя, но вопреки его желанию, она всё же явилась в его кабинет и «приняла наследство». Его раздражало, что она есть, и живет на свете, а Павел, его Павлуша, уже больше не придет к нему в кабинет, не поделится проблемами, не спросит совета...

Но эту тридцатитрехлетнюю домохозяйку нельзя было сбросить со счетов: у неё было то, чего больше всего на свете жаждал иметь Дмитрий Викторович Юшкин-Сумароков.

«— Не будь её, — мстительно думал он, — всё сложилось бы так замечательно: наследство досталось бы законному наследнику и объединилось бы в моих руках. Хотя, что это я! Она обязательно должна была быть! Вот только умереть она должна была до вчерашнего дня: до вступления в наследство!»

6

На лестничной площадке третьего этажа было всего две двери: одна железная, другая коммунальная, обшарпанная со множеством звонков.

Привычно шагнув к первой, Дмитрий Викторович нажал кнопку звонка.

Широкоплечий телохранитель в темном костюме с застывшим лицом и каменными мускулами, потоптавшись на лестничной площадке (вдруг «объект охранения» передумает и пригласит его в квартиру), нехотя удалился.

Услышав звонок, Кира поспешила открыть дверь «гостю».

Войдя в квартиру, Дмитрий Викторович по-хозяйски прошел в гостиную, положил дипломат на инкрустированный столик, и только тут понял, что случилось непоправимое — квартира перестала быть частью его жизни. Настоящим этой квартиры стала другая женщина, беззастенчиво меняющая здесь всё годами сложившееся и привычное.

Заметив сдвинутые брови гостя, Кира не испугалась и оправдываться за свои действия она не стала — пусть думает, что хочет!

Дмитрий Викторович медленно обвел комнату тоскливым взглядом — воспоминания нахлынули с неожиданной силой...

На полу около этого дивана три года назад лежало уже остывшее тело Лизы, зачем-то тогда он прикрыл её покрывалом и только после этого позвонил в «Скорую помощь»; у этого бара они выясняли с Павлом их кровное родство, выясняли так бурно, что потом пришлось менять стёкла в дверцах...

— Прямых наследников у Павла нет, — деловым тоном произнес Дмитрий Викторович. — Есть наследник третьей очереди: родной старший брат отца Павла и его дети, оспорить завещание могут лишь родные дети Павла и, если будет установлена законность претензий такого ребёнка, то наследников имущества семьи Шубиных тогда будет два — по завещанию и по закону. А сейчас... — пожилой мужчина открыл дипломат и стал выкладывать на столик запечатанные пачки долларов. — Здесь сто тысяч — «на шпильки и булавки», как выразился Павел, передавая их мне для вас.

— Разрешите узнать, Дмитрий Викторович, а к какой очереди наследования относитесь вы сами? Уж, конечно, не к последней.

После нескольких секунд звенящей тишины Дмитрий Викторович побледнел, поднял на Киру больные, измученные глаза и... и ничего не ответил.

Сердце Киры дрогнуло от жалости: за надменной внешностью скрывался обыкновенный человек. И сколько бы теперь чопорный, пожилой мужчина не заковывал бы себя в железные доспехи, за прорезью шлема, за сталью серых глаз — она то теперь знает — живут боль и

обида, страдание и любовь.

— Давайте говорить откровенно... — Кира откинула со лба русую прядь волнистых волос и продолжила разговор. — Ваше недовольство завещанием Павла очевидно, но моей вины в его решении нет. Я всего лишь случайный человек его выбора — «наследница по кривой», и готова уладить любые претензии по поводу наследства Шубиных мирным путём.

— Лично я не имею к вам имущественных претензий! — голос пожилого юриста был сух и официален.

Можно было на этом закончить разговор, но...

«— Поговори с человеком откровенно, — советовала ей когда-то бабушка, — в большинстве случаев дела обстоят совсем не так, как ты думаешь».

— Эта квартира принадлежала родителям Паши?

— Да, — Дмитрий Викторович поднялся с кресла и принялся расхаживать взад-вперёд по гостиной. — Квартиру вы получили в собственность, а вот охранным агентством Павла должен управлять профессионал — в течении трех лет вы будете получать процент от прибыли агентства, — так и не ответив на вопрос о родстве, он вновь отгородился от «наследницы по кривой» щитом надменности. — Но позвольте узнать, что вы собираетесь делать с этой квартирой?

Ей эта квартира создавала массу проблем!

Узнав о наследстве, даже не смотря, на то, что у них давно существовал договор о поддержании лишь видимости брака (без «супружеских обязательств», романов на стороне и скандалов), «муж» прочно обоснуется в ее доме и будет тратить полученные от продажи этой квартиры деньги. Желание избежать скандалов при детях не позволят Кире отстаивать свою точку зрения, и полученное от Павла наследство утечет сквозь пальцы, так и не доставшись её дочерям. Но если она тайно продаст эту квартиру, то у неё на руках окажутся огромные деньги! И она воплотит в жизнь свои собственные мечты!

7

— Я продам эту квартиру.

— Продайте её мне! Я заплачу максимальную стоимость!

Неожиданно для себя, Кира начала вспоминать прошлое...

— Мы встречались с Пашей... в планы студента юрфака не входили романтические свидания и «поцелуйчики при луне» — он водил меня на детективные фильмы, а я упорно читала рыцарские романы и самозабвенно занималась верховой ездой. «- Учись водить машину и стрелять, — поучал Павел, встречая меня у конюшни и забрасывая на плечо мою сумку с формой и сапогами, — в жизни все может пригодиться...» Все мои возражения о том, что я не собираюсь гоняться за преступниками, безжалостно отменялись...

На столике тренькнул телефон.

Машинально Дмитрий Викторович протянул руку и ответил:

— Слушаю вас.

Но ответом была тишина. В глубине трубочного нутра жило чьё-то осторожное, хриплое дыхание.

— Слушаю, — повторил он и положил трубку. — Так о чём мы? О верховой езде. Опасный и грубый вид спорта.

Кира снисходительно улыбнулась. Сколько раз приходилось ей слышать досужие рассуждения о конном спорте от некомпетентных людей.

— Опасный — да, как и любой вид спорта. Возможно, нехорошо пахнущий и

грязноватый, но грубый... Тут я с вами не согласна. Этот спорт не может существовать без искренней, обоюдной любви партнёров — равноправных и уважающих характер друг друга, — Кира закрыла глаза и представила себе своего тогдашнего любимца — огромного толстого увальня темно-рыжего тяжеловоза, на котором она вытворяла свои «амазонские штучки». — Бурбошенька, мальчик мой, иди ко мне, мой хороший. Что я тебе принесла сегодня... Смотри какая морковка замечательная, — заворковала она вдруг нежным голоском, чем повергла многоопытного юриста почти в шоковое состояние. — Ах, ты, сластёна рыжая, опять по карманам лазаешь, — и уже строже: — Бурбон, не балуй! Прими! Прими, я сказала! Доиграешься ты у меня.

Сейчас ей уже почти не верилось, что когда-то давно она всё это говорила, и чистила Бурбона на растяжке между денниками, и звонко шлёпала его ладошкой по крупу и эта «гора» около тонны живого веса с копытами размером с её голову слушалась девушку-подростка, и клянчила сахар, и радостно ржала, заслышав её шаги в начале конюшни...

«— И почему я оставила конный спорт? — со щемящей тоской вдруг подумала Кира, и глаза её затуманились слезами. — Получила бы «Мастера спорта», выступала бы за сборную или тренировала бы детишек... Ах, да! Павлуша Шубин... Права была Ларискина мама сказав обо мне после нашего расставания: «Погасло солнышко в её душе...»».

— Что же было дальше? — Дмитрия Викторовича заинтересовал Кириным рассказ о её прошлом — Павел был частью этого чужого прошлого, и ему захотелось, как можно больше узнать о неизвестной стороне жизни его... Павлуши.

— Дальше... Павел увлекся перевоплощением. «- Закрой глаза», просил он, и я послушно закрывала глаза. «Открывай!» — говорил он, добавляя: — «Сюрприз!». Передо мной стоял усатый грузин в кепке, или бабуля в платке, или студент в очёчках. Последней же каплей моего терпения стало ужасное страшилище, похожее на Кинг-Конга. Послушно открыв глаза после слова «Сюрприз!», я увидела перед собой звериную морду с оскаленными клыками. Чудовище качало головой и разглядывало меня серыми, знакомыми глазами. Я испугалась, но, когда Кинг-Конг потянулся ко мне когтистыми лапами, я огрела чудовище сумкой по башке и с такой силой «врезала» ему в челюсть, что оно свалилось на асфальт в полном нокауте. Потом оно что-то кричало мне вслед, махая лапами, но я убежала по дорожке парка все быстрее и быстрее... — Кира сделала выразительную паузу и подвела итог рассказанной истории. — С тех пор я не доверяю красивым мужчинам, не люблю подарки и нервно вздрагиваю, когда слышу слово «Сюрприз!».

Первый раз за время их знакомства Дмитрий Викторович улыбнулся. Лицо его ожило, ледяная надменная корка исчезла. Воспоминания Киры его по-настоящему взволновали...

«Всё могло сложиться совсем по-другому! У меня тоже могла быть семья: любящий сын, заботливая сноха, внучка и, может быть, даже внук — продолжатель рода Юшкиных-Сумароковых. Мы собирались бы по вечерам за большим, круглым столом, разговаривали, смеялись, строили планы. По воскресеньям мы бы приглашали гостей... Что я сделал не так? Где просчитался? А может в том, что у меня нет семьи, виновата именно эта сидящая напротив меня женщина?»

— И чем же закончилась столь романтическая история, — спросил Дмитрий Викторович, пытаясь скрыть своё волнение и вновь возникшую неприязнь.

Но запас откровенности Киры неожиданно иссяк.

— «Столь романтическая история» закончилась довольно банально, — буркнула она, — выражаясь словами моей Алисы: «Любовь прошла — завяли помидоры».

Опять зазвонил телефон.

Теперь уже Кира первая потянулась к аппарату на столике.

— Алло! Алло! — несколько раз повторила она, поднимаясь с дивана, положила трубку на место и растерянно посмотрела на деньги — куда девать эту кучу...

— Возьмите пару пачек, а остальные положите вот сюда... — подсказал Дмитрий Викторович, встал и поманил новую хозяйку за собой в спальню.

«Открыв» зеркало, как дверцу, он покрутит ручку кодового замка сейфа, спрятанного за зеркалом.

— После смерти Паши я немного изменил комбинацию: пятьдесят по часовой стрелке, пятьдесят пять против и снова пятьдесят по часовой стрелке. В сейфе для вас оставлен подарок.

Он взял с полки и протянул Кире длинный белый футляр.

— Спасибо, — поблагодарила она и не открыла бархатную коробочку.

«— Вот это выдержка, — невольно восхитился пожилой мужчина — он умел ценить противника — ни одна из знакомых ему женщин не смогла бы похвастаться такой выдержкой. — Возможно, она и правда не любит подарки. Для меня это плохо — дал бы ей миллион долларов отступного, и она не путалась бы у меня под ногами...»

А Кира, зажав в руке белый футляр, неожиданно вспомнились пророчества живущего в спальне домового: «К ху-уду! И к большому добру!».

«— Вот оно — большое добро! А что худого? — и сама же ответила. — Что может быть хуже смерти! И она уже случилась: с Пашей и с той несчастной женщиной на дороге. Возможно, если бы эта несчастная женщина не взяла мой зонт, оставленный около двери на лестничной площадке, она бы раньше увидела машину, успела бы перебежать дорогу...».

«— Нечего брать чужие вещи! — возмутился Кирилл внутренний голос, не соглашаясь с такой постановкой вопроса. — Если бы она не спёрла зонт, то не последовало бы наказание за воровство!»

«— Прекрати! — строго одёрнула Кира свои собственные мысли. — Если бы я не была такой растеряхой, то не оставила бы зонт за дверью и не подвергла бы её искушению взять чужое».

«— Ну, ты ещё обвини себя в смерти этой женщины! — язвительно посоветовал ей внутренний голос. — Выйди на площадь, стукни себя кулаком в грудь, а потом бухнись на колени и покайся принародно! Лучше о себе подумай!»

Кира не смогла сдержать печального вздоха.

— Что-то случилось? — поинтересовался Дмитрий Викторович.

— Нет, — поспешно заверила Кира. — Вспомнила одно печальное событие.

— Сбитую женщину? Эту новость Татьяна Ивановна сообщает всем входящим в подъезд.

— Да уж... новость, — Кира не знала, кто такая Татьяна Ивановна, но предположила, что она одна из тех выбежавших из подъезда женщин.

— А вы, какое отношение имеете ко всему этому? Видели?

Кира кивнула.

— У неё был мой зонт... красный в белый горошек. Я забыла его на лестничной площадке у двери, а она взяла... может без зонта она раньше увидела бы машину.

Дмитрий Викторович отметил про себя сей странный факт с зонтом, но вывод не сделал — она для него чужой человек и её проблемы его не касаются.

Потому, как Кира отрешенно замолчала, он понял, что разговор на эту тему окончен.

— Давайте перенесём наши наследственные дела на завтра, часа на три, — предлагая это, Дмитрий Викторович брал по одной пачке из сумки Киры и складывал в сейф. — Или у вас другие планы?

— Нет у меня никаких планов, — вздохнула Кира, машинально провожая глазами очередную пачку долларов.

— Вот и прекрасно! — оставив сумочке одну пачку, Дмитрий Викторович взял из рук Киры белый футляр с подарком, положил его сверху на пачки денег и предложил: — Знаете что, Кира Дмитриевна, берите ка вы мою машину и поезжайте по магазинам — надо побаловать себя после пережитого стресса.

Их опять прервал телефонный звонок.

Они одновременно посмотрели на телефонный аппарат, а потом друг на друга.

— Может, детишки балуются?

— А может, совсем и не детишки...

Дмитрий Викторович решительно подошёл к столику в гостиной и взял телефонную трубку.

— Слушаю вас! Вас не слышно, уважаемый, перезвоните.

Положив трубку, Дмитрий Викторович задумчиво посмотрел на телефонный аппарат.

— Не нравится мне это... Ну, что ж, поехали, только сначала Арсен отвезёт меня в офис.

Спорить Кира не стала — давно о ней никто не заботился...

8

Дмитрий Викторович жестом пригласил Киру садиться в машину, и пока она пробиралась внутрь просторного салона, тихо разговаривал с водителем.

— Отвезёшь меня в офис на Таганку и поступишь в распоряжение Киры Дмитриевны. Повози её по дорогим бутикам и салонам.

«— Ларка умрет от зависти, когда узнает, что Шубин оставил мне свою квартиру, — с несвойственным ей бахвальством неожиданно подумала Кира, глядя через лобовое стекло на движущиеся по Садовому Кольцу машины, и тут же опечалилась. — А что скажет муж, узнав от неё о наследстве? Нет, ничего нельзя никому говорить! Тем более Лариске — она никогда не умела хранить чужие тайны, тут же выбалтывала их самому неподходящему человеку».

От своих невесёлых дум Кира сразу сникла и отвернулась к окну.

Дмитрий Викторович устало откидывался на спинку сиденья — виновница его изматывающей бессонницы и усталости сидела сейчас рядом с ним и нервно покачивала ногой. Он сунул руку в карман пиджака и нащупал трубочку с валидолом — после смерти Павла он стал возить его с собой: иногда от воспоминаний сердце больно толкалось в груди, но доставать таблетки передумал и обиженно уткнулся носом в тонированное стекло.

Так они и ехали всю дорогу до офиса: молча, отвернувшись друг от друга, нервно покачивая ногами и думая невесёлые думы — каждый свои.

9

Нагруженная покупками, под завистливыми взглядами продавщиц Кира вышагивала по ковровой дорожке очередного модного бутика мимо манекенов, задрапированных сверкающими тканями.

После первой же покупки её настроение и, правда, улучшилось, и ей даже приходилось сдерживать свои «восторги и порывы».

Ну, зачем ей тонкая, кашемировая шаль с кистями и неброской ручной вышивкой? — у неё ведь нет строгого элегантного платья до пола. Но даже если купить такое платье и понравившуюся кашемировую шаль, то куда она пойдёт во всём этом? Ну, раз в год выберется на корпоратив, сопровождая мужа...

С сожалением выпустив из рук нежную, невесомую шаль, Кира вздохнула и пошла к выходу, к лестнице на первый этаж. Но неожиданно на её пути возникло непреодолимое препятствие... благоухающее и сексуальное!

Возникшее «препятствие», как две капли воды, походило на Кевина Сорбо, играющего Геракла в одноимённом сериале, только было оно лет на десять моложе и одето в белый, летний костюм и кремовую, шёлковую рубашку. Пуговицы на рубашке были низко расстёгнуты, и в вырезе виднелась загорелая, тренированная без единого волоска грудь. Молодой «полубог» картинно поправил русые волосы, волнами спадающие на широкие плечи и улыбнулся открытой голливудской улыбкой, показывая все тридцать два идеальных зуба.

— Добрый день, — поздоровался «полубог» бархатным голосом, и Кира искоса посмотрела по сторонам: к ней ли обращается молодой человек. — Вы не можете мне выбрать галстук? Никак не могу решить: этот или этот?

Красавец по очереди прикладывал к голой груди галстуки яркой расцветки, совершенно не подходящие к кремовой рубашке. Из его небесных глаз изливалось столько слащавой нежности, что Кира тут же почувствовала себя мухой, запутавшейся в липкой опасной паутине.

— Вам лучше обратиться к продавщицам, — вежливо отказала она красавцу в просьбе и сделала шаг в сторону, намереваясь обойти «благоухающее препятствие», но молодой «полубог» тоже шагнул в сторону и вновь преградил ей дорогу.

— О, нет! Мне нужно мнение элегантной дамы, а не молоденьких недоучек, — стрельнул в неё «паук» убийственным комплиментом.

Будь на месте «принца» с обворожительной улыбкой худосочный прыщавый очкарик Кира тут же начала бы искренне помогать ему, но горький опыт общения с другим сероглазым «принцем» навсегда отбил у нее желание общаться с красивыми мужчинами.

Пресыщенный красавец — нестерпим, желаньем победить в один присест.

Мужчина — это ли не тяжкий крест, когда он мнит себя неотразимым...

Красавицы, не лейте слёз, коль скоро судьба у вас отнимет ухажёра.

Вам служит ваша красота судьбой.

А слепота — опасней нет напасти!

Когда мужчина обещает счастье — несчастье нависает над тобой.

«— Прав Лопе де Вега, — подумала Кира. — Пусть этот самовлюблённый красавец поищет какую-нибудь другую дурочку».

— Простите, я спешу, — холодно произнесла она вслух и снова шагнула в сторону, чуть не упираясь в манекены.

Но, не тут, то было!

— Как можно отказывать человеку в столь ничтожной просьбе? — укоризненно произнёс молодой человек и решительно взялся за Кирины пакеты. — Всего одну минутку, умоляю вас, а потом я угощу вас отличным кофе...

— Я не пью кофе, — машинально произнесла Кира и оглянулась на продавщиц, завистливо следящих за ними во все глаза. — «Ну, не драться же мне с ним, в самом деле!»

Нет, помощи от них ждать не приходилось — вряд ли они поверят, что такой красавец может представлять угрозу для женщины.

— Отпустите, пожалуйста, — продолжала настаивать Кира и потянула свои пакеты с удвоенной силой.

Но мужчина не слушал и не отпускал пакеты, заинтересованно заглядывая за вырез платья понравившейся собеседницы.

Это было уже слишком!

Кира не на шутку рассердилась.

Она шагнула назад и со всей силы дёрнула к себе свои пленённые пакеты. Ручки одного пакета оборвались, и, теряя равновесие, Кира схватилась за чью-то вовремя протянутую ей руку.

Рука оказалась чёрной и безжизненной!

В испуге Кира отдёрнула свою руку и прытко отскочила в сторону, но опора, не выдержав приложенного к ней человеческого усилия, наклонилась и стала медленно заваливаться на ничего не подозревающего красавца, очень элегантно поднимающего с пола разорвавшийся пакет.

— Осторожно! — закричала Кира, инстинктивно предупреждая человека об опасности.

Но было поздно! Чернокожая дама — проще говоря, манекен — задрапированная ярко зелёной сверкающей тканью, рухнула прямо в объятия выпрямляющегося «принца».

От неожиданности красавец выронил злополучный пакет и, прижимая к груди безволосый манекен, с удивлением воззрившись на неожиданно материализовавшуюся в его руках чернокожую даму.

— Вы чудесная пара, — съязвила Кира, подняла с пола свой пакет и, гордо вскинув подбородок, пошла к лестнице.

«Кавалер» зашипел ей в след и попытался водворить «чернокожую даму» на место, но булавки, скрепляющие сверкающую ткань, тут же впились ему в ладони. Он отдёрнул руки от манекена, и тот с грохотом упал на пол.

На шум Кира обернулась.

Несколько секунд «прекрасный принц» разглядывал кровавые точки на своих ладонях, потом перевёл взгляд на виновницу его фиаско и разразился такой непристойной бранью, что спешившие к нему на помощь продавщицы в нерешительности остановились.

С ненавистью глядя на обидчицу почему-то разными глазами: голубым и карим, красавец перешагнул через манекен и двинулся к Кире. Ненависть перекосила его красивое лицо, и оно, как в кривом зеркале, искривилось и наружу полезло его настоящее обличье злобного тролля.

От мгновенного, мистического перевоплощения и исходящей от этого существа угрозы, Кира попятилась и буквально скатилась с крутой лестницы, попав в объятия встревоженного шумом охранника.

— Грабят, — сама не зная почему, выдохнула она и поспешила к дверям бутика, а охранник дорогого салона, на ходу выхватывая оружие, побежал вверх по лестнице.

10

— Пожалуйста, поехали отсюда, — распахнув дверь машины, поторопила Кира водителя, закидывая на заднее сиденье пакеты с вещами и забираясь следом.

Арсен, не спеша, отложил раскрытый журнал на соседнее сиденье и включил зажигание. Мотор тихо заурчал, и бронированная «Ауди» стала осторожно выбираться на

проезжую часть.

Неожиданно передняя дверь машины открылась и в салон головой вперёд, коленями на сиденье, ввалилась какая-то взъерошенная женщина.

— Э! Астарожна, жэнщина! — вскрикнул водитель с ужасным кавказским акцентом и резко нажал на тормоз.

Послушная машина замерла поперек проезжей части, загораживая дорогу другим водителям. Сзади испуганно засигналили.

От резкого торможения незнакомая женщина ткнулась в лобовое стекло и негромко выругалась.

— Мать твою так... Чичерина, ты что спятила? — проворчала она, потирая ушибленное плечо. — Смерти моей хочешь?

— Гражданочка, — набросился на неё Арсен, примеряясь как бы половчее выпихнуть женщину из салона, — немедленно покиньте машину...

— Подождите, пожалуйста, — остановила его Кира, внимательно глядясь в незнакомку. — Мы с вами знакомы?

Насколько позволяли габариты салона, женщина выпрямилась и, откинув с лица чёрные до плеч волосы, посмотрела на Киру.

Всё те же резкие черты лица, тонкий упрямый рот и совершенно не гармонирующие с напористым характером «коровьи» глаза с печальной поволокой.

«— Галка Бутырина», — узнала Кира женщину, но встрече не обрадовалась.

— Всё в порядке, поезжайте, пожалуйста, — обратилась она к водителю, и Арсен, ворча под нос, осторожно выехал на проезжую часть. Кира откинулась на спинку сиденья, выдержала паузу и довольно холодно спросила незваную гостью: — Что тебе надо? Только не говори, что ты искренне рада видеть меня живой и здоровой.

Галина Бутырина, и правда, искренне обрадовалась, когда из дверей дорогого бутика, мимо которого она проходила, неожиданно с кучей пакетов буквально вывалилась Кира Чичерина — в прошлом её главная соперница на соревнованиях по конкуру — и побежала к машине.

Галина раздумывала всего несколько секунд, прежде чем броситься вдогонку. Машина уже тронулась, когда она в отчаянном порыве схватилась за ручку и потянула её на себя.

Галина делала многое в своей жизни, что считала неправильным. Чувство неуверенности мешало ей стать лидером и толкало в середину, чтобы на этом фоне раствориться. Вот зазнайка Чичерина никогда не задумывалась, как выглядит со стороны — она просто жила: отдавала все силы на тренировках, стараясь быть первой, и, если не получалось, со слезами на глазах всё же поздравляла победительницу — за это Галина её ненавидела, считала лицемеркой и «везунчиком» — по мнению Галины, слишком легко той всё давалось. Ей же приходилось на тренировках сдерживать лошадь и свой азарт, а на соревнованиях выкладываться, «рвать жилы» и делать всё возможное (и, даже, невозможное), чтобы победить...

Устроившись на переднем сиденье, Галина вытащила из-под себя развалившийся журнал и, не поворачивая головы, попросила:

— Дай денег, Чичерина.

Тон её был далёк от просительного, но Кира дрогнула.

— Сколько? — тоскливо спросила она и крепко сжала кулаки, чтобы побороть всколыхнувшуюся обиду и сгоряча, не разобравшись, не отказать в просьбе.

— А сколько не жалко, я ведь отдавать не собираюсь, — нахально улыбнулась Галина и повернула голову. В её печальных коровьих глазах горело отчаяние. — Не жмись, Чичерина, муженёк и «не заметит потери бойца».

Ах, как жалко Кире было своих денег, ах как жалко! — но ничего объяснять она не стала, молча открыла сумочку, отсчитала из похудевшей пачки тысячу долларов и протянула их Галине.

Та изогнулась на сиденье, жадно схватила деньги и быстро пересчитала.

— Щедра, ты мать, — с долей ехидства прокомментировала Галина, пряча полученные деньги в объёмистую потрепанную сумку.

— Я тебе не мать, а ты мне не дочь. И давай на этом расстанемся.

Ей неприятна была эта женщина, и вовсе не потому, что буквально требовала денег, а потому, что, прожив почти половину своей жизни, благодарить и ценить хорошее отношение Галина так и не научилась. Столько лет они бок о бок тренировались в спортивной школе, встречались на соревнованиях, Кира — не считаясь с приметами — не раз выручала соперницу: то перчатки одолжит, то шпоры, но никогда не слышала слов благодарности...

— У ближайшего метро высадите, — попросила Галина водителя, прервав Кирины неприятные воспоминания.

Некоторое время они ехали молча.

— Скажи мне на прощанье, Чичерина, — не выдержала Галина и снова обернулась к бывшей сопернице. — Ты чего тогда на соревнование не явилась? А я тогда «бронзу» взяла и «мастера» получила.

«— И правда, почему я тогда не явилась? — подумала Кира и вспомнила. — Ах да, Павлуша Шубин! Погасло солнышко в моей душе...»

И опять обжигающая тоска опалила ей сердце.

От этой щемящей тоски по заветной, так и неосуществившейся мечте стать мастером спорта она расстроилась так сильно, что слёзы выступили на её глазах. Опустив голову, Кира покопалась в сумочке, достала очки от солнца, нацепила их и только сквозь тёмные стёкла, скрывшие её истинные чувства, посмотрела на бывшую соперницу.

— Важные дела помешали, — холодно ответила она, а могла нагрубить: ведь перед ней сидела та самая ненавистная Бутырина, которая подложила верблюжьей колючку под вальтрап Красавице, и Кира упала на соревнованиях, и не смогла потом сесть в седло — лошадь брыкалась и кусалась от боли, и их сняли с дистанции.

— Что может быть важнее приза? — искренне удивилась Галина.

— Жизнь! — коротко ответила Кира, не глядя, схватила с полки у заднего стекла журнал и уткнулась в глянцевые страницы.

Машина остановилась у метро, и Галина нехотя покинула салон, но, прежде чем захлопнуть дверь, наклонившись, предложила:

— Чичерина, купи у меня жеребца.

— Нет, спасибо, — не отрываясь от журнала, сухо ответила Кира, давая понять, что разговор окончен.

— Хороший жеребец, девятилетний ахалтекинец...

— Нет, спасибо.

— Ты думаешь, я тебе барахло какое-нибудь предлагаю? Для себя покупала, для разведения. Его и четырех кобыл, — продолжала уговаривать Галина, всё больше вдвигаясь в салон. — Купи, Чичерина, за полцены отдам...

Кира раздражённо захлопнула журнал и подняла голову. Ей хотелось кричать, ругаться, топтать ногами, но ничего этого она, конечно же, не сделала, лишь покрепче сжала кулаки и подождала, пока боль от впившихся в ладони ногтей вытеснит из её души обиду и раздражение.

— Не справлюсь я с жеребцом, Галь. Понимаешь? Столько лет прошло... — с ноткой усталости произнесла она.

— Ты и не справишься? — недоверчиво переспросила Галина и тут же сделала новое предложение: — Тогда кобылу купи! Чистокровки, красавицы.

— Такие же, как моя Красавица, или лучше? — не удержалась, уколола Кира неприятным воспоминанием.

Лицо Галины посерело, губы сжались в тонкую линию, но она не уходила.

— Вот здесь на карточке мобильный телефон и адрес моей конюшни. Надумаешь, приезжай. Любую лошадь за полцены продам. Лучше в эти выходные приезжайте, в понедельник с утра вороньё слетится...

Слушая эти отчаянные уговоры, Кира сжалась над бывшей соперницей и пообещала приехать.

— Но сразу предупреждаю, лошадь мне не нужна.

Галина нервно дёрнула головой, положила на сиденье визитную карточку и, не прощаясь, захлопнула дверь.

Машина тронулась, а Кира смотрела в окно и видела за тонированным стеклом удаляющуюся к метро ссутулившуюся фигуру. Галина ушла, а часть её беды осталась в этой «престижной» машине, перебралась на заднее сиденье и устроилась у Киры на плечах, свесив тонкие кривоватые ножки.

— Ну и наглая же баба! Простите, женщина, но всё равно наглая! Зря вы ей такие деньги отдали, — осуждающе покачал головой водитель, и, поймав в зеркале заднего вида укоризненный взгляд пассажирки, засомневался: — Или не зря?

— Галка просила не для себя, а для своей семьи, — со вздохом умудрённого жизнью старца произнесла Кира. — Для себя денег она никогда бы не попросила, тем более у меня — значит, дела у нее совсем плохи. Для некоторых животные намного лучше людей — они не обманывают, не предают, отвечают любовью на заботу и ласку... Галка одна из таких фанатов.

— А она, правда, мастер спорта по конному спорту?

— Правда.

— А по виду не скажешь, — удивился Арсен. — А вы?

— А я нет, — без энтузиазма ответила Кира. — До мастера чуть-чуть не дотянула.

— Неужели в Москве есть лошади?

— Есть. Теперь это модно: иметь лошадь или заниматься верховой ездой, — но углубляться в эту тему Кира не стала. — Отвезите меня, пожалуйста, на Мясницкую, заберу свою машину и поеду на дачу.

Всю оставшуюся дорогу до дома Шубина Кира молчала.

Если неожиданная встреча с Галиной оставила в её душе лишь тоску по давнишней несбывшейся мечте, то настырность молодого красавца в бутике её не на шутку озадачила. Трезво оценивая свои внешние данные, Кира была на сто процентов уверена, что не могла заинтересовать такого самовлюблённого, молодого мужчину — причина его приставаний имела под собой какую-то определённую цель. Но какую? Кира вспомнила, как одним

махом истратила в бутике около тысячи долларов. Возможно, молодой человек видел из какой машины она вышла и как легко тратила деньги и решил поближе познакомиться с богатенькой дамочкой...

Объяснив себе причину интереса молодого красавца к своей персоне, Кира успокоилась и перестала о нём думать

Но на дачу в этот день она так и не поехала.

11

Когда недоразумение с ограблением и его арестом разъяснилось, и Виталий Холин вышел из бутика со жгучим чувством унижения и изрядно похудевшим кошельком — за разбитый манекен ему пришлось всё-таки заплатить, хотя виновным он себя не считал. Первым делом он достал телефон и позвонил.

— Привет Шмель, — едва сдерживая раздражение, произнес он. — Это Мамочка.

— Ну, здорово, — раздался в трубке сонный голос его знакомого.

— Ты всё спишь?! Так и царство небесное проспаться можно!

— А я туда не спешу — мне и на этом свете неплохо живётся.

— Просыпайся, — довольно резко сказал Виталий и, оглядевшись по сторонам, понизил голос, — о нашем деле перетереть надо.

— А чё? Мы своё дело сделали: ключи тебе вчера отдали — теперь очередь за тобой, как говорили коммунисты: «Всякая работа должна быть оплачена»!

Шмель нехотя поднялся с дивана и начал натягивать джинсы — к денежным делам он относился очень серьёзно и готов был по первому требованию выполнять любые задания, лишь бы за это хорошо платили. Мамочку же разговор о деньгах окончательно разозлил — его красивое лицо снова перекошилось и сделалось почти отталкивающим.

— Отдать то, отдали, — недобро усмехнулся он, поглаживая себя холёной рукой по груди, успокаивая kloкочущую внутри злость, но не сдержался и перешёл на крик. — Да не от той квартиры! Ваши ключи к замкам не подходят — я ночью попробовал в квартиру вломиться — ничего не вышло. Ты мне вчера что сказал? «Тебе ключи — бабе больница!» — так отвечай за свой базар! Где ключи от моей квартиры, Шмель? И почему эта баба по магазинам шастает и денежки мои проматывает?

Мамочка подошёл к своей машине, вольготно расположившейся сразу на двух парковочных местах, нажал кнопку на пульте — фары серебристой «Тойоты-Камри» мигнули, замки разблокировались.

— Не гони. Как не от той квартиры? — Шмель замер у дивана с наполовину одетыми джинсами. — Мы всё точно сделали: целую неделю около дома с самого утра ошивались, а вчера две машины подъехали — из одной папашка с телохранителем вышел, из другой баба в платье под красным зонтом. Я тебе сразу же позвонил и сообщил об этом — ты велел за бабой приглядеть. Потом папашка уехал, а баба в магазин потопала. Ну, на обратной дороге мы её и подцепили машиной, чтобы ключи забрать... Ты Бегемота спроси — бабу точно в больницу увезли на «Скорой» — он из машины вышел, и целый час у дома топтался.

— Не знаю, что он там видел, но баба эта жива и здорова — ни одной царапины на ней нет — уж я это точно знаю: сегодня полчаса её обхаживал, а она, стерва, так меня подставила — еле откупился.

Мамочка сел в машину и с силой захлопнул дверь иномарки, чего раньше никогда не делал — к новенькой машине он испытывал нежные чувства.

— Как же так вышло?

— Это ваши проблемы, но лоханулся ты со своим корешем по полной программе. Придётся это дело переделывать, иначе вам моих денег не видать!

— Мы сейчас поедem...

— Не торопись, Шмель, время терпит, — Виталий Холин посмотрел на своё отражение в зеркале заднего вида и, заметив разный цвет глаз, осторожно вынул из глаза голубую линзу. — Завтра с самого утра поедете на Мясницкую, и ключи от квартиры мне добудете. Только в этот раз не ошибайтесь!

12

В квартире Кира переделалась в новые, шёлковые, чёрные брючки и футболочку и, сунув ноги в новые сабо на высоком каблуке, критически оглядела себя в зеркале.

При росте метр семьдесят и весе семьдесят килограмм Кира не испытывала комплексов по поводу своей «фигуристости», но сейчас невольно пожалела об утерянной лёгкости, ей захотелось нравиться не только себе.

— Надо сесть на диету, — произнесла она, пожалев, что раньше этого не сделала.

Кира подхватила пакеты и новую, кожаную сумочку и без сожаления покинула огромную квартиру.

Пока она возилась с дверными замками, на площадку поднялась худая неряшливо одетая женщина с тяжёлыми сумками в обеих руках.

— Здравствуйте, — поздоровалась Кира.

— Явилась, наследница, — прошипела женщина, и Кира слегка опешила от такой фамильярности. — От сыночка обещанного не дождалась, а от тебя и подавно не дождусь. А ты знаешь, — наступала она на Киру, глядящую на подрагиванье рыбьего хвоста в одной из сумок возбуждённой женщины, — что Лизавета мне отдавала свою старую одежду, а Верке моей золотую цепочку к выпускному обещала подарить? Где моё кровное и обещанное?

Кира не выносила базарную бесцеремонность, перевела взгляд с рыбьего хвоста на злое блёклое лицо женщины, гордо вскинула подбородок и молча стала спускаться по лестнице.

— «Собака бывает кусачей только от жизни собачей», — тихо пропела она, останавливаясь на нижней площадке и шаря рукой в сумочке в поисках ключей от машины.

Дверь одной из квартир на первом этаже приоткрылась, и Кира неожиданно оказалась втянутой в сумрак длинного коридора с потрескавшимися выцветшими обоями и рядами разномастных вешалок.

— Не обращай на неё внимания, душечка, это Виолеттка Точилина — дебоширка и пьяница, — бодро сообщила дородная женщина пенсионного возраста, крепко держа Киру пухлой рукой. — Она с сынком Вовкой весь подъезд терроризирует. Ну, ничего, доберусь я до неё!

Шурша шёлковым халатом до пят, женщина потянула Киру в свою комнату.

— Зовут меня Татьяна Ивановна, — представилась она и, ни сколько, не стесняясь постороннего человека, скинула халат и начала переодеваться.

— Кира Дмитриевна Чичерина, — представилась Кира, смущённо отворачиваясь к окну и догадываясь, что именно об этой женщине упоминал Дмитрий Викторович в связи с трагедией на дороге, и тут же возглас восхищения вырвался из её уст. — Ах, какая красота!

На широком подоконнике красовалась целая коллекция кактусов. Они стояли рядами, в несколько ярусов на самодельных деревянных полках и поражали своим разнообразием и количеством. Многие из кактусов цвели. Наивные трогательные цветочки с трудом проталкивались сквозь густые колючки и раскрывали свои нежные лепестки.

— Нравиться? — с гордостью спросила Татьяна Ивановна, вставая за спиной гостьи. — Я состою в обществе кактусоводов и имею поощрительные дипломы многих выставок. Эти моя гордость, а вот этот, — она отдернула тюль и протянула Кире небольшой пластмассовый горшочек с невысоким колючим столбиком с длинными узкими листочками на «макушке», — одна из разновидностей всем известного молочая. Бери!

— Нет, нет, не надо...

— Бери, душечка, не стесняйся, — женщина сунула в руку Кире горшочек с кактусом и, закатив глазки, мечтательным голосом продолжила, — Дмитрий Викторович вчера мне про тебя всё рассказал. Мы встретились у подъезда и поговорили. Он такой душа! Если бы не его любовь к Лизавете, то давно бы женила его на себе.

— Подождите, — опешила Кира, перестав рассматривать подаренный кактус, — ведь Елизавета Георгиевна мать Павла родственница Дмитрия Викторовича...

— Щас! — невежливо перебила Татьяна Ивановна. — Как говорит мой любимый Михаил Задорнов: «Щас!».

— !!!

— Всё это, как раз, на моих глазах и происходило, поэтому лучше меня никто не расскажет, — женщина присела к круглому столу в центре комнаты и, вспоминая, театрально прикрыла глаза рукой. — Сначала в наш дом приехал Дима. Это сейчас он Дмитрий Викторович, а тогда его величали Димочкой: комнатку он снимал на время учёбы у Столяровых, а уж потом здесь Лиза поселилась — замуж за Пашку Шубина вышла. Сама то она из богатеньких в высотке жила, да с родителями из-за жениха сильно повздорила — против их воли пошла и здесь поселилась. Шубины тогда две комнаты в этой же квартире занимали: Борька — старший, к жене подался, а молодых с бабушкой в одной комнате поселили — царство ей небесное. Тут у Лизы с Димочкой всё и сладилось: театры, концерты. А Пашка слышать ничего не хотел: «Ах, Лизочек! Ах, душенька!». Потом, конечно, Димочка съехал, не долго глаза мозолил своим ангельским личиком, но думается, дело на этом у них не кончилось.

— Странно, — размышляла Кира вслух, — но они так похожи...

— Вот! А я что говорила! — Татьяна Ивановна прытко вскочила со стула и пребольно ткнула Киру в плечо. Та поёжилась — не столько от боли, сколько от фамильярности. — Димка съехал отсюда как раз перед Лизаветиными родами — от греха подальше! А Лизка то, Лизка, сына родила и Павликом назвала: в честь отца значит, а на деле отец не тот, а этот!

— Что значит: «не тот, а этот»?

— А то и значит: отец не Павел Николаевич Шубин, а Димочка! Ты, что сериалы не смотришь?

— Сериалы? Смотрю иногда... Вы хотите сказать, что Дмитрий Викторович Юшкин-Сумароков отец Павла Шубина? — изумилась Кира, но это многое объясняло: и сходство, и разные фамилии, и желание избежать вопросов о его с Пашей родстве. — А я то... Вот балда!

— Ты, что думаешь, я вру? — женщина уперла руки в крутые бока и пошла в наступление. — А за что мне тогда Лизка все эти годы свою одежду отдавала, и хрусталь, и духи — что б я тайну ихнюю сохраняла! А теперь чего её хранить то? Все померли, ну, кроме Димы, конечно... Послал Бог тебе родственничка! — Татьяна Ивановна схватилась за необъятную грудь двумя руками.

— Какого родственника? — не поняла Кира.

— Раз ты родственница Шубиных, а Пашка родной сын Дмитрия Викторовича, то вы с ним тоже сродственники.

— Я родственница Шубиных?

— Ну, не я же! Так Дмитрий мне сказал — дальняя родственница Пашки по материнской линии... А говорят, в жизни такого не бывает — только в сериалах, — мечтательно закатила маленькие глазки Татьяна Ивановна. — Дураки! Жизнь — она намного интереснее всякого сериала! Только надо внимательно за ней наблюдать! И тогда такое увидишь, куда там твоим сериалам. Димочка каждый Старый Новый год сюда наезжал с большими подарками...

Держа в руках горшочек с кактусом и поддакивая женщине, Кира думала совсем о другом: понятно, почему Дмитрий Викторович представил её родственницей Шубиных — хотел избежать ненужных расспросов о наследстве, но знает ли он, что Татьяна Ивановна в курсе его амурных дел и что семейная тайна скоро может стать достоянием общественности. Это ему наверняка не понравится.

— Татьяна Ивановна, — Кира подошла ближе к женщине, заталкивающей в объёмистую сумку целлофановые пакеты, — не рассказывайте никому о родстве Дмитрия Викторовича и Паши, а то сплетни по всему дому пойдут.

— Так покойникам всё равно, с них ведь ничего не получишь.

Кира быстро сообразила, что от неё требовали.

— Я вам все вещи Елизаветы Георгиевны отдам: на днях буду разбираться в шкафах и всё соберу.

Женщина пошамкала губами — уж очень ей хотелось рассказать чужую тайну, тяготившую её столько лет.

— Странно, — видя её сомнения, подзадорила Кира, — а Виолетта Точилина только что мне сказала, будто Елизавета Георгиевна ей свои вещи отдавала, а дочери её золотую цепочку обещала подарить к выпускному балу...

— Что? — вскричала Татьяна Ивановна, с такой вопиющей ложью её ранимая душа смириться не смогла. — Она же дохлая, как вобла! Куда ей Лизаветины вещи? Я ей сейчас покажу, заразе! Мало этой пьянчужке не покажется!

Воинственно уперев руки в бока, она пулей, вернее пушечным ядром, выкатилась из комнаты.

Некоторое время Кира стояла одна в опустевшей комнате.

— Ну, и стерва же ты, Чичерина! — улыбаясь, укорила она сама себя, но особого осуждения в голосе не послышалось.

13

Выйдя в общий коридор из комнаты Татьяны Ивановны, Кира огляделась по сторонам. Вот это была настоящая коммунальная квартира со множеством дверей в длинном узком коридоре с потрескавшимися кое-где отошедшими от стен обоями, с двумя газовыми плитами на общей кухне, с запахом щей, жареного лука и кипящего белья.

Она вышла из чужой квартиры, осторожно прикрыла входную дверь, несколько секунд послушала разгорающуюся наверху баталию между Татьяной Ивановной и Виолеттой Точилиной и, не глядя, шагнула с площадки.

Шагнула, и нос к носу столкнулась с поднимающимся по лестнице мужчиной.

Они, конечно же, по извинялись бы, по улыбались бы друг другу и разошлись по своим делам, если бы...

Если бы не злополучный кактус!

Не смогла Кира отказаться от столь приятного подарка и несла его перед собой бережно, почти на вытянутой руке.

Ощетинившийся длинными тонкими колючками кактус ткнулся прямо в грудь мужчины и впился в него десятками игл, протыкая насквозь белую, хлопковую футболку.

— Чёрт! — вскрикнул мужчина, хватаясь рукой за впившееся в него растение, но тут же отдернул руку и снова выругался. — Чёрт!

— Сейчас, сейчас, — виновато забормотала Кира и попыталась отцепить кактус от материала, оттянула футболку, ухватила за пластмассовый горшочек, но, как назло, колючки впились в ткань, зацепились загнутыми кончиками и ни за что не хотели с ней расставаться. Пришлось отцеплять их по одной — не могла же она погубить подаренное растение.

Пышные, русые волосы мешали ей, лезли в глаза, и она откидывала их с лица рукой, нервно заправляла за ухо, совершенно не думая о том, что её голова, склонённая над кактусом, почти упирается в грудь незнакомого мужчины.

— Простите... не получается... Я сейчас что-нибудь придумаю...

Пытаясь отцепить колючки, Кира оттянула футболку мужчины, но колючки были загнуты вниз и в разные стороны и ей было не видно в какую сторону тянуть колючку, и она мешкала, не желая портить растение.

Сначала мужчина пытался рассмотреть манипуляции женщины, помочь, посоветовать, принять активное участие, но неожиданно его раздражение сменилось растерянностью. Он почувствовал, как женская рука скользнула под его футболку, пальцами пытаясь нащупать «загибы» колючек с обратной стороны его футболки, а поскольку футболка была в обтяжку, то тыльной стороной руки женщина упиралась ему в грудь, и он чувствовал каждое шевеление ее пальцев.

— Сейчас, сейчас... — бубнила Кира, увлеченно освобождая иголки кактуса из «плена» футболки.

От ее нежных прикосновений из головы застывшего мужчины исчезли все мысли о делах, а опустевшее пространство тут же заполнили запах женских волос, случайно коснувшихся его лица, и неизвестно откуда взявшаяся нежность. Странные, не свойственные ему желания забродили внутри него.

Он никогда не обращал внимания на ровесниц, обременённых семьёй и детьми. Ему было скучно слушать их разговоры, крутящиеся вокруг сопливых младенцев, мужниных проблем и козней зловредной свекрови — и предпочитал молодых длинноногих, грудастых девиц, восхищавшихся его телом (мужским достоинством в первую очередь!) и не испытывающих комплексов по поводу мимолётных связей. С ними было всё ясно и просто: ежедневный секс, походы в тренажёрный зал, никаких обязательств и прочих заморочек. Но от этой женщины исходила такая обволакивающая забота, такое успокаивающее тепло, что его сердце болезненно сжалось от сознания потери всего этого — только мама умела так ненавязчиво и искренне отдавать ему свою заботу и душевную теплоту. Но после её повторного замужества и отъезда в другой город он остался совсем один в их квартире, замкнулся в своём одиночестве и не желал никого пускать в своё сердце — слишком больно потом будет расставаться. Сейчас же, едва справляясь с затопившей его нежностью, он пожалел, что нет на нём рыцарского плаща, которым можно было бы прикрыть спину склонившейся к его груди женщины, защитить от неприятностей и взять на себя часть её

проблем в благодарность за нежную заботу... о кактусе. Ему вдруг захотелось других отношений — серьёзных, ответственных с обязательствами, доверием и заботой друг о друге.

Когда Кире, наконец-то, удалось отцепить от футболки все... ну, почти все иголки злополучного кактуса, мужчина уже взял себя в руки, хотя его синие глаза всё ещё темнели от непонятого волнения и растерянности.

— Извините, что так получилось, — Кира с виноватым видом разглядывала крошечные, кровавые пятнышки, прямо на глазах проступающие на белоснежной футболке. — Если хотите, я заплачу за испорченную...

— Не надо, — перебил мужчину осипшим голосом. — Давайте, лучше познакомимся.

— О, нет! — Кира подняла голову и строго посмотрела в простоватое лицо молодого, симпатичного мужчины с квадратным подбородком и чуть кривоватым боксёрским носом и уже не так решительно повторила: — О, нет...

Он был большим и сильным с литыми, перекачивающимися под футболкой мускулами и от исходящей от него медвежьей силы и опасной затягивающей синевы глубоко посаженных глаз, Кира вдруг оробела, как девочка, заливаясь румянцем от своих нечаянных прикосновений к его груди, и, с колотящимся сердцем, попятилась.

Она и не знала, что такое бывает... когда откровенный взгляд понравившегося мужчины, горящий желанием близости, парализует, лишает воли, когда сердце «ухает» куда-то вниз, и вспыхивают щеки румянцем, и звенит в ушах, и подкашиваются ноги, когда в животе «порхают бабочки», а внизу живота все сжимается от сладостной истомы, растекающейся по жилам, и тело становится ватным, безвольным, жаждущим наслаждений — бери и неси, когда хочется забыть обо всем и обо всех в его крепких объятиях, хочется подчиниться его мужским желаниям и страстным ласкам, отдаться вспыхнувшей в них страсти, принять его в себя и вместе взлететь на вершину блаженства... Отступила, перевела учащенное дыхание, отвела глаза, прерывая его магическое притяжение и власть над ее телом, и уже оттуда с безопасного расстояния ещё раз извинилась.

— Простите, за неловкость, но если вы не хотите получить деньги за испорченную футболку, то я пойду.

И держа кактус, как олимпийский факел, она быстро спустилась по лестнице (трусливо сбежала, испугавшись нахлынувших чувств!), пересекла просторный холл и открыла тяжёлую дверь парадного.

— Конечно, — неслись ей в след мужские слова, — раны на теле мужчины ещё не повод для знакомства.

«— Не вздумай отвечать, — всполошился её внутренний голос, и погрозил Кире изнутри крошечным кулачком. — Он тебя на одну ладонь положит, другой прихлопнет и останется от тебя, дорогая, мокрое место!»

Кира почти всегда слушалась внутреннего голоса, но на этот раз словно кто-то тянул её за язык.

— Раны и шрамы украшают настоящего мужчину! — обернувшись, бросила она в полутёмное пространство, все еще ощущая в груди непонятное, радостное волнение. — Так что скажите спасибо за бесплатное украшение.

От такой неожиданной колкости — он почему-то был уверен, что она мягкая, пушистая и незащищенная — мужчина опешил, а когда придумал достойный ответ, женщины уже не было в подъездном холле. Он покачал головой, усмехнулся своим нелепым желаниям и стал медленно подниматься на третий этаж — ему предстоял очень важный и серьёзный

разговор.

14

Валентин Александрович Зайцев шёл к Кире Дмитриевне Чичериной.

Настроен он был весьма решительно, и если бы не случайная неприятность на лестнице, то, возможно, уже сейчас он получал бы то, зачем направлялся к этой незнакомой ему женщине.

После смерти друга и начальника Павла Шубина он возглавил охранное агентство «Панцирь», приносящее немалый доход, как от своей непосредственной охранной и детективной деятельности, так и от владения собственностью агентства. Агентству принадлежали прекрасно оборудованные тренировочные базы в Московской и Тульской областях, используемые самим агентством и сдаваемые в аренду не только другим частным охранным агентствам для повышения квалификации и тренировок своих сотрудников, но и государственным службам.

Неожиданная смерть хозяина агентства создала массу проблем в работе, главной из которой, были хранящиеся в домашнем сейфе Шубина неучтённые денежные средства и документы, принадлежащие агентству. Ключи от квартиры Шубина у Валентина Зайцева были, но кода сейфа, в котором хранился ключ от другого нужного ему сейфа, он не знал — на данный момент знать его могли лишь два человека: Дмитрий Викторович Юшкин-Сумароков — близкий родственник Шубина, давший Павлу, ушедшему из органов по этическим соображениям, начальный капитал (об этом мало кто знал в агентстве) и Кира Дмитриевна Чичерина — наследница всего имущества Шубина (в том числе и охранного агентства «Панцирь»).

У Валентина было два варианта получить желаемое.

Первый: напрямую обратиться к Дмитрию Викторовичу Юшкину-Сумарокову — уж он то обязательно начнет во все вникать, во всём разбираться, а времени на это практически не было — платить по счетам надо было «ещё вчера» и на данный момент за это отвечал он — пока что новый директор охранного агентства «Панцирь» Валентин Александрович Зайцев.

И второй вариант — договориться с Кирой Дмитриевной Чичериной, а лучше обаять эту женщину, запудрить ей мозги и «по-тихому» получить желаемое.

Первый вариант Валентином был отброшен сразу: просить серьёзного бизнесмена и ушлого юриста назвать комбинацию цифр сейфа и закрыть глаза, пока он, Валентин, будет опустошать полки сейфа (Шубин предпочитал хранить наличные деньги и документы подальше от чужих глаз в сейфе в своей квартире) — было не просто безумием, а самоубийством: Дмитрий Викторович Юшкин быстренько сдаст его в полицию, инкриминируя попытку ограбления.

И Валентин выбрал второй вариант, по его мнению, более лёгкий и уж точно беспроигрышный. Козырь, не так давно появившийся в его руках, скорее был рассчитан на впечатлительную женскую душу, чем на опытного юриста и преуспевающего дельца.

Кроме документов и денег за стальной дверью сейфа хранилось много чего нужного и интересного: печати, бланки, чистые удостоверения сотрудников агентства, разрешения на оружие, а ещё паспорт. Паспорт был не поддельный, а самый что ни на есть настоящий на имя Ивана Ильича Зотова — бизнесмена, которого долгое время охраняло их агентство. Очередной киллер, нанятый конкурентами Зотова, оказался более профессиональным и везучим, чем прежние: бизнесмена всё-таки подстрелил. И пока Зотова везли на «Скорой помощи» в больницу он сунул телохранителю свой настоящий паспорт, решив после

выписки воспользоваться заготовленными заранее документами на другое имя, чтобы конкуренты уж точно не отыскивали его. Бизнесмен исчез, а паспорт его так и остался лежать в личном сейфе Павла Шубина. Теперь этот паспорт Валентину Зайцеву срочно понадобился, но получить его помешала налетевшая на него женщина с кактусом.

На площадке второго этажа Валентин остановился, провёл огромной пятернёй по русым, коротко стриженным волосам, придирчиво осмотрел оттянутую от тела белую в кровавых точках футболку и, прислушавшись к женским истерическим возгласам над головой — наверху грохотали пушки, и свистела картечь — развернулся и пошёл обратно.

Нет, в таком виде он не должен появляться перед женщиной, которую следовало обаять, и уговорить открыть сейф, и закрыть глаза, пока он будет его опустошать!

Сейчас, избавившись от рыцарского наваждения, необъяснимо вспыхнувшей нежности, вызванной легкими прикосновениями руки и волос русоволосой женщины из квартиры первого этажа, и от своих странных крамольных мыслей и планов, будораживших все внутри, Валентин готов был поколотить встретившуюся на лестнице женщину, разрушившую его такие важные и продуманные планы — в следующий раз, если он ее еще встретит, он уж точно ее «поколотит»... или поцелует...

15

Сев в машину, Кира мельком взглянула на проезжающую мимо чёрную иномарку, и перед её глазами отчётливо встал номер машины, сбившей женщину у подъезда Шубинского дома.

Ее взволновало собственное воспоминание... Что ей теперь делать? Идти в полицию?

Но, возможно, она ошиблась и обвинит в наезде ни в чём не повинного человека!

С детства Кира хорошо усвоила два бабушкиных правила: «не обижать» (будь то живое или не живое) и «держаться спиной». Если первое правило давалось ей с трудом, и случались накладки, то второе выполнялось без особых хлопот. Она так прямо и выразительно держала спину, что все считали её гордичкой и зазнайкой.

Да, у неё было мало друзей, но тренера по конному спорту были в восторге от её классической посадки в седле с прямой спиной.

Нет! Никого она пока обвинять не будет!

Кира решила сама убедиться, что запомненный ей номер принадлежит именно чёрной «БМВ», виновной в аварии у подъезда.

Но как отыскать в нескончаемом океане машин ту единственную, нужную ей иномарку?

В поиске могла помочь только родная ГИБДД!

Но как обратиться к гаишнику с такой не вполне законной просьбой и не получить отказа?

И Кира тут же придумала жалостливую историю (столько сказок рассказано девочкам по вечерам!), для воплощения в жизнь которой ей пришлось поехать на вещевой рынок...

Старенькая фиолетовая «восьмерка» ехала по Кольцевой в правом ряду, громко поскрипывая изношенными деталями.

За рулём сидела дама неопределённого возраста с чёрными до плеч волосами и редкой чёлкой, свисающей на глаза. Большие старомодные очки закрывали пол-лица дамы. Фиолетовый шарф, наброшенный на плечи и прикрывающий от любопытных взглядов дорогую шёлковую футболочку от «Ferre», и такого же убийственного фиолетового цвета помада старили женщину и придавали ей усталый замученный вид школьной учительницы, но, похоже, женщину мало волновала собственная внешность.

Увидев крадущейся на цыпочках автомобильчик, молодой гаишник от нечего делать погрозил женщине полосатой палкой и пригласил на обочину.

— Лейтенант Васильев, — представился он и ехидненько поинтересовался у перепуганной женщины: — И куда это мы крадёмся, гражданочка, со скоростью 30 километров, мешая движению?

— А что, так заметно? Первый раз этим занялась... и сразу же попалась, — виновато всхлипнула женщина. Услышав многообещающее признание, гаишник напрягся. — Мужа выслеживаю, — стыдливо продолжила «гражданочка», нервно сжимая на груди фиолетовый шарф. — Вы случайно его не видели?

Страж дорожного порядка поправил фуражку и вздохнул с облегчением, а он то подумал...

— К сожалению, гражданочка, ничем не могу помочь. Рад бы... — и он выразительно развел руками.

Женщина достала из сумки клетчатый мужской носовой платок, утёрла им глаза под очками и снова всхлипнула.

— И что же мне теперь делать? Сердце у него сла-абое, а он третий день уход на пенсию отмечает. Целую ночь его прождала и-ирода, а он сел с друзьями в чёрную машину и укачи-ил... Где же мне искать то его-о? У дома друзей бы покараулила, да адреса их не знаю... Помрёт мужик! Как есть помрёт!

Молоденький лейтенант сочувственно посмотрел на пригорюнившуюся женщину и опять же от нечего делать попытался её успокоить.

— Не переживайте вы так, гражданочка, давайте попытаемся найти вашу пропажу. Вспомните, какой марки была машина, в которой уехал ваш муж?

Глаза женщины засветились благодарным, влажным блеском.

— Кружочек впереди был... с синенькими и беленькими треугольничками.

— Ну вот! — обрадовался гаишник. — Чёрная «БМВ». А номер? Номер вы не запомнили?

— Запомнила, — радостно закивала женщина, — и даже на бумажке записала... — порывшись в сумочке, она вытащила маленький листочек в клеточку с номером машины.

Гаишник приосанился.

— Сейчас мы всё выясним, гражданочка, а вы переживали! У нас ни одна машина не пропадёт. Вот если бы он на метро уехал, тогда да...

Скоро он вернулся из стеклянного «домика» и протянул в окошко «восьмёрки» сложенный пополам листок.

— Спасибо, сыночек, спас человека от смерти, — проникновенно зашептала дама и, бубня под нос слова благодарности, включила зажигание.

Улыбаясь, гаишник смотрел в след удаляющейся фиолетовой «восьмерке» и представлял, как завтра, сменяясь, будет рассказывать сослуживцам историю о престарелой Отелле, гонящейся по Москве за загулявшим старичком.

16

Остановившись на первой же заправке, Кира развернула поданный гаишником листок.

— Шмелев Игорь Иванович, улица Широкая дом 13, - прочитала она и улыбнулась — она не ожидала, что так легко получит желаемое!

Зрительная память её не ошиблась: запомненный номер действительно принадлежал чёрной «БМВ» иначе гаишник сказал бы ей, что этот номер принадлежит другой марке

машины.

От отчаянного визга тормозов Кира вздрогнула и обернулась.

Прямо на её глазах на обыкновенной бензозаправке разыгрывалась настоящая «гангстерская история».

Заправляющийся серебристый «Мерседес» с двух сторон блокировали огромные угловатые джипы, из которых горохом посыпались накаченные стриженные парни с толстенными золотыми цепями на не менее толстенных шеях, держа в руках наперевес расписные гуцульские топоры с разноцветными ленточками и шёлковыми кисточками.

Они окружили «Мерседес» и стали буквально вламываться в его нутро, вскрывая железо и дробя стёкла сверкающей сталью. Кисточки и ленточки на топорах при этом развевались и подрагивали, придавая неправомерным действиям братков праздничную театральность и шутовскую наивность. Из-за этого несоответствия реальности и театральности действий налётчиков Кира никак не могла поверить в серьёзность происходящего — она даже по сторонам посмотрела в поисках скрытой камеры, думая, что попала на съёмки какого-то неправдоподобного боевика.

Но никаких съёмок не было — перед ней предстала картинка из настоящей жизни!

Брызнув в разбитое окно машины слезоточивым газом, браткам всё же удалось вскрыть машину и выволочь из салона плотного мужчину в сером костюме с тонкой азиатской бородкой и такими же тонкими чёрными усиками, чихающего и обливающегося слезами. Они подхватили его под руки и потащили к джипу.

Вслед браткам из «Мерседеса» выскочили двое парней, вытирая руками слезящиеся глаза, они бросились к нападавшим, и завязалась ожесточённая драка.

Юркий невысокий блондин, пытаясь освободить мужчину в сером костюме, волчком вертелся между несколькими братками, отбивая сыпавшиеся на него со всех сторон мощные удары и нанося ответные.

Из покорёженной машины несколько раз выстрелили.

Нападавшие дрогнули, отступили, но драка не прекратилась.

— Бегите, шеф! — крикнул блондин-телохранитель, бросаясь сразу на двух братков, тащивших мужчину к джипу.

Каким-то чудом мужчине с азиатской бородкой удалось вывернуться, ударить локтем в лицо стриженного детину и освободиться от его нежелательной опеки. Посмотрев по сторонам, он подбежал к одиноко стоящей фиолетовой «восьмерке» и, рванув на себя помятую дверь, ввалился внутрь машины.

— Гони! — прохрипел мужчина, захлопывая за собой хлипкую дверь старенького «Жигулёнка».

«Восьмерка» вздрогнула всем телом, прыгнула вперед и, визжа колесами, вылетела с заправки.

Вцепившись в руль, Кира понеслась по Кольцевой автостраде.

Или ей это только казалось, что машина неслась, рассекая капотом сгущающиеся сумерки, что она, не снижая скорости, свернула с окружной автострады на какую-то эстакаду, фиолетовой кометой пролетела по городу-спутнику, и все машины шарахались от неё в разные стороны.

Эти минуты вынужденного «бегства» научили Киру куда больше, чем десять лет осторожной езды в правом ряду. Она доверилась старенькой машине, и та не подвела, выдюжила, спасла. Так безоглядно Кира доверяла только Красавице, направляя её на

препятствие и зная, что та не подведёт и вовремя оттолкнётся, и прыгнет, переноса и её...

Машина остановилась на проселочной дороге. Вечерние сумерки, плавно перетекали в ночь.

Страхнув оцепенение, Кира пошевелилась. Мыслей не было. В голове было гулко и пусто, как в огромном медном кувшине.

Постанывая от усилий, мужчина на переднем сиденье осторожно дотронулся до своего левого плеча, с ужасом посмотрел на свои пальцы и в изнеможении закрыл глаза. Напряжение погони спало, и последние силы оставили его.

— Эй, — негромко позвала Кира, но пассажир не отозвался.

Ну, что ж, она привыкла всё решать сама!

Протяжно зазвучали сверкающие на солнце фанфары, заполоскались на ветру разноцветные стяги, дрогнули рыцарские копья, сталью звякнули опущенные забрала, и нетерпеливые кони ударили о землю копытом...

Включив свет в салоне, Кира внимательно посмотрела на своего пассажира. Тусклый свет лампочки смягчал резкие, крупные черты лица плотного брюнета, делал агрессивную азиатскую бородку и тонкие чёрные усы расплывчатыми, почти интеллигентными. На левом плече потемневшего от крови серого пиджака зияла рваная дыра.

«— Вытолкни его из машины и уезжай!» — испуганно приказал Кире её внутренний голос, но некстати проснувшаяся совесть и сострадание стали нащёптывать ей совсем другое.

«— Нельзя бросать человека в беде!», — нахмутив бровки, грозила совесть тонким пальчиком.

«— Одного! В чистом поле! На съедение диким зверям! — вторило ей сострадание. — Кошмар!»

«— «Не делай добра — не получишь зла в ответ!» — не сдавался внутренний голос, пытаюсь переговорить сразу обоих противников».

«— Бедный, несчастный, истекающий кровью...» — стонали жалельщики, и поскольку их было двое, то им удалось её уговорить, убедить, усовестить...

Кира потерла пальцами виски — ноющая боль тонким беспощадным кольцом начала охватывать голову. «- Не нервничайте, не увлекайтесь кофе и горячительными напитками, следите за давлением...» — безучастно советовала участковый терапевт, не в силах избавить Киру от возникающей от волнения головной боли. Но Кира знала, как от нее избавиться — не думать о будущем, а просто заняться делами...

Сняв очки, Кира осторожно стянула с мужчины пиджак и рубашку, как умела, наложила повязку на кровоточащую рану на предплечье — в общем, занялась делами, и головная боль отступила.

Кира затолкала окровавленную рубашку под сиденье, прикрыла мужчину пиджаком и села за руль. Надо было срочно везти раненого в больницу, но если она это сделает, то после объяснения с врачом на её горизонте обязательно замаячит полиция — ранение то огнестрельное.

— Скажите, куда вас отвезти?

Но мужчина только стонал в ответ.

Мысли Киры лихорадочно металась от одного знакомого врача к другому — от зубного к гинекологу и обратно. Других знакомых врачей у неё не было.

«— Отвезу его в безопасное место и сдам с рук на руки его охране, — включая

зажигание, решила она. — Пусть они и занимаются его проблемами».

На словах всё было просто, а на деле всё оказалось совсем по-другому...

— Лучше бы я нашла на дороге сбитую собаку! — отстранённо думала Кира, отыскивая среди пустынных улиц городка дорогу к Москве. — Отвезла бы её в ветеринарку, оплатила бы лечение и содержание бедняжки в собачьем приюте до её выздоровления и спокойно бы поехала на дачу...

Упоминание о ветеринарной клинике натолкнуло Киру на гениальную мысль. Она схватила мобильный телефон и выбрала нужный номер.

— Володя, здравствуйте, — обрадовалась она, услышав знакомый, инфантильный голос молодого ветеринара. — Вас беспокоит Кира Дмитриевна Чичерина — хозяйка шотландской овчарки с труднопроизносимым именем Ларни фон Виндек. Извините за поздний звонок, но мне срочно нужна ваша помощь.

— Да, да, — вспомнил врач своего длинноносого пациента. — Пёс подрался или опять объелся сдобным печеньем?

В отличие от хозяев, своих пациентов Володя знал «в лицо» — будь то кошки, морские свинки, хомяки и попугаи, что уж говорить о собаках, которых он просто обожал.

Володя Беленький был ветеринаром от Бога, но застенчивым, «не пробивным» и очень неприспособленным к бытовым трудностям. Поэтому, с отличием окончив Ветеринарную Академию, он поплыл по течению, оставшись на кафедре и в общежитии, только уже в преподавательском, а не студенческом, и работал в крохотной больничке неотложной помощи при все той же Академии.

— Понимаете... — замялась Кира, не зная, как объяснить ветеринару, что его помощь понадобилась отнюдь не четвероногому существу.

— У меня сегодня ночное дежурство, — решил её сомнения молодой ветеринар, — так что везите собаку в больницу, на месте и разберёмся.

И Кира поехала в ветеринарную больницу...

17

Фиолетовая восьмёрка, не спеша, ехала по Кольцевой автостраде.

Кира посматривала в зеркало на лежащего на заднем сиденье пассажира, перебинтованного по всем правилам медицины, и каждый раз, видя его бледное, но уже далеко не серое лицо, хвалила себя за сообразительность и настойчивость.

Конечно, ей было жаль потраченных денег — ах, как жаль! — но сознание того, что здоровью раненного мужчины теперь ничего не угрожает, стоило тех денег, которые она заплатила ветеринару.

У неё опять всё получилось!

Подъехав к больничке, она позвонила Володе, и тот вышел, и сунулся в машину, и у него затряслись губы и побелели веснушки на лице, когда он увидел своего «четвероногого пациента». Кира стала уговаривать, и убеждать его, и догадалась вытащить из сумочки початую пачку долларов, а деньги хороший довод убеждения, и они уже вместе вытаскивали раненого мужчину из машины, и под руки вели по коридору, и укладывали на холодный железный стол... Потом она долго сидела в кабинете на клеёнчатой кушетке и ждала, пока ветеринар закрывал входную дверь на ключ, снимал повязку, дезинфицировал рану, накладывал швы, бинтовал, делал уколы...

Теперь уже всё это позади, и она точно знала, где находится именно то безопасное место, в котором можно спрятаться от неприятностей и с наименьшими хлопотами

избавиться от навязавшегося на её шею «двуногого пациента».

К дому Шубина она ехала по Кольцевой автостраде — «нормальные героини всегда идут в обход». Во-первых, потому, что плохо знала Москву и всегда путалась в рядах и поворотах, а во-вторых, Кира просто тянула время, предполагая, что чем позже подъедет к дому Шубина, тем меньше любопытных глаз станут свидетелями их приезда.

Машина двигалась так медленно, что скучающий на площадке между дорог молодой лейтенант Васильев успел её заметить, узнать, перебежать на другую сторону и приветливо помахать полосатой палкой.

Замирая от нехорошего предчувствия, Кира остановилась, поправила плед на мужчине, прикрывая повязку на его плече.

— Ну, как дела? — участливо наклонился знакомый лейтенант к открытому окну машины. — Помогла моя помощь? Вы нашли своего мужа?

— Нашла, — прошептала Кира, кивая на заднее сиденье, где накрытый клетчатым пледом спал раненый мужчина.

Гаишник присмотрелся и, увидев обнажённую грудь «загулявшего мужа», воскликнул:

— Так он же голый!

— Ещё бы не голый! — зашипела Кира и погрозила кулаком в сторону «мужа». — Я его, развратника старого, прямо из тёпленькой кровати вытащила!

Лейтенант прыснул в кулак, выпрямился и, шутливо козырнув ревнивой «Отелле», пожелал:

— Счастливого пути, гражданочка, больше не теряйте своего мужа.

— Будьте спокойны, дорогой товарищ лейтенант, я с него теперь глаз не спущу!

Подъехав к дому на Мясницкой, Кира оставила машину у входа в подвал, обогнула дом и по «парадной» лестнице быстро поднялась в квартиру. Взяла фонарь и ключи и, не обращая внимания на пыль и кучи мусора, бегом спустилась по узкой полутёмной лестнице в подвал, открыла железную дверь и вышла к оставленной у торца дома машине.

С помощью Киры раненный мужчина выбрался из машины, «поднялся» на третий этаж по узкой лестнице чёрного хода, Кире приходилось буквально тащить его на себе. Иногда они останавливались, отдыхали, но, как только мужчина дотрагивался до перебинтованного предплечья или смотрел на повязку, глаза его закатывались, тело обмякало, и Кира крепче прижимала его к себе, боясь, что, если он все-таки упадет, поднять его она уже не сможет.

Наконец, они добрались до кровати!

В той, прошлой жизни (до получения наследства и всего случившегося после) Кира ужаснулась бы, оказавшись в обнимку с незнакомым мужчиной около кровати, и сгорела бы со стыда за свое аморальное поведение, а в этой своей новой жизни, она обрадовалась и стала быстро сдёргивать дорогое красивое покрывало — ручная вышивка шёлком по шёлку предназначалась для любования и поглаживания, а отнюдь не для укладывания на него окровавленных тел — и разбирала кровать, и наклонялась, и прижималась к мужчине, подтягивая обмякшее мужское тело повыше и устраивая поудобнее на подушках.

— Всё! Добрались! — Кира рухнула в кресло у кровати, вытянула ноги и свесила по бокам кресла онемевшие руки.

«— Хорошо бы принять ванну, выпить чашку сладкого-пресладкого какао...»

— Вы кто? — тихо прозвучал вопрос, заставивший её очнуться от сладких грёз.

Чёрные глаза мужчины, недоверчиво щурясь, цепко ошупывали сидящую напротив него женщину. Нет, сама по себе опасности эта женщина для него не представляла — слишком

далека она была от образа агрессивного, атлетически сложенного похитителя, но было в её внешности что-то обманчивое, настораживающее — мужчина это интуитивно чувствовал и беспокоился, не понимая, что именно в ней его так тревожит.

В отличие от бизнеса в женщинах Вячеслав Львович Бурмистров разбирался слабо — два бракоразводных процесса были для него хорошим уроком и только благодаря своим друзьям: личному адвокату и директору юридического департамента его банка, накануне свадьбы заставивших его составить брачный контракт, разводы закончились для него без особых потерь. Теперь его кратковременные связи, не затрагивая сердца, касались только его кошелька и зависели от быстроты утекания из него определённой суммы денег.

— Вы разве ничего не помните? — вяло удивилась Кира — вспоминать не хотелось.

— Ну, почему же... помню, — мужчина дотронулся до раненного плеча и поморщился. — Извините, что доставил вам столько хлопот, но другого выхода у меня не было. Вы же видели, что произошло на заправке...

Кира молча покивала головой, оттягивая минуту, когда ей придется всё-таки встать с удобного кресла, куда-то бежать и что-то делать.

— Вячеслав Львович Бурмистров, — президент банка «Континент». А вы?

— Кира Дмитриевна Чичерина — ваш шофёр, ваша медсестра, ваш кредитор и, если судить по тому, что вы сейчас находитесь в моей постели, ваша новая пассия, — хмыкнула Кира — сил на нормальный юмор просто не хватило.

Полные бескровные губы банкира скривились в подобии улыбки — женские намёки им никогда не воспринимались в серьёз, но быть невежливым с этой женщиной ему не хотелось: она его выручила в сложной ситуации и заслуживала его благодарности.

— Я ценю ваш юмор, Кира Дмитриевна, но хотелось бы знать, где я сейчас нахожусь?

Прежде чем ответить Кира немного подумала: уж к себе домой на Цветной бульвар она бы его точно не повезла!

Сообщество бабулек в её доме могло дать фору любому детективному агентству, выслеживающему неверных супругов. Они всегда — в любое время дня и ночи были на боевом посту, строго блюдя нравственность жильцов и порядок на при дворовой территории. Рисковать своей репутацией Кира ни за что бы не решилась: у неё две дочери школьницы — пойдёшь, потом докажи, что ты всего лишь хотела помочь попавшему в беду человеку.

— Вы сели в мою машину, и я увезла вас подальше от заправки. Но от вида собственной крови вам стало плохо...

Бурмистров согласно покивал головой, подтверждая сию прискорбную особенность своего организма, смущенно объяснил, что вида крови не переносит с детства: после того случая, когда отец попытался заставить его зарезать любимого ягнёнка, выкормленного из соски своими руками — кровь ассоциируется у него с жалобным блеянием, с беспомощным дрыганьем тоненьких ножек, с чистой всёпонимающей и всёпрощающей слезой из обречённых испуганных глаз дорогого существа.

— Мне пришлось везти вас к знакомому «доктору Айболиту», чтобы вас зашили, — продолжила свой рассказ Кира, вволю навздыхавшись от услышанной жестоко-жалобной истории, — и заплатить немалые деньги — тысячу долларов — ни за одного кобеля столько не платят! После уколов вы совершенно расклеились, и «доктор Айболит» прописал вам небольшой отдых — хорошо, что у меня есть эта квартира, тихое безопасное место...

— Прекрасная квартира, — сделал комплимент Бурмистров, оглядывая спальню, — но я

предпочёл бы оказаться у себя дома. Вы могли бы посмотреть мои документы и сразу отвезти меня домой.

То, что эта женщина была замужем, намного облегчало положение банкира — по крайней мере, не надо было жениться в благодарность за спасение от напавших на него бандитов.

— Простите, не догадалась залезть к вам в карман! В следующий раз так и поступлю! — фыркнула Кира — в данную минуту ей хотелось, чтобы эта «криминальная история» побыстрее закончилась. — Что будем теперь делать?

Вячеслав Львович Бурмистров задумался — ситуация была не простая.

С ожиданием глядя на нахмуренные брови, на бледные щёки с пробивающейся сизой щетиной, на волосатую загорелую грудь, Кира чувствовала себя спокойно (не то, что рядом с синеглазым здоровяком) и не испытывала неловкости от того, что находится в комнате с полуголым интересным мужчиной, воспринимая его лишь как раненого человека, требующего заботы и внимания.

— Надо позвонить моей охране и за мной приедут. Сколько я вам должен за спасение и лечение... А где мой пиджак и рубашка? — Бурмистров встретился глазами с сидящей напротив женщиной и подтянул шёлковую простынь повыше — может он напрасно обрадовался, что ему удастся выбраться из этой истории с малыми потерями.

Напольные часы в гостиной начали бить одиннадцать.

18 Пятница

Когда Кира вернулась с улицы в квартиру, неся завёрнутые в плед окровавленные вещи банкира, Вячеслав Львович Бурмистров спокойно спал.

Опять ей придётся решать всё самой!

И снова стремя, и потёртое седло, и тяжёлый меч, оттягивающий руку, и плаш ответственности принятых решений ложится на её плечи.

Будить мужчину Кира не стала — сон лучшее лекарство для больного. Она устроилась в кресле в гостиной и (теперь уже с разрешения хозяина) осмотрела содержимое карманов его пиджака.

В кожаном портмоне лежали документы, карточки, визитки, в отделение для денег... деньги! Отсчитав нужную сумму, Кира сунула их в карман шёлковых брючек и успокоилась — терять тысячу долларов было ужасно жалко.

С чужого телефона, она набрала номер с визитной карточки банкира и, не смотря на позднее время, ей сразу же ответили.

— Алло, алло! Где вы, Вячеслав Львович? — взволнованно закричала какая-то женщина в трубку, словно пыталась докричаться до Бурмистрова, находящегося на Северном полюсе. — Я вас не слышу!

— Зато я вас слышу очень хорошо, — отстраняя телефон от уха, проворчала Кира. — В данную минуту хозяин телефона подойти не может. Сейчас он...

Она чуть не сказала, что он спит в её кровати, но вовремя удержалась от «интимных подробностей» — какой жене будет приятно услышать такую новость о своём муже.

Объяснять что-либо Кира не собиралась — разговор с женой спящего в её кровати мужчины не входил в её планы.

— Вячеслав Львович попросил меня связаться с его охраной, — как можно суше произнесла Кира. — Вы можете помочь?

— Подождите! Сейчас я кого-нибудь из них позову.

И тут Кира поняла, какую ошибку совершает: ответившие на звонок люди могли быть причастны к нападению на банкира! Если они узнают, где находится сейчас раненый Бурмистров, то неудавшееся нападение братков может повториться, только уже в её квартире! И тогда она станет не просто участником инцидента, а пострадавшей стороной!

Нет, ей такие проблемы не нужны! Лучше она сама отвезёт раненого банкира к нему домой!

Но, представив узкую чёрную лестницу и себя на ней в обнимку с увесистым мужчиной, Кира застонала от жалости к себе. Она потёрла ушибленный о перила бок и поморщилась от боли — следы недавнего подъёма по лестнице были отмечены множеством синяков на её теле.

Почему Судьба к ней так безжалостна и несправедлива???

Всё время подсовывает для конфликта тяжеловесных мужчин: того синеглазого здоровяка, раненого банкира... Почему не щуплого ветеринара или не того невысокого блондина-каратиста на бензозаправке...

Стоп! Она знает одного человека из охраны банкира, который уж точно не мог быть причастным к этому покушению!

— Слушаю, — неожиданно громко раздался в трубке мужской голос, и Кира, задумавшись, вздрогнула. — Я начальник охраны Вячеслава Львовича. Куда за ним приехать? И кто вы такая?

— Скажите, пожалуйста, — игнорируя вопросы начальника охраны, Кира улыбнулась своей безумной идее, — а как вы выглядите?

— Что? Как выгляжу? — с удивлением переспросил опешивший мужчина.

— Да, мне бы хотелось знать, как вы выглядите. В зависимости от вашего ответа мы будем или не будем продолжать разговор.

Наделённый ответственностью мужчина помедлил.

— Ну... Высокий шатен, глаза карие...

— Спасибо, достаточно, — перебила его Кира. — С вами я разговаривать не буду. Есть ещё кто-нибудь рядом с вами из охраны Вячеслава Львовича?

Только четвёртый охранник подходил под её воспоминание.

Наверно, все собравшиеся у телефона люди считали её сумасшедшей, но Кире было абсолютно всё равно, что они о ней думают, главное: она нашла того блондина-каратиста, сражавшегося с братками на бензозаправке.

— Как вас зовут, — спросила она, выслушав его описание своей внешности.

— Николай.

— Вот что, Коля... Меня зовут Кира Дмитриевна Чи... Впрочем, достаточно имени и отчества. Это в мою машину сел Вячеслав Львович на бензозаправке.

— Ясно.

— Успокойте своё начальство и жену Вячеслава Львовича — с ним всё в порядке. Его слегка ранили, но медицинская помощь ему уже оказана. После укола он спит у меня в квартире, но мне бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь из его охраны приехал ко мне и увёз его домой. Выбор пал на вас.

— Ясно. Говорите адрес.

— Ну, уж нет! — невежливо перебила Кира. — Встретимся у метро Тургеневская, а там до моего дома рукой подать.

— А как я вас узнаю? — голос у охранника был слегка растерянным.

— Я вас узнаю! И этого довольно.

Прикрыв ладонью трубку, телохранитель посоветовался с кем-то (должно быть с вышестоящим начальством) и пообещал через полчаса часа быть на месте.

Кира отключилась, мельком взглянула в зеркало и испугалась собственного отражения — чёрный парик совершенно изменил её внешность! — она совсем о нём забыла.

— Эврика! — довольно подмигнула Кира своему отражению и побежала в спальню.

В гардеробе она выбрала длинную темную юбку и коричневую кофту с бантом на груди, надела их поверх своей одежды и, ссутулившись, посмотрелась в зеркало: в зеркале отразилась женщина-пенсионерка в чёрном парике с молодым, не соответствующем одежде и фигуре, лицом.

— Ну, это мы быстро исправим, — воодушевилась Кира игрой перевоплощения, повязывая голову по-старушечьи фиолетовым шарфом и цепляя на нос старомодные очки в толстой коричневой оправе.

Теперь своим видом Кира осталась довольна и поспешила на встречу с телохранителем банкира.

19

Выехав на Мясницкую, Кира с интересом разглядывала принарядившуюся улицу.

После десяти часов начиналась другая незнакомая вечерняя жизнь Москвы. Зазывно мигали разноцветными лампочками вывески кафе и ресторанов, расцветенные улицы и ночная прохлада располагали к прогулке.

Припарковав машину недалеко от метро, Кира поспешила ко входу.

Не смотря на позднее время, перед входом в метро людей было много, но Кира сразу увидела переминающихся с ноги на ногу блондина-каратиста и высокую девицу с копной каштановых кудрей в узких коротких брючках на высоченных каблуках — так уж заведено, что у сорокалетних, состоятельных мужчин жёны всегда молоды и длинноноги.

Ссутулившись и пристраивая новую кожаную сумку подмышку, Кира направилась к ожидавшей её парочке.

— Миленькие, красивенькие, — забубнила она, сзади подходя к «сладкой парочке» и выставляя вперед ладошку «ковшиком», — дайте пятьдесят рублей на метро старушке, а то у меня, ироды проклятые, кошелек украли.

— Вали бабка, — рыкнул блондин-каратист, озабоченно оглядываясь по сторонам — назначенное время встречи уже истекло.

Но красавица-девица бабку пожалела и полезла в сумку за кошельком, вынула сто рублей и протянула старушке.

— Спасибо, доченька! Спасибо милая! — забубнила попрошайка, подобострастно кланяясь, как китайский болванчик. — Дай Бог тебе жениха с «Мирсидесом», — и, шагнув к блондину-каратисту, своим обыкновенным голосом произнесла: — Иди за мной, Николаша, и побыстрее.

От неожиданности девица охнула и так выразительно посмотрела в сторону чёрного джипа, прячущегося за сигаретной палаткой, что Кира сразу же поняла, что на встречу блондин-каратист и девица пришли не одни, а со всей банковской охраной, желающей во чтобы то ни стало реабилитироваться за её счёт.

— Ну, нет! — возмущилась Кира, представив себе, как «вооруженные до зубов» охранники врываются в её «тайную» квартиру и громят антикварную мебель и дорогие зеркала — пойдешь потом докажи Дмитрию Викторовичу, что она не виновата. — Так мы с

вами не договаривались!

Она сделала шаг в сторону, пытаясь смешаться с людьми, но Николай среагировал мгновенно: крепко схватил «старушку» за руку и притянул к себе.

Но и «старушка» не растерялась: тут же села на асфальт и заголосила:

— Милиция! Помогите! Убивают! Изверг белобрысый! Фашист проклятый! За что воевали?! За что кровь проливали?

Вокруг моментально собралась толпа любопытных, и было на что посмотреть: молодой парень крепко держал за руку «старушку», сидящую на асфальте и пинающую ногами своего обидчика. Парню приходилось прыгать и увёртываться от ударов, но руку «старушки» он не отпускал.

Девушка же удивленно смотрела на дорогие шёлковые брючки, торчащие из-под задравшейся юбки «старушки», и на кожаные, расписные сабо на наборных каблуках, никак не вязавшиеся с образом «бедной попрошайки», и пыталась сказать об этом несоответствии блондину-каратисту, но пару раз больно столкнувшись с ним во время его прыжков, оставила свои попытки.

Толпа негодовала. Несколько мужчин вступились за «старушку» и блондину-каратисту пришлось отпустить пожилую «воровку» (так поняли в толпе эту ситуацию). Охающую «старушку» подняли с асфальта, отряхнули, сочувственно вздыхая и пеняя на молодежь.

Но отступить Николай не мог — от его поведения зависела, если не жизнь, то здоровье уж точно, его шефа, и он готов был на всё, лишь бы эта противная старушенция, устроившая из их встречи настоящее представление, привела бы его к Вячеславу Львовичу Бурмистрову. Взглянув «старушке» в глаза, Николай молитвенно сложил руки перед грудью и, принимая игру, подошёл ближе.

Завидев «обидчика», «старушка» разразилась новой бранью, вырвалась из заботливых рук сочувствующих граждан и, грозя кулаком и шлёпая парня «радикюлем» по спине и плечам, погнала его с площади.

Блондин-каратист, на бегу бросая выразительные взгляды на застывшую в нерешительности длинноногую секретаршу, закрывался от разъярённой «старушки» руками и убегал всё дальше и дальше от назначенного места встречи.

А секретарша, совсем не ожидавшая увидеть «похитительницу» президента банка в таком затрапезном виде и не знающая, что следует предпринимать в этой неординарной ситуации — наверно, инструкции данные им начальником охраны банка не содержали информацию о борьбе со старушками-террористками, растерянно хлопала густо накрашенными ресницами, глядя на разыгравшуюся перед ней сцену, а потом быстро засеменяла на высоких каблуках в сторону чёрного джипа охраны банка.

Люди на площади, забыв о делах, не расходились, наблюдая концовку развернувшейся на их глазах «драки» — это было лучше всякого кино, тем, более, что «драка» постепенно перерастала в комедию. Теперь толпа полностью была на стороне «старушки-террористки», дружно смеялась и улюлюкала, вытягивая головы и наблюдая, как «старушка» гнала обидчика уже вдоль улицы.

Наконец, «погоня» свернула за угол, и представление закончилось — люди, улыбаясь, поспешили по делам.

— Где Вячеслав Львович? — резко останавливаясь, спросил Николай.

— Я же говорила вам — у меня дома, спит после укола, — от бега Кира совсем запыхалась. — Не волнуйтесь, с ним все в порядке. Садитесь! — на ходу стягивая с головы

шарф и поправляя парик, Кира указала рукой на свою «восьмёрку».

— Может, подождем охрану?..

Но Кира отрицательно мотнула головой и быстро села в машину.

— Хотите реабилитироваться за свою оплошность? Это без меня! Мне представления с вооруженной охраной не нужны!

Мгновенное превращение женщины из старушки в школьную учительницу блондину-каратисту не понравилось — зачем весь этот маскарад, если тебе нечего скрывать?!

— Начальство посчитало по-другому, — недовольно проворчал он, садясь в «восьмёрку» и пристёгиваясь ремнём безопасности. — Они теперь никому не доверяют!

— Это их проблемы! А мы с вами оба молодцы, — миролюбиво улыбнулась Кира и включила зажигание. Николаю польстило мнение «дамы», и он тоже улыбнулся. — Мы поедem ко мне, и вы заберёте своего шефа из моей квартиры!

Но, подъехав к дому Шубина, Кира вдруг передумала останавливаться — подозрения, что службе безопасности банка всё же удалось их выследить, закрались в её душу. Всю дорогу она посматривала в зеркало заднего вида, пытаясь заметить слежку — не заметила (но на то они и профессионалы), и для страховки решила сделать небольшой круг — «нормальные герои всегда идут в обход!».

И Кира проехала мимо дома до конца улицы, потом по проспекту, потом по шоссе и очнулась от своих мыслей только, когда свернула на Кольцевую автостраду...

— О, Боже! Как же я забыла! — вскрикнула она, проезжая знакомый пост ДПС.

— Что случилось? — забеспокоился блондин-каратист, оглядываясь по сторонам.

— Николай, сидите смирно и молчите, чтобы не услышали! — зашептала Кира и, подчиняясь указаниям полосатой палки гаишника, послушно остановилась у поста ДПС.

Улыбаясь во весь рот, знакомый лейтенант Васильев, не смотря на позднее время, бодро поспешил к машине.

— Здравствуйте, ещё раз, гражданочка. Для вас, я смотрю, ночь-полночь не время для отдыха. Может, ещё чем-нибудь помочь? — предложил он, заглядывая в открытое окно ждущими новостей глазами. — Ба, да у вас новый пассажир.

Он жаждал услышать продолжение многосерийной истории о приключениях ревнивой «Отеллы» и уже предвкушал интерес сослуживцев к его захватывающему, почти детективному рассказу.

— Вот, дорогой товарищ лейтенант, — кивнула головой сконфуженная «Отелла» на молодого парня, нервно сжимая и разжимая пальцы на рулевом колесе, — везу к себе домой молодого любовника из «Красной Шапочки». Хочу своему мужу тоже рога наставить. Он же от меня опять сбежал...

От удивления гаишник открыл рот — такого поворота сюжетной линии в разворачивающейся перед ним истории он никак не ожидал. Как же далеко шагнула сексуальная революция, если такие старомодные, благовоспитанные дамы начали пользоваться услугами мальчиков по вызову и не стесняются заявлять это во всеуслышание!

— Простите, — смущённо поглядывая на застывшего с открытым ртом лейтенанта, сказала «ревнивая Отелла», — можно мы уже поедem, а то время, знаете ли, — деньги...

Как долго стоял гаишник и смотрел в след удаляющейся «восьмёрке» Кира не знала, но могла поклясться, что молоденький гаишный лейтенант будет помнить эту даму вечно!

Как только Николай оказался в квартире Шубина, он прочно уселся в спальне на кресло напротив безмятежно спящего банкира и начал названивать по мобильному телефону своему

начальству, твёрдо пообещав обеспокоенной хозяйке не называть её адрес.

20

Посмотрев на говорящего по телефону телохранителя, Кира вспомнила о своем вечно разряженном мобильнике и заглянула в сумку — телефона не было.

— Я спущусь вниз к машине за телефоном, — предупредила она Николая и, стянув в прихожей старушечью юбку и кофту, не спеша, вышла из квартиры.

Мобильник валялся на полу в машине. Кира положила его в карман брюк и захлопнула дверь машины.

Суета вокруг Бурмистрова закончились, и это было здорово!

Чтобы окончательно успокоиться, Кира немного постояла у машины, подышала ночным воздухом... подняла голову и ахнула: чёрное бархатное небо было сплошь усыпано огромными алмазными звёздами. Они перемигивались, переговаривались друг с другом, гордясь собственной красотой и неповторимостью.

Сто лет она не видела такой красоты!

Она давно забыла, что существуют на свете звёзды и луна, быстро бегущие молочные облака на ночном небосводе, пьянящий аромат распустившихся цветов и цветущих кустарников. Летняя ночь вносила неповторимую остроту ощущений в уставшее за день сознание... Кира раскинула руки в стороны...

Сколько вот так, глядя в звёздное небо, можно простоять, отрываясь от грешной земли?

Воображение несло Киру всё выше и выше, и она уже парила среди звёзд, кружилась, дотрагивалась до них руками, собирала в горсти и раскидывала по бездонной космической пустоте...

Очнулась Кира от своего фантастического полёта резко и неожиданно — громко стукнула железная дверь подвала. Мимо неё кто-то быстро пробежал, но кто она не заметила — кусты акации надёжно скрывали выход из подвала.

Кира сунула ключи от машины в карман брюк, раздвинула ветки и удивленно посмотрела на распахнутую дверь чёрного хода.

— Это ещё, что за забеги в ночи? — тихо проворчала она, обходя кусты и спускаясь по ступеням вниз к двери подвала.

Кира немного постояла около открытой двери — она была уверена, что чёрным ходом кроме неё никто в этом доме не пользуется, а вот поди ж ты, и вместо того, чтобы просто закрыть дверь черного хода на ключ, заглянула в полутёмный подвал.

Нет, подниматься снова по чёрной лестнице она не хотела — Николаю незачем было знать о существовании второго выхода, просто что-то необъяснимое толкнуло её в спину, и она послушно сунула голову в сумрачную пустоту подвального коридора.

Но Кира ошиблась: пустоты не было — в полутемном подвальном коридоре она была не одна. Около первых ступеней лестницы неясно темнело какое-то нагромождение одежды. Резко пахло мочой, алкоголем, сигаретами и еще чем-то приторно-противным.

Преодолевая отвращение, Кира шагнула за порог в подвал и сделала несколько шагов в сторону лежащего у лестницы человека. Медленно нагнулась и, зажимая нос двумя пальцами, тронула пьяного мужчину за рукав спортивного костюма.

— Эй, любезный, не желаете убраться отсюда, пока я полицию не вызвала?

Пьяница не шелохнулся.

Она потрепала настойчивей и, ухватившись за плечо, потянула.

Мужчина откинулся на спину, и от его устрашающе застывшего вида Кира попятилась.

В красном свете горевшей над железной дверью лампочки лицо мужчины казалось распухшей от дождя карнавальной маской: нос съехал на сторону, глаза вылезли из орбит, из кособокой развернутой щели медленно выползала чёрно-бордовая змея... Одна домашняя клетчатая тапочка сиротливо валялась в луже крови, как напоминание о скоротечности жизни.

Прижавшись к стене, Кира беспомощно хватала ртом воздух, ставший вдруг густым и колючим.

Она подняла голову вверх, посмотрела в квадратный колодец лестничного проёма и похолодела от собственной догадки.

Нет, это лежал не пьяница, забредший сюда в поисках ночлега — этот мужчина в спортивном костюме и домашних тапочках жил в этом доме, именно жил, потому что в данную минуту он уже не жил — мужчина упал сверху и разбился.

Упал и разбился!

А может быть, ему помогли упасть?.. Помог тот человек, минуту назад выбежавший из подвала...

Надо было подойти, нащупать пульс и определить: жив человек или мёртв, но пересилить себя Кира не смогла. Желудок конвульсивно задёргался, и она на плохо слушающихся ногах поспешила на свежий воздух.

Выбравшись из подвала, Кира подышала открытым ртом, пытаясь унять тошноту, постояла, бестолково глядя на свою машину и соображая, что же теперь делать, и, ничего не придумав, побрела к подъезду.

Долго-долго, словно столетняя старушка, поднималась она по парадной лестнице с погнутыми перилами и выщербленными ступенями, и, оказавшись в квартире, почувствовала такую безмерную усталость, что буквально рухнула на банкетку у входной двери.

Никогда ещё Кира так близко не видела расстающегося с жизнью человека — зрелище поистине ужасающее!

Что же теперь ей делать со своим знанием? Звонить в «Скорую помощь» или идти в полицию?

Кажется, недавно она уже мучилась этими же вопросами, и вот они снова встали перед ней, как придорожный камень на перепутье трёх дорог. Может быть, тогда с номером «БМВ» она ошиблась, выбрав неправильную дорогу: надо было сразу же обратиться в полицию, просидеть там весь вечер, отвечая на бесчисленные вопросы, и поехать домой, минуя злополучную бензозаправку...

Из столовой, прихлёбывая ароматный кофе из белой фарфоровой чашечки, вышел Николай. По лицу его растекалась блаженная улыбка. Увидев хозяйку, сидящую в темноте у двери, он остановился.

— Что-то случилось, Кира Дмитриевна?

Сглотнув противный ком в горле, Кира вяло махнула рукой в сторону чёрного хода и едва слышно прохрипела:

— Там труп...

— Там что? — недоверчиво переспросил телохранитель.

— Там труп, — повторила Кира и, опираясь на стену, с трудом поднялась с банкетки.

Николай повернулся к длинной соломенной шторке с цветущим миндальным деревом, скрывающей вход в кладовку, и удивлённо хлопнул голубыми глазами.

— Это, как в сказке про Буратино? За нарисованным холстом дверь, а за дверью труп?

— Угу, — кивнула головой Кира и медленно пошла в гостиную.

Блондин-телохранитель сдвинул соломенную шторку в сторону, снова удивился обнаруженной за шторкой двери кладовки, открыл ее и вошел в кладовку.

— Здесь? — уточнил он оттуда и оглянулся на странную женщину — никакого трупа в кладовке не было.

— За железной дверью, — ответила Кира из гостиной, останавливаясь у бара.

Она забыла, что смотря от двери, стеллажи скрывали дверь чёрного хода, и только выйдя на середину кладовки можно было её увидеть. Николай же потоптался у самой двери и, не обнаружив в кладовке никакой железной двери, пошёл вслед за хозяйкой в гостиную.

Кира стояла у бара и прямо из горлышка пила коньяк.

Безвкусная коричневая жидкость, обжигая пищевод, падала в пустой желудок, умиряя дрожь во всём теле и затуманивая ужасающую реальность.

— Да-а... — прихлёбывая остывший кофе, Николай осуждающе смотрел на хозяйку квартиры и покачивал головой — ему никогда не приходилось видеть, чтобы кто-то пил коньяк прямо из горлышка, а уж тем более дама и очень дорогой коньяк. — Если вы будете налегать на алкоголь, то скоро вам и второй труп померещится!

Качнувшись, Кира оторвалась от бутылки, посмотрела на этикетку — что же такое безвкусное она пила — и поставила бутылку в бар.

Алкогольная теплота приятно согревала холодные руки и постепенно растапливала ледяную корку, окутывающую мозг.

— Он и правда второй... Не веришь?.. — обиженно хмыкнула опьяневшая Кира и, на ходу стаскивая парик, направилась в прихожую.

Никто не смеет сомневаться в её словах! Сейчас она ему докажет!

У двери в кладовку Кира обернулась, поманила блондина-каратиста рукой и, заметив его удивлённо-выпученные глаза, проследила за его взглядом.

— Ах, это... — тряхнула она чёрным париком. — Все хотят выглядеть лучше, чем есть на самом деле.

Бросив парик на банкетку, Кира вошла в кладовку, включила свет, прошла за стеллажи и, достав из кармана связку ключей, открыла дверь чёрного хода, но шагнуть за порог так и не смогла: в освещённом дверном прямоугольнике на полу у перил одиноко валялась мужская тапочка, серая в чёрную клетку...

— Ну, где ваш труп? — громко спросил Николай.

— Как это — «мой»? — отшатнулась Кира от двери, представив себя на месте мужчины под лестницей.

— Ну, не в том смысле, что это именно ваш труп, а в том смысле, что вы его нашли, поэтому он и ваш.

— Нет уж, — замахала руками Кира, — пусть это будет твой труп, даже если я его и нашла. Уступаю, — и она показала пальцем в колодец лестничных проёмов.

Телохранитель Бурмистрова подошёл к перилам и свесился вниз.

— Там и правда, что-то валяется, — с сомнением произнёс он и стал спускаться по ступеням, осторожно перешагивая мусорные завалы.

Напряжённую тишину, во время которой Кира истово молилась о том, чтобы труп мужчины под лестницей оказался лишь привидевшимся ей кошмаром, нарушили торопливые шаги.

Николай мчался вверх, перепрыгивая через ступеньку.

— Точно, труп мужика! — сообщил он Кире, как будто она этого не знала.

Нет, не помогла молитва!

Надо было опять надевать доспехи, и садиться в потёртое седло, и поднимать тяжёлое копье, и что-то делать с этим своим знанием о валяющемся под лестницей трупе, и решать, и придумывать, защищая себя и двух мужчин, которых она так неразумно притащила в эту «чужую» квартиру.

А она то думала, что нашла здесь тихое безопасное место!

21

Они сидели напротив друг друга в гостиной, разговаривали, пытаясь отыскать единственно правильный выход из создавшейся ситуации.

Кира ошиблась: телохранитель банкира не струсил, не сбежал в обоз (как на его месте поступили бы многие мужчины — «муж» Киры уж точно!), а встал рядом с ней, плечо к плечу и взял на себя часть ответственности, большую часть — ведь ему приходилось решать за двоих: за себя и своего спящего шефа.

— Уходить нам сейчас отсюда никак нельзя — вдруг кто-то из соседей увидит наш поспешный отъезд — допросов точно не избежать, а у шефа огнестрел! А так присутствие Вячеслава Львовича в вашей квартире вполне объяснимо: мужчина остался на ночь у своей любовницы.

— Вот спасибо! — искренне возмутилась Кира — один только намёк на её неверность приводил её в бешенство. — Поосторожнее с моей репутацией!

— Что вы так всполошились, Кира Дмитриевна? Это же самое правдивое объяснение для полиции, да и то, если его придётся давать.

Смирившись (она ведь сама притащила Бурмистрова в эту квартиру, вот теперь и расхлёбывает заваренную ей же кашу), Кира обречённо махнула рукой, и Николай продолжил развивать свою мысль.

— Но после бурной ночи любовник заснул и остался у вас.

— Заладили: любовник, да любовник!

— Хорошо, — покладисто согласился Николай, привычным движением откидывая со лба свисающие белые волосы. — Если вас это так нервирует... Вячеслав Львович немногo выпил и заснул у вас в квартире, вы вызвали по телефону охрану и встретили меня у метро. Мы поднялись с вами в квартиру — если нас видели соседи, они подтвердят наш приход.

— Но я же ещё раз спускалась к машине.

— И что? Забыли телефон.

— И в подвал заходила...

— А вот этого, Кира Дмитриевна, говорить не надо! Запомните: вы не были в подвале! Зачем вам лишние проблемы?

Объяснения Николая выстраивались в логичную цепочку, но одно звено цепочки всё время выворачивалось, кособочилось и царапало сознание.

— Я не совсем уверена, что это был несчастный случай...

Кире очень хотелось, чтобы убеждённости молодого секьюрити передалась и ей, и не было бы тех смутных непонятных догадок, тревожащих её воображение и окрашивающих случившееся в трагичный серо-розовый свет.

Услышав рассказ о выбежавшем из подвала человеке, Николай опешил.

— Вы думаете, что это не несчастный случай и даже не самоубийство, а ещё хуже — убийство?

— Понимаете, Коля... — замялась Кира, — вчера, нет уже позавчера, прямо у подъезда этого дома машина сбила женщину, а сегодня новый труп... Если на минуту представить, что это не простые совпадения, а звенья одной цепи...

Опасность провела ледяными пальцами по коже, заставляя вздрогнуть от прикосновения и покрыться постыдными пупырышками. Но Кира опять вспомнила, что в юности была девушкой смелой, умеющей трезво оценивать степень возможной опасности, и паниковать не стала.

— Вот мы с вами сейчас и проверим мою безумную идею, а заодно уничтожим следы нашего с вами пребывания на лестничной площадке.

Она решительно поднялась с кресла и направилась к чёрной лестнице. Взяла со стеллажа фонарь, открыла железную дверь и стала тщательно и методично осматривать ступени.

— Что мы ищем? — после некоторого колебания Николай присоединился к поискам, устав скучать у двери и думать, что все бабы чокнутые — уж эта точно: ползает по мусору в дорогой одежде — в одежде он разбирался (его сестра работала секретаршей в банке и почти всю зарплату тратила на шмотки).

— Надо постараться найти следы этого преступления, — Кира осторожно подвинулась на ступенях и ткнула пальцем в два хорошо видных следа. — Вот мой след от сабо, а вот ваш след от ботинок. Он наполовину перекрывает мой след — значит, вы прошли здесь позже меня. Нам с вами надо найти следы неизвестного человека, перекрывающие наши следы с Бурмистровым и попавшие под ваши следы.

— Ничего себе задачка: «найди то, не знаю что»! — недовольно ворчал под нос молодой секьюрити, склоняясь над пыльными ступенями и подсвечивая себе фонариком из телефона. — А если мы ничего не найдём?

— Я же слышала, как человек выбежал из подвала, а значит, оставил следы — он же не может летать!

Первым делом они осмотрели верхнюю лестничную площадку, с которой упал пьяный мужчина — о том, что сосед был изрядно подавший, говорила початая бутылка водки, стоящая у перил, и разбитая бутылка пива на полу — человека могло сильно качнуть, и всё! Или кто-то помог ему сильно качнуться!

Они ползали по ступеням, приглядывались, пока Николай не обнаружил чёткий след мужских ботинок на площадке между первым и вторым этажом.

— Кира Дмитриевна, идите сюда, — позвал он, очень гордясь собой. — Отпечаток ботинка что надо!

Осмотрев след, Кира побежала в квартиру, нашла в столе в кабинете чистые листы бумаги, карандаш, линейку и вернулась к телохранителю Бурмистрова. Очень точно она срисовала след ботинка, измеряя длину и ширину отпечатка, перенося на бумагу и отпечаток подошвы.

— А теперь что? — заинтригованно спросил Николай — хотя все бабы и чокнутые, но с этой «бабой» ему было очень интересно.

— По этому рисунку мы определим рост неизвестного мужчины.

Поднявшись в квартиру, Кира тщательно — на замок и стальной засов — закрыла дверь чёрного хода. Она повела Николая в кабинет, отыскала на полке учебник по криминалистике, и они устроились за письменным столом, внимательно читая главу «Трасология» и подставляя свои значения в формулу определения роста подозреваемого по

длине следа.

— Ох, не нравятся мне эти остроносые ботинки... — озабоченно шептала Кира, отчёркивая пунктирной линией заострённый мыс следа.

Несколько минут они увлечённо высчитывали «рост подозреваемого».

— Сто девяносто три! — с гордостью подытожил блондин-каратист, отодвигая в сторону исписанные листочки. — И откуда вы столько знаете о следах подозреваемых?

— У меня был хороший учитель, — печально улыбнулась Кира и погладила раскрытый учебник по криминалистике, принадлежащий Павлу Шубину.

— Так какой мы сделаем вывод из нашего расследования: несчастный случай или убийство?

— Не знаю, — снова пожалла плечами Кира, — но не самоубийство уж точно. Скорее всего, несчастный случай — посторонних следов на нашей лестничной площадке мы так и не нашли, а выбежавший из подвала человек мог вообще не иметь отношения к случившемуся — вышел покурить, посмотрел вниз, а там... Найденный нами на лестнице след вряд ли имеет отношение к сегодняшней трагедии — следы идут по самому краю ступеней и нельзя определить, когда они были сделаны, к тому же дорогие туфли у этого мужчины, чтобы быть участником коммунальных разборок.

— Согласен, — поддакнул секьюрити, — ботиночки что надо!

— Не нравятся эти остроносые мужские туфли на пыльных ступенях чёрной лестницы! Лучше бы нам с вами разбудить Вячеслава Львовича и уехать всем отсюда побыстрее...

Истощенный женский вопль потряс старый дом до самого основания.

«Сыщики» уставились друг на друга и бросились к двери чёрного хода.

Спасаться бегством было уже поздно!

Труп соседа на чёрной лестнице уже обнаружили!

22

Оказалось, что кормить по утрам привередливого богатого мужчину дело не лёгкое и неблагодарное!

Проснувшись рано утром, Бурмистров почувствовал себя «зверски» голодным, и Киру вежливо попросили сходить в магазин за продуктами.

— А где же Кира Дмитриевна? — мимоходом поинтересовался Бурмистров у «обслуги», брезгливо рассматривая полосатую рубашку — ему на выбор было предложено несколько запечатанных пакетов с рубашками Шубина.

Удивлённо похлопав глазами, Кира хотела покрутить пальцем у виска — вот же она перед самым его носом, но вовремя вспомнила про свой злосчастный, чёрный парик и крутить пальцем у виска передумала.

— Кира Дмитриевна — это я! — с пафосом сказала она и сделала глубокий реверанс, будто представлялась королевской особе.

Банкир удивлённо вскинул брови, разглядывая стоящую перед ним молодую русоволосую женщину со светло-кариими смеющимися глазами — на спасшую его от братков «училку-батаничку» она была смутно похожа, но только похожа.

— Может быть, я, что-то путаю, но вчера мне показалось, что Кира Дмитриевна постарше и с чёрными волосами.

— Вовсе нет, — Кира взбила пальцами волнистые русые волосы и состроила постную мину, — просто к вечеру я всегда старею и чернею — ночь, знаете ли, время призраков и преобразений.

— Странная у вас тенденция, — хмыкнул Бурмистров и тут же догадался, что вчера вечером не давало ему покоя — искусственные чёрные волосы «училки»: для брюнетки у этой женщины были слишком светлая кожа и глаза, понял, успокоился и опять уставился на рубашку, осторожно щупая материал двумя пальцами. — А другого ничего нет? — капризно спросил он, отложив рубашку в сторону к куче других распечатанных рубашек.

— Вам что-то не нравится? — озабоченно поинтересовалась Кира: мужчина был её гостем, а гостям принято угождать. — Размер не подходит?

— Размер? Да они же все с синтетикой! — Бурмистров с таким презрением посмотрел на рубашку, что она немедленно должна была сгореть под его испепеляющим взглядом. — Неужели в этом доме нет нормального шёлкового или хлопкового белья?

— Ну, почему же? — мстительно оскалилась Кира, про себя называя банкира снобом и привередой. — В кладовке висит поношенный тренировочный костюм с вытянутыми коленками — чистый хлопок! Если вас и он не устроит, — она выразительно развела руки в стороны и снова оскалилась, — придётся вам ходить голышом по квартире!

Оставив Бурмистрова приходить в себя от такой неуважительной иронии, можно сказать наглости, к его запросам, Кира сочла за лучшее сбежать из дома — что она и сделала, отправившись в ближайший супермаркет.

— Ты слышала, душечка, что ночью произошло? — налетела неугомонная Татьяна Ивановна, лишь только Кира вышла из квартиры на лестничную площадку. — Муж Виолеттки Точиной с чёрной лестницы упал и разбился! Я всегда говорила — пьянка до добра не доведёт!

— Да-а, — вяло поддержала разговор Кира, закрывая входную дверь на все замки, — водка — это зло.

— Ну, с этим абсурдным утверждением можно поспорить, — и соседка пустилась в долгие рассуждения о пользе национального напитка: он же и для согрева, и для веселья, и для растирания первейшее средство. — Во всём надо знать меру, а не напиваться до чёртиков, как Васька Точилин!

— И полиция приезжала? — осторожно поинтересовалась Кира, пряча ключи в замшевый чехольчик и кладя связку в карман бежевого летнего пиджака.

— А как же! И полицию вызывали. Они всё осмотрели, сказали: «несчастный случай» и велели всем расходиться.

— И никакого расследования?

— Чего расследовать то? Говорят тебе — несчастный случай! Никто не виноват, что Васька напился и вниз свалился! Вчера Виолетта детей ужином накормила, как водится, приняла с мужем по маленькой, бутылку с оставшейся водкой убрала и уснула у телевизора, а ночью проснулась — нет его в квартире. Вышла на лестницу — мужики всегда на чёрной лестнице курят, а там только его тапочка валяется, да бутылка недопитая стоит! Глянула Виолетта вниз... Насилу её от Васьки оттащили. А уж голосила! Весь дом на ноги подняла И как это ты, душечка, не слышала?

— Спальня далеко от дверей.

— Да-а, Елизаветины хоромы это тебе не наши коммунальные клетушки. Повезло тебе, душечка! А вот Лидке Петровой и Виолетке Точиной не повезло: одна в реанимации на ладан дышит, другая мужика лишилась... — и, потянув Киру к себе за рукав лёгкого пиджака, Татьяна Ивановна жарко зашептала ей в ухо: — Ты, душечка, про обещанные мне вещи Лизаветы не забыла?

— Не забыла.

— Вот, и хорошо — зайду вечерком и вещи заберу.

Кира согласно покивала головой и стала спускаться по лестнице.

— Вера, деточка, — слышался за её спиной скорбный голос соседки, — несчастье то какое!

«— Да, трагедия, — мысленно согласилась Кира — Но был ли это несчастный случай? Теперь мы этого уж точно не узнаем: следы затоптаны. А может, просто разыгралось моё нездоровое воображение».

Она остановилась на том самом месте, где столкнулась с высоким, плечистым мужчиной, вспомнила его сердитые, синие глаза, затягивающие в глубину его вспыхнувшей страсти, сильные руки, умеющие подчинять и носить, его мускулистое тело, глядя на которое захватывало дух от восхищения и желания ощутить его на себе и внутри себя, вспомнила свое радостное волнение, которое испытала при его близости, и безумное желание попробовать на вкус его губы и язык, и, испугавшись этого наваждения, потрясла головой — нет, нет, нет — думать надо о другом мужчине: о высоком в остроносых модных ботинках.

«— А какие ботинки были у того синеглазого... Зря я не посмотрела...»

«— Пялилась ты совсем на другое место, — усмехнулся ее внутренний голос»

«— Не ври! Не пялилась! — обиженно возмутилась Кира и покраснела от собственной лжи. — Ну, один разочек... Он такой привлекательный мужчина — сильный, мужественный... хотелось увидеть его... без одежды...»

«— Голым... и рядом с собой в кровати»

«— Обнаженным! И никакой кровати»

«— Тяжелый случай! Хотя... ты в своей жизни голых мужиков то не видала — на первого стеснялась посмотреть, а на второго глаза закрывала, чтобы не видеть. Удивляюсь твоей силе воли, как ты не набросилась на этого синеглазого здоровяка прямо в подъезде, после такого долгого воздержания...»

«— Все, тема закрыта! А этот мужчина с виду такой сильный, уверенный и одновременно какой-то растерянный, одинокий — хочется обнять, приласкать, нежно погладить по щеке...»

«— Стоп! Ты опять куда-то не туда! Думаем о преступлении!»

Кира постаралась выбросить из головы образ синеглазого мужчины, столкнувшегося с ней на лестнице и так поразившего ее воображение — взрослого, сильного и такого потерянного, и сосредоточилась на следах обуви.

— Не нравятся мне эти следы модных ботинок на пыльных ступенях коммунального дома!

У подъезда в толпе возбуждённых соседок и подвыпивших мужичков, отмахиваясь от их наскоков, стоял участковый полицейский среднего роста с пышными усами, растерявшийся от столь негативного отношения жильцов к «бездействию» родной полиции.

— Безобразие! — в унисон возмущались две бабульки с собачками на поводках. — Порядок в доме навести не можете!

— Вон, Лидку Петрову у самого дома машина сбила, а водителя так и не нашли!

— Они скоро по тротуарам начнут ездить!

— Теперь Васька с лестницы упал! То одно, то другое!

— И куда только полиция смотрит? Вот раньше...

— Спокойно, граждане! — участковый постарался взять инициативу в свои руки и пойти в наступление. — Василий Точилин сам виноват — знаете ведь его пристрастие к алкоголю, а с наездом на Петрову мы постараемся разобраться — ведётся следствие, но вы же сами уклоняетесь от дачи свидетельских показаний — кто-то же видел аварию, но молчит.

— Скажи вам слово — вы потом затаскаете...

— Это, не наше дело!

— Вот, вот! Только о себе и заботитесь. А о потерпевшей вы подумали? С кого она деньги за лечение потребует? А если, не дай Бог, ваша Петрова помрёт? Кто будет её семье помогать? Стыдно, граждане дорогие не исполнять свой гражданский долг!

Немного послушав разговоры, Кира опустила голову и понуро пошла в магазин.

Полицейский капитан слегка обернулся, провожая незнакомую женщину цепким профессиональным взглядом, и мысленно запомнил:

«— Рост метр семьдесят пять с каблуками, нормального телосложения, волосы русые до плеч, глаза... Надо узнать у Татьяны Ивановны кто это и к кому приходила».

Все упрёки, высказанные участковым, относилось именно к Кире — ведь она знала виновника наезда на женщину, но у неё совершенно не было времени довести это дело до конца и обратиться в полицию.

«— Вернусь из магазина и сразу же поеду в отделение, — покаянно решила она и тут же спохватилась. — Дмитрий Викторович должен приехать в три часа, а вечером я обязательно поеду на дачу — бросила дочерей на родителей и не показываюсь. В полицию поеду в субботу. Стоп! Я же буду на даче. А в воскресенье надо везти девочек и родителей на вокзал, а после обеда из командировки прилетает Анатолий — встречать его придется...»

Вздыхая, Кира увидела автомат вызова полиции, позвонила, сообщила номер машины сбившей женщину и вошла в двери супермаркета.

Суэта магазина заставила её включиться в марафон вдоль прилавков.

Пробегая мимо высокого стеллажа, отгораживающего отдел с детскими товарами от основного зала, Кира услышала тихий жалобный плач и остановилась. Заглянула за стеллаж.

Маленькая девочка горько плакала, обхватив колени молодой темноволосой женщины, которая даже не пыталась успокоить ребенка, молча стояла около стеллажей, словно статуя скорби, с поднятым к потолку перекошенным лицом, крепко сжимая в руке пластмассовую корзину с продуктами. Плотное облако горя накрывало обеих.

— Простите, я могу вам чем-нибудь помочь? — не выдержала Кира детских страданий.

Молодая женщина вздрогнула, повернула голову и, полоснув невольную свидетельницу их горя тяжелым взглядом обреченности.

— Нет, спасибо, — холодно произнесла она и, успокаивая, положила руку на вздрагивающие плечи дочки.

Девочка всхлипнула, повернула голову и посмотрела на незнакомую тетю влажными от горя глазами.

Кира улыбнулась — девочка была похожа на грустного забавного олененка: пушистые хвостики волос, перетянутые разноцветными резинками, торчали над лопухими ушками маленькими рожками.

Ну, как пройти мимо такого обворожительного создания и не помочь?!

— Что случилось, милая?

Не ответив, девочка спрятала лицо в коленях матери.

— Куклу, которую мы присмотрели Танюшке ко дню рождения, уже купили, — неохотно пояснила молодая женщина, стоя среди огромного количества детских игрушек.

— Да, это трагедия, — посочувствовала Кира. — А другие...

— Другие нам не подходят, — жестко перебила молодая мама, и девочка, переставшая было плакать, вновь заскулила.

Оглядев полки, плотно заставленные игрушками, Кира покачала головой — ценники скалились цифрами, как цепные собаки. Такие траты молодой женщине были явно не по карману.

— Знаешь, Танюша, — Кира присела на корточки перед девочкой, — сегодня особенный день — день, когда все желания исполняются. Выбирай себе любую куклу — это будет тебе наш с мамой подарок.

В покрасневших глазах Танюшки заплескалось недоверие, постепенно сменяющееся счастьем. Она закивала головкой (при этом рожки-хвостики так забавно затряслись, что Кира снова улыбнулась) и, не слушая возражений матери, побежала вдоль полок с игрушками.

— Вон ту! В шляпке и в платьице с кружавчиками! — остановившись, потянула она к понравившейся кукле худенькие ручонки.

Посмотрев на ценник, Кира сняла с полки нарядно одетую куклу и протянула девочке. Та радостно прижала её к груди, тревожно оглядываясь на мать.

— Мы не можем принять такой дорогой подарок.

— Бросьте! Это не вам подарок, а Танюшке! — решительно пресекла Кира возражения молодой женщины, доставая из кошелька нужную сумму. — У меня у самой две дочери и я прекрасно знаю, что такое мечта о новой кукле. Возьмите деньги и не омрачайте дочери радость.

— Мы живем с вами в одном доме, — вместо благодарности тихо произнесла молодая мама, сжимая в руке хрустящие купюры. — Если сможете, проходите вечером в четвертую квартиру — я устраиваю праздник для детей. Мы с Танюшкой будем рады вас видеть.

— Спасибо за приглашение, но, извините, вечером я буду уже далеко отсюда.

23

Попрощавшись, Кира снова пошла вдоль прилавков. Неожиданно она почувствовала, как прижатая к боку сумка поехала вниз, и тут же подхватила её свободной рукой. Оглянувшись, она заметила невысокого остроносого парня с редкими серыми волосёнками в спортивном костюме, метнувшегося в сторону и затерявшегося в толпе покупателей. Кира осмотрела сумку и охнула — ремешок новой кожаной сумки был аккуратно перерезан.

— Ну, что за свинство! — возмутилась она, пристраивая сумку на проволочную полочку тележки, а для того, чтобы сумку снова не украли, обмотала ремешок вокруг ручки тележки.

Через полчаса с испорченным настроением Кира вышла из супермаркета с полным пакетом продуктов и быстро пошла к дому. У перехода она остановилась, поджидая пока загорится зеленый свет светофора.

Неожиданно около неё затормозила большая чёрная машина, задняя дверь «БМВ» открылась, и в машину, вырвав у Киры из-под мышки сумку, заскочил невысокий остроносый парень в спортивном костюме.

Но повторной краже сумки не суждено было свершиться — сумка была крепко привязана к руке хозяйки! Кира обмотала порезанный ремешок вокруг кисти, и теперь следом за сумкой оказалась втянутой в салон иномарки.

— Отдай, сука! — зашипел воришка в лицо Киры, дохнув на неё стойким перегаром.

Кира оторвала глаза от сумки, и перед ней возникло лицо остроносого парня, ужасно похожего на крысу. При ближайшем рассмотрении воришке было далеко за двадцать, невысокий рост и щуплое телосложение давали обманчивое представление о его возрасте.

— Отдай сумку, падла мочёная! — повторил воришка, угрожающе приблизившись.

«— Почему «мочёная»? — удивилась Кира и, вцепившись в сумку второй рукой, полезла из машины».

За собой она тянула злосчастную сумку, не собираясь расставаться со своей собственностью. И она победила бы, если бы на помощь остроносому воришке не подоспел его подельник. Он выскочил из машины и, втолкнув Киру в машину, захлопнул дверь иномарки.

Кира ткнулась головой прямо в лицо воришки, и тот взвыл от боли. Но Киру это завывание не испугало, и она закричала и попыталась открыть дверь иномарки.

С переднего сиденья раздался трёхэтажный мат, огромный кулак тяжёлым молотом опустился на её голову... почти...

В последнюю секунду перед ударом Киру словно кто-то дернул за волосы, вытаскивая из-под удара... А может это она сама дернулась, отклонилась в сторону, удар получился несильный, скользящий... по лбу сбоку, по плечу, но голова слегка закружилась.

«— Падай, ка, ты в обморок! — посоветовал Кире ее внутренний голос»

И Кира послушалась, «рухнула» на сиденье и закрыла глаза...

— Совсем сдурел! — набросился один браток на другого. — Пришибешь!

— Я легонько, без замаха, — басил браток с переднего сиденья. — Ну, и что нам теперь с ней делать?

— Бритвой по горлу и в колодец, — хохотнул волитель.

— Ты всё шутишь, Шмель, а ты дело предложи.

— Ладно, проехали. И как ты, Лёха, живёшь без чувства юмора?

— Нормально живу, — обиделся «басовитый», и Кира осторожно приоткрыла глаза.

Мощное волосатое тело сидящего на пассажирском сиденье мужчины было вбито в длинные шорты цвета хаки и чёрную спортивную майку. На ногах Лёхи красовались не первой свежести «белые» носки и штиблеты сорок последнего размера.

— А я знаю, куда её отвезти можно, — хлюпнув разбитым носом, встрял в разговор оплошавший воришка с переднего сиденья.

— Заткнись Крыса, — цыкнул на него сидящий за рулём здоровяк с толстенной шеей и стриженным затылком. — Ты лучше скажи, падла, зачем бабу в машину затащил?

— Никуда я её не тянул, — заныл воришка, — хотел только сумку вырвать. Кто же знал, что эта курва, сумку к руке ремнём привязала.

— Ну, и что нам теперь с ней делать? — снова спросил Лёха.

— На мокруху я не подписывался! — испуганно взвизгнул Крыса, хватая здоровяка-водителя за руку. — Я честный вор!

Удивившись такому заявлению (ну, как может вор быть честным человеком?!), Кира закрыла глаза и постаралась не шевелиться, решив как можно дольше «не приходить в сознание».

— Какой ты к чёрту вор! Простого дела сделать не смог! — водитель-здоровяк замахнулся на Крысу — тот сжался и придвинулся ближе к двери. — Связался с тобой на свою голову!

— А что я сделал то? — заюлил воришка. — Всё как раз здорово нарисовалось: бабу отвезём в пердильник — здесь недалеча на стройке колодцев брошенных много, а сами к ней на квартирку наведемся.

— Мамочке это не понравится, — пробасил Лёха-Бегемот и завозился на переднем сиденье. — Он тебе, Шмель, сказал, чтобы мы ключи достали, а что из этого вышло...

— Плевать я хотел на эту гниду! — неожиданно взорвался здоровяк-водитель. — У его папашки денег полно — вот пусть и ждёт пока тот окачурится, а мы у этой бабы в квартирке сами пошуруем — авось и нам кое-что обломится.

— Меня на зону что-то не тянет.

— Не гунди, Бегемот! Крыса прав: у нас к этой бабе свой интерес. Ключи у нас есть, а это главное! Если квартира на сигнализации стоит, за пару минут осмотримся, закроем дверь на замок и слиняем — пусть менты думают, что сигнализация ошибочно сработала, а мы выждем и опять нагрянем.

— А эта баба как же?

— Баба... — прикуривая, сидящий за рулём Шмель замолчал. Он и сам не знал, что они будут делать с лежащей неподвижно женщиной, но признаваться в этом своему поделнику не хотел — сейчас он главный, а главному всегда надо быть в авторитете. И он старался думать о сложившейся ситуации, но думалось совсем не об этом: перед его глазами вставляли картины в золочёных рамах, старинные бронзовые подсвечники, золотые монеты, рассыпанные на пожелтевших свитках. Он потряс лобастой головой, прогоняя видения квартирному богатству. — Баба в колодце несколько дней посидит — Крыса покажет, где это. Там её долго никто не найдёт, а когда обнаружат, нас в Москве уже не будет. С такими деньгами у тёплого моря хорошо жить...

— Может, зря ты, Шмель, решил сам в этой квартире пошуровать! — всё ещё сомневался Лёха. — Я этого Мамочку не знаю, но тебя послушать он в два счёта любую бабу охмурит — вот, пусть бы и старался, а мы бы только следили за этой бабой. А теперь что вышло? С бабами всегда проблемы: одна под колёса сиганула, вторую в «пердильник» везём. Нам надо было знакомцу твоему помочь и свою чистую долю получить.

— Держи карман шире! Так он со своими бабками и расстанется! — здоровяк-водитель не любил, когда ему перечили. — Мамочка ради денег ни отца, ни брата кровного не пожалел, а ты поделится! Какой толк от этой слезки? Мне за его дела срок тянуть не резон. А с этой бабой Мамочка один раз уже пытался познакомиться — не вышло: возможно, ей нравятся мужики постарше и побогаче, как его папашка.

— Выходит сынок у своего папашки шмару пытался увести?

— Ну, ты даёшь, Лёха! Зачем ему уводить старую клячу, когда тёлки на такого красавца сами вешаются? Нет! Он, как родственник, имеет виды на эту квартиру, а квартира, видишь ли, по завещанию этой бабе досталась — кем уж она кому приходится не знаю, но Мамочке очень не хочется семейное имущество из рук выпускать. Поначалу он хотел пугануть бабу, как следует, чтоб она от наследства отказалась... А вообще-то, он нам ещё приплатить должен за то, что мы у этой бабы в квартире пошуруем — у его папашки сердечко пошаливает, а тут такая история получилась: любовница пропала и всё ценное из квартиры умыкнула! Окачурится папашка раньше времени и Мамочка единственным законным наследником останется.

— А баба нас ментам не сдаст?

— После твоего удара мало кто что-то помнит, но ты ей глаза на всякий случай завяжи

— держи тряпку. И руки свяжи.

Верёвка больно впиалась в Кирины запястья, на глаза плотно легла тёмная дурно пахнущая ткань, но она не пошевелилась.

— Чего-то она долго не чухается... Посмотри, Леха. Как бы она того, не окачурилась.

Кира тихо застонала. Она предпочла «прийти в себя», а не выдерживать мерзкое ощупывание.

— Ну, вот, а ты боялся, я же говорил — слегонца врезал.

— Сворачивай направо, — скомандовал Крыса, и машина резко повернула вправо, — на грунтовку.

Машина послушно съехала с асфальта, некоторое время переваливалась на ухабах и спустя минут пять остановилась.

— Стой, приехали.

Киру грубо вытащили из салона, протащили по песку, подняли под руки и стали опускать в широкий бетонный колодец.

И тут она не выдержала и с отчаянием утопающего вцепилась в руку одного из похитителей. Пальцы скользили, ногти впились в волосатую кожу, и та, не выдерживая отчаянного напора, трескалась и кровоточила.

Мужчина хрипло зашипел:

— Отцепись, кошка драная! Хуже будет!

Но Кира не послушалась. Она хваталась за спасительную соломинку, не осознавая, что причиняет острую боль держащему её за руки человеку.

— Отцепи её от меня!

— Слышь, ты, — очень ласково произнес другой мужской голос над Кириной головой, — считаю до трёх: не отцепишься — пальцы переломаю.

И похититель, ухватив большой палец Киры, начал его выкручивать.

— Раз, два...

На «три» Кира разжала руки и полетела вниз.

Падала она одно долгое мгновенье и, почувствовав под ногами твёрдую почву, упала на песок.

Хлопнули двери, тихо заработал мотор иномарки, песок зашуршал под колёсами отъезжающей машины, и всё смолкло. Пугающая пустота снова надвинулась, обняла, дохнула холодом неизвестности.

Превозмогая пульсирующую боль в пальцах, Кира осторожно стянула повязку, брезгливо отбросила её в сторону, но глаз не открывала.

«— Ну, ты и вляпалась, подруга! — внутренний голос всегда приходил Кире на помощь, заставляя взглянуть на проблему с другой точки зрения, что нередко помогало Кире найти выход из безвыходных ситуаций. Гном снял шляпу и поскрёб пятернёй макушку. — Что теперь будешь делать, горемычная? Как я понимаю, складного вертолёта ты с собой, конечно же, не захватила?»

24

В детстве, услышав от бабушки сказку о Белоснежке и семи гномах, впечатлительная Кирочка начала поиски маленьких человечков. Она каждый день упорно обыскивала дом, заглядывая под столы и кровати, в шкафы и комоды — в доме гномов не было! Придя к такому неутешительному выводу, Кирочка отправилась искать дремучий лес, выбравшись из детского сада через дырку в заборе. Но до дремучего леса она дойти не успела: бдительная

нянечка поймала её на дороге и поставила в угол до прихода бабушки.

— Ну, разве так можно, деточка, — сетовала бабушка, ведя домой за руку насупленную Кирочку. — Тамара Петровна так волновалась!

— Я хотела найти гномов и взять их бедненьких к нам в дом. Ты не думай, бабушка, — в карих глазах худенькой девочки горели золотые искорки жалости и упрямства, — маме с папой не придётся тратить на них деньги. Я буду отдавать им половину своей еды, все свои конфеты и твои воскресные пирожки, а спать они будут у меня в комнате на кукольных кроватках, которые сделал папа.

Бабушка погладила шёлковые волосы внучки, и украдкой вытерла набежавшие слезы.

— Так нельзя, милая. Гномы живут с Белоснежкой в своём домике, и без них ей будет совсем одиноко. Ты же не хочешь, чтобы Белоснежка плакала и скучала?

Подумав, Кирочка покачала светлой кудрявой головкой.

— Нет, не хочу, — но, сжав кулачки, со слезами в голосе девочка добавила: — Так не честно, бабушка! У Белоснежки во-он сколько друзей, а у меня нет ни одного! Пусть она отдаст мне самого вредного, самого ворчливого гнома, которого она совсем-совсем не любит!

Бабушка заохала, снова украдкой смахнула слезинку и, придя домой, они сели шить только Кирино Гнома. Игрушка получилась кривобокая с нарисованным лицом, но девочка была счастлива.

При переезде из старого дома игрушка потерялась, но образ ворчливого, ироничного гнома в зелёном, атласном камзоле, чёрных, бархатных штанишках и остроконечной шляпе с большими полями снова возник в её голове в тот самый миг, когда Кира ясно поняла, что жизнь её кончилась. Кончилась раз и навсегда... В тот злополучный день до самого вечера она ещё на что-то надеялась, напряжённо вслушивалась в долгие телефонные гудки, и запрещала себе думать о плохом, а вот теперь всё — воздушный замок её любви рухнул, погребая под обломками наивную дурочку, посмевавшую поверить в счастье...

— Что вы хотите? — устало спросила женщина у Киры, уставшей после бесконечных часов неизвестности и решившейся, наконец, побеспокоить мать жениха.

— Скажите, пожалуйста, с Павлом всё в порядке? — голос предательски дрогнул, и Кира со всей силы сжала пальцы в кулак. Ногти впились в ладонь, но даже острая боль не смогла ни на йоту потеснить тревогу, охватившую её железными кольцами неизвестности.

— Конечно, с ним всё в порядке! Павлуша на два месяца уехал в Прибалтику.

Из всего сказанного матерью Павла Шубина Кира услышала только первую фразу, и вымученная улыбка тронула её искусанные в кровь губы.

— Слава Богу! Он жив и здоров! Он ушёл, не предупредив, и я подумала, что случилось несчастье...

Тиски неизвестности и тревоги, всё это время сжимавшие её сердце, разжались, но по мере того, как ледяная пустота уходила из тела, до неё начал доходить смысл и второй фразы: «...на два месяца уехал в Прибалтику».

— Как на два месяца? — трубка чуть не выпала из её трясущихся рук. — Но через месяц — первого сентября у нас свадьба... Мы вчера подали заявление в ЗАГС.

— Вы что-то путаете, милочка, — женщина громко засмеялась. — Паша уехал к своей невесте. Через два дня у них свадьба, и мы с родственниками уезжаем сегодня в Ригу. А вы, как я понимаю, очередная охотница за богатыми мальчиками и последняя Пашина блажь перед свадьбой. Ничего у вас не выйдет, девушка! Хотя какая ты девушка — дешёвая

потаскушка на одну ночь. Порви своё заявление и забудь о моём сыне!

Что говорила женщина дальше, было уже не важно. Выронив трубку, Кира медленно съезжала по стенке на пол, тщетно пытаясь разглядеть противоположное окно сквозь застилающую глаза черноту...

Вот в этой безжизненной пустоте перехода в иной мир и возник в Кириной голове голос ворчливого ироничного гнома её утерянной игрушки. Возник, обрёл очертания, заговорил, заставил очнуться, выбраться из темноты одиночества, принять жестокую реальность, пережить предательство любимого человека и жить дальше.

Это уже потом (после настоятельных советов заинтересованного лица) у неё появилось навязчивое желание отомстить Павлу Шубину за обман и предательство и тем самым залечить свою уязвлённую гордость. Вопреки предостережениям внутреннего голоса и родителей, Кира приняла предложение влюблённого в неё старшекурсника и скоропалительно вышла замуж за Анатолия Меркулова, оставив, впрочем, после замужества свою фамилию.

25

И вот сейчас, брошенная в глубину какого-то колодца, она сидит на песке с закрытыми глазами и слушает разглагольствования своего внутреннего голоса, спасшего её когда-то из пропасти отчаяния и уныния.

«— Радует то, что сама по себе ты их не интересуешь, и убивать и насиловать тебя они не собираются. Главное для них — деньги!»

«— Ерунда! — строптиво возразила Кира. — Главный приз в этой истории — квартира! Если бы не она, не было бы всего этого кошмара! Надо вспомнить, что говорил Дмитрий Викторович и Татьяна Ивановна о родственниках и имеющемся наследниках какой-то там очереди... «Родной брат отца Павла — Борис Шубин и его дети». Вероятнее всего, этот Мамочка один из детей Бориса — он узнал, что Павел оставил всё мне, не смирился с потерей и жаждет заполучить семейное имущество Шубиных. Кошмар!»

Не смотря на полуденную жару, полыхающую за стенами колодца, в самом колодце было прохладно и сыро, пальцы Киры совсем заледенели. Она подышала на них, сунула между коленями и прислушалась к окружающей реальности.

Высоко над головой самозабвенно пела какая-то птичка. Летний ветерок от нечего делать забавлялся, закручивая водоворотики из песчинок и швыряя их в бетонные стены колодца. Очень далеко на другом конце необъятной стройки тяжело ухала какая-то машина, забивая сваи в сопротивляющуюся землю. Кругом была жизнь, и Кира открыв глаза.

Серые стены широкого колодца возвышались вокруг неё примерно на три метра, и всякая попытка дотянуться до его края, была обречена на провал.

Высоко, в голубом до рези в глазах небе, там, где жизнелюбивая птичка распевала свои оптимистичные песни, неспешно и равнодушно плыли рыхлые кучевые облака.

Глядя на их ленивое движение сквозь бессильные слёзы, Кира отчаянно всхлипнула, но тут же приказала себе не распускаться.

— Плакать будем потом! — произнесла она вслух, стараясь не замечать накатывающей головной боли.

Опираясь о шершавую стену связанными руками, она поднялась на ноги. Послышавшийся вдалеке шум приближающейся машины, заставил пленницу замереть. Размазывая слёзы по щекам, Кира приложила ко рту связанные руки и закричала:

— Помогите! — собравшись с силами, закричала Кира, голова слегка закрыжилась. —

Помогите!

— Зря орёшь, — раздался над её головой голос одного из похитителей. — Никто не услышит — здесь кругом заброшенная стройка.

Кира подняла голову, пытаясь рассмотреть лицо говорившего, но никого не увидела.

— А мобильничек у нас где? — ласково спросили сверху, и над колодцем появилась стриженная мужская голова в тёмных очках с привязанным к дужкам носовым платком.

— В квартире остался, — честно призналась Кира.

— А ключи от квартиры где? — снова поинтересовались сверху, и Кира, похлопав связанными руками по карманам летнего пиджачка, вытащила связку ключей.

— Кидай сюда!

Но приказание она не выполнила, тупо смотрела на ключи, пытаясь вспомнить, что-то очень важное связанное с ними...

Ключи... Ключи...

Нет! Не получается.

Кира закрыла глаза и сжала руками разламывающуюся голову.

— Эй! Ты что уснула? Ключи от квартиры давай.

Ключи от квартиры... Ключи от квартиры, где деньги лежат...

И она вспомнила услышанный в машине разговор похитителей, и всё стало таким простым и ясным, а она даже не потрудилась после трагедии подумать об этом... Подумать о том, что сбита машиной женщина взяла именно её зонт и вышла под ним из подъезда! Эти бандиты взяли сумку сбитой женщины — они хотели получить ключи от её квартиры! Ключи от квартиры Шубина! Но они ошиблись женщинами — их ввёл в заблуждение приметный зонт... И если бы женщина не взяла бы в тот день её зонт от двери, то именно она, Кира Чичерина, лежала бы тогда на асфальте с пробитой головой в розовой луже!..

От открывшейся правды чувства и мысли Киры вдруг заledenели.

Она и не предполагала, что всё случившееся со сбитой женщиной связано и с ней тоже! Что все эти «семейные разборки» так серьёзны и страшны!

— Кидай сюда ключи, сука! — без прежней ласковости неслось сверху. — Придушу!

Похитители кричали и ругались на три голоса, но Кира заворожённо смотрела на зажатые в руке ключи.

Хотя удара по голове был скользкий, но соображала она плохо, а когда, наконец, сообразила, что от неё требовали, просветлённо улыбнулась.

— Эй, наверху, — закричала она, позванивая связкой ключей, словно колокольчиком. — Я согласна отдать ключи в обмен на сумку.

Мужчина в очках и носовом платке снова свесился в колодец.

— С чего это ты стала такая сговорчивая? — недоверчиво поинтересовался он.

— Так вы же всё равно их отберёте, — пожалала плечами Кира, — мне с вами не тягаться. А так, может, согласитесь на обмен: как-никак я вам столько времени и сил сэкономлю.

— А зачем тебе сумка? — последовал резонный вопрос.

Кира вздохнула и постаралась придать своему голосу наивную правдивость.

— Голова страшно болит, а там таблетки. Да и ноготь сломала, — для наглядности она подняла связанные руки вверх, вытянув средний палец.

Жест похитителю явно не понравился, и пока он соображал, правда ли у неё сломан ноготь именно на этом пальце или в её намерения входило оскорбить его «нежные чувства», Кира заняла:

— И ссадины надо смазать духами, а то умру от заражения крови в этом треклятом колодце...

Посоветовавшись, мужчины ещё раз проверили содержание сумки и один из них опять свесился вниз, держа сумку на вытянутой руке и слегка потряхивая ею в воздухе.

— Кидай ключи — получишь сумку.

— Э, нет, — Кира так яростно затрясла головой, что чуть не упала. — Так не пойдёт. Сначала сумка — потом ключи.

— Ах, ты, падла! Ещё выкабенивается!

— Я вам ключи выкину, а вы меня обманите. Нет, уж! Лезьте сюда и берите сами! — И Кира демонстративно кинула ключи на песок.

Она молча выслушала угрозы и оскорбления и новые предложения обмена — всё это будто её не касалось.

Наконец, похитители сдались — сумка упала к её ногам. И прерывая поток угроз, Кира выбросила наверх связку ключей.

— Умница, — похвалили сверху.

Похитители сели в машину и уехали.

А Кира схватила сумку, крепко прижала её к груди и заплакала.

Через час похитители поймут её обман — она отдала им ключи от своей собственной квартиры, а ключи в замшевом чехольчике от квартиры Шубина по-прежнему лежали у нее в кармане — вернуться, и уж тогда не жди от них пощады!

Нет! Она не может умереть! У неё дочери! Как они будут без неё жить?

Во что бы то ни стало она должна выбраться отсюда!

Кира собрала всю свою волю в кулак, громко всхлипнула последний раз и, раскрыв сумку, вытряхнула её содержимое на песок.

Конечно, ни верёвочной лестницы, ни портативного складного вертолётa там не было, но там было много всякого «добра»: пилка для ногтей, зонт, щётка для волос, полиэтиленовые пакеты, флакончик духов, записная книжка и кошелёк с деньгами — на оставшиеся после магазина мелкие купюры похитители не позарились (хорошо, что она предусмотрительно выложила доллары из сумки).

Как выбраться из колодца при помощи этих предметов Кира ещё не знала, но само присутствие знакомых вещей наполняло душу оптимизмом. Первым делом она проглотила две таблетки обезболивающего и освободила руки. Смазала ссадины духами и внимательно осмотрела стены колодца. Они состояли из трёх широких колец, равномерно возвышавшихся со всех сторон. Из нескольких довольно больших выщерблен, между бетонными кольцами сыпался песок, тонкими струйками стекая по шершавым стенам на дно колодца.

Кира поковыряла пилкой в дырке, и песок побежал веселее, но ждать, пока он доверху наполнит колодец, было безумием.

Тогда она горстями стала наполнять песком полиэтиленовые пакеты, наполнив, поставила друг на друга и, держась за стену, встала на них. Кончики пальцев достали до края колодца. Но для того, чтобы вылезти требовалось несколько опор...

Отыскав две довольно приличные близлежащие дырки между разными кольцами, Кира засунула в одну из них щётку для волос, в другую раздвинутый зонт, сделав на нём «стремля» из скрученной тряпки, поудобнее передвинула пакеты с песком, собрала в сумку разбросанные вещи, привязала к руке ремешок сумки и полезла вверх.

Понимая, что у неё всего лишь одна попытка, она делала всё быстро и точно: встала на

пакеты, поставила одну ногу на щётку, держась за зонт, перенесла вес тела на ногу, перехватила руками за край колодца, сунула другую ногу в «стремя» на зонте, оттолкнулась...

Конечно, щётка сломалась, зонт погнулся, но Кира уже повисла животом на краю колодца, перекинула ногу и свалилась на песок с другой стороны бетонного «зиндана».

Вокруг и правда была заброшенная стройка: всюду валялись железобетонные балки и кольца, словно скелет умершего животного виднелось вдалеке недостроенное здание.

По следам от машины Кира поспешила к шумящей вдалеке автостраде.

26

До Шубинского дома Кира добралась очень быстро: желающих подхалтурить на шоссе было довольно много. У дома она осмотрелась, открыла подъездную дверь и вошла в прохладный просторный холл. Сжимая в руке ключи в замшевом чехольчике, стала медленно подниматься на третий этаж.

Вот и площадка!

Прислушиваясь, Кира осторожно открыла оба замка, потянула на себя тяжёлую железную дверь...

Кира шагнула за порог, но неожиданно сзади на неё навалилось что-то огромное, тяжёлое, схватило за плечи волосатыми лапищами, прижало к потному телу, втокнуло в квартиру и громыхнуло железной дверью.

Не понимая, что произошло, Кира попыталась вывернуться из крепких, сковывающих объятий.

— Не советую дёргаться, — пробасил над её головой хриплый голос одного из похитителей.

К её лицу приблизился огромный волосатый кулак с наколкой, и словно по волшебству после щелчка в нём оказалось длинное блестящее лезвие.

Кира вздрогнула и, сознавая реальную угрозу, перестала сопротивляться.

Высокая дверь гостиной неслышно открылась, пропуская в холл невысокого Николая, и так же тихо закрылась за его спиной. Увидев пропавшую хозяйку квартиры (она всего-то пошла в ближайший магазин, а отсутствовала уже половину дня) в «объятиях» здорового детина, телохранитель немного опешил.

— Здравствуйте, — без особого энтузиазма поздоровался он — лишние свидетели ему были ни к чему. — Вы муж Киры Дмитриевны или кто?

— Конь в пальто! — пробасил похититель и повернулся спиной к входной железной двери.

Теперь Николай увидел нож. Реакция его была мгновенной: он плотнее закрыл дверь гостиной и шагнул вперёд навстречу опасности — там, за этой условной преградой находился его спящий шеф, и он обязан был его защищать.

Хриплый Лёха, обескураженный присутствием в квартире постороннего человека, тяжело засопел. Хватка его стала сильнее, и Кира охнула, но застывшие мужчины оценивающе смотрели друг на друга, не замечая её стенаний.

— Ты кто? — сквозь зубы процедил детина в майке и шортах.

Николай хотел съязвить и ответить словами непрошенного «гостя»: «конь в пальто», но подавил в себе раздражение и, чтобы усыпить бдительность вооружённого ножом бандита, кротко пояснил.

— Я гость Киры Дмитриевны.

Повисла напряжённая пауза.

Кире совсем стало худо, но, как всегда, задушевный друг — её внутренний голос поспешил ей на помощь.

«— Успокойся, дорогая. Во-первых, хорошо, что ты находишься в квартире, а не в треклятом колодце, в котором нет элементарных удобств. Во-вторых, ты теперь не одна, а с Николаем, бандит же всего один и справиться с ним блондину-каратисту будет раз плюнуть. И, в-третьих, голуба моя, попробуй взглянуть на возникшую ситуацию отстранённо, как из театральной ложи. Действие первое: в старинный замок после дневного променада возвращается прекрасная королева и неожиданно подвергается нападению кровожадного разбойника, страстно обнимающего её за талию и демонстрирующего свое холодное оружие на её шейке. Действие второе: те же и щуплый страж короля, с трудом волочащий по полу двуручный меч своего господина...»

«— Боже! Какая чушь лезет в голову!» — ужаснулась Кира своим собственным мыслям: ведь внутренний голос был частью её, никогда не оставляющий её один на один с опасностью.

Николай сделал ещё один небольшой шаг в их сторону и, примеряясь к расстоянию, прищурил голубые глаза — нет, расстояние было всё ещё непозволительно большим для неожиданного нападения.

— Ты порчак грабки не тяни, — заметив его манёвры, скривился детина презрительной ухмылкой, — а то придется твою хозяйку замочить: бритвой по горлу и в колодец.

«— Это он только пугает», — всполошился внутренний голос.

Но от такой безрадостной перспективы ноги у Киры подкосились, и она безвольно повисла на руке похитителя.

— Ну, ты, — незамедлительно последовал грубый толчок в её спину. — Поднимайся! Здесь тебе не на скамейке в парке!

Блондин-каратист сделал ещё один короткий шаг вперёд, и в то же мгновение в дверь позвонили.

Все участники криминального действия замерли в прихожей.

Бегемот поудобнее перехватил Киру и, пятясь задом, отступил к открытым дверям столовой.

— Открывай, — приказал он молодому человеку с безопасного расстояния. — Предупреждаю — без глупостей!

И Николаю ничего не оставалось делать, как подчиниться.

Похититель, прикрываясь Кирой, как щитом, «задним ходом» зашёл в столовую и, оценив своё незавидное положение, «спрятался» за барную стойку на небольшой кухоньке.

Щёлкнул замок, открылась входная железная дверь, и в прихожей послышались голоса нескольких мужчин.

Услышав низкий голос Дмитрия Викторовича, Кира вспомнила об их договорённости, рванулась, наткнулась на холодное узкое лезвие, но всё равно закричала, пытаясь предупредить вошедших мужчин.

— Николай! Не пускай...

Рот ей тут же закрыла огромная жёсткая ладонь с ножом, больно прижав рукоятку к губам.

— Молчи, падла! Порежу! — выдохнул угрозу Лёха и для остротки поиграл ножом у Киры перед глазами.

— Что, значит, не пускай? — возмущённо вопрошая, Дмитрий Викторович стремительно вошёл в столовую и резко остановился, увидев Киру в «объятиях кровожадного разбойника».

За ним, приотстав, вошли Николай и телохранитель Сергей с большим тортом в одной руке и полиэтиленовыми пакетами с фруктами и деликатесами в другой — что опять нарушало правила охранного агентства. Несколько секунд задержки в прихожей хватило Николаю для того, чтобы ввести в курс дела коллегу, но для выработки общих действий времени было катастрофически мало.

— А-а, твою мать! — зарычал похититель, увидев вошедших мужчин, и, что было силы, пнул ногой барную стойку. Доски затрещали, но выдержали выплеснувшуюся на них ярость. — Вы кто?

— Гости! — спокойно ответил за вновь прибывших Николай.

— Простите, — прошептала Кира, виновато глядя на Дмитрия Викторовича.

Но тот воспринял извинение по-своему.

— Что здесь происходит? — не сдерживая эмоций, искренне возмущился он — всё! с него хватит! — Я бы попросил вас, уважаемая Кира Дмитриевна, избавить нас от лицемерия ваших семейных разборок!

— Это не муж Киры Дмитриевны — это грабитель, — спокойно из-за спины охраняемого объекта подал голос Сергей и, равнодушно водрузив торт и пакеты на обеденный стол, взял свой «объект охранения» за локоть и чуть ли не силой отвёл его подальше от барной стойки.

— Молча-а-ать! — рывкнул разозлённый до крайности Лёха. Ситуация вышла из-под его контроля, и он уже не знал, чем закончится их неудачная попытка ограбления — одно дело запугивать беззащитную женщину и совсем другое — трёх мужчин, видящих к тому же его лицо. — Всем закрыть рот и сесть за стол.

Только сейчас Дмитрий Викторович понял, что всё происходящее вокруг куда более серьёзно и опасно. Надменное лицо его побледнело, кулаки сжались — никто не смел приказывать ему что делать и разговаривать с ним в таком тоне! — но пришлось подчиниться...

27

С самого утра он вёл себя необычно: волновался, тщательно выбирал костюм и рубашку, неожиданно решив отказаться от траура по сыну, хотя совсем недавно думал, что тёмные одежды будут сопровождать его до конца дней, и главное, чего он себе никогда не позволял, приехал на встречу на полчаса раньше назначенного времени.

«— Она во всём виновата, — усаживаясь за стол в столовой Шубиных, недовольно подумал Дмитрий Викторович. — Всё сложилось бы совсем иначе, если бы в автомобильной аварии погибла бы она, а не Паша. Мы жили бы сейчас втроём и были бы счастливы! Впрочем, эта неординарная ситуация с «наследницей по кривой» может ещё обернуться в мою пользу — это ведь ей сейчас угрожают ножом! Ну, что ж, подождём и посмотрим, чем всё это закончится...»

Кира тоскливым взглядом проводила рассаживающихся за столом мужчин и с горькой иронией подумала:

«— Действие третье: те же и нежданные высокородные гости с тортом!»

Свободной рукой Бегемот вытащил из кармана шорт мобильный телефон и, зорко следя за рассаживающимися за столом мужчинами, нашёл нужный номер.

— Ты скоро? — тихо спросил он в трубку, полностью скрывающуюся в его огромной ладони. — Я в квартире с бабой в обнимку. Только тут ещё три фраера нарисовались.

— Ох, Лёха, Лёха, дать бы тебе в рыло за такое усердие... — сквозь зубы процедил Шмель и прибавил газу. — Ведь сказано же было: «- Наблюдай за квартирой, а я смотаюсь к колодцу за ключами». А ты? На кой хер ты в квартиру полез? Ладно, приеду — разберёмся с твоими фраерами! Крысу у метро выброшу и минут через десять подскочу.

Услышанное Кирой обещание не сулило «фраерам» ничего хорошего — двое бандитов будут действовать более уверенно и нагло, опасность возрастёт вдвое и чем всё это кончится неизвестно — пришла пора действовать — главное: нужно выпроводить грабителя из квартиры до прихода второго подельника.

— Хорошо, я согласна отдать вам деньги и ценности с условием, что вы сейчас же покинете эту квартиру.

Похититель натужно засопел — предложение было заманчивым, а Дмитрий Викторович, не смотря на предостережения телохранителя, возмущённо поднялся из-за стола.

— Какие ценности вы хотите ему отдать?

— Сидеть! — рявкнул Лёха и, убрав руку с талии заложницы, вытер катившийся по виску пот.

Дмитрий Викторович снова нехотя подчинился и, прищурившись, зло воззрился на Киру — он не желал расставаться ни с одной вещью Павла и Лизы.

Бегемот вытер потную ладонь о шорты и затих. Мысли в его голове тяжело заворочались — ему предлагали разрешение проблемы, и нужно было решить выгодно ли оно для него или нет.

В наступившей тишине вдруг очень громко скрипнула дверь гостиной, и на пороге столовой босой в распахнутом полосатом халате и белоснежных трусах возник Вячеслав Львович Бурмистров.

Он удивлённо оглядел сидящих за столом мужчин и, суетливо запахнув полы халата, поздоровался. Бледное лицо его украшала «боевая индейская раскраска»: красные пятна со сна от ладони и пальцев с одной стороны, ссадина на виске и начинающий расцветать всеми цветами радуги синяк под глазом с другой стороны.

Увидев Бурмистрова, Николай и Кира одновременно застонали, но у каждого из них был свой повод огорчаться.

«— Не уберёг! — обречённо подумал телохранитель и нахмурился».

«— Что обо мне подумают? — обмерла Кира. — Прощай репутация порядочной женщины!»

«Действие четвёртое: те же и полуголый король».

Если бы она только могла прекратить это затянувшееся представление театра абсурда...

Но повернуть время вспять нельзя! Ах, как жаль! Ах, как жаль...

Из трёх мужчин, сидящих за столом, двое смотрели на Киру с явным осуждением.

— Да-а... — многозначительно протянул Сергей, отодвигая в сторону торт, чтобы во всей красе рассмотреть нового участника криминального действия.

— Бордель! — презрительно бросил Дмитрий Викторович и демонстративно отвернулся.

Даже в страшном сне он не мог представить себе такого кошмара в Пашиной квартире: грабитель, размахивающий ножом, и полуголый любовник наследницы. Дмитрий

Викторович ещё не успел разобраться, что больше его разозлило: опасная ситуация с грабителем или появившийся в распахнутом халате сонный мужчина, но одно ему стало ясно, что эта женщина недостойна ни его внимания, ни его заботы, ни полученного наследства!

— Ты кто? — увидев Бурмистрова, взревел похититель.

— Я гость... — хлопая заспанными глазами, ответил банкир и, машинально дотронувшись до раненного плеча, поморщился.

— М-м-м... — замычал Лёха, скрипя зубами. — Откуда вы все взялись, вашу мать?! В квартире никого не должно было быть!

И в это время раздался долгожданный звонок в дверь.

Кира с ужасом подумала, что её затея рухнула окончательно: на этот раз уж точно звонил Шмель — «ласковый» подельник Бегемота.

«— К ху-уду! К ху-уду!» — зауhalо у неё в голове пророчество домового, и она совсем сникла.

— Открой! — приказал Лёха Николаю и мотнул головой в сторону входной двери.

Телохранитель банкира встал, заботливо усадил Вячеслава Львовича в конце стола и только после этого вышел из столовой.

— Заходите, — пригласил он кого-то, громыхнув входной железной дверью, и все с ожиданием повернули головы к двери.

К несказанной радости Киры, это был не Шмель, а высокий, плечистый, синеглазый мужчина, пострадавший вчера от столкновения с ней, вернее, с кактусом на лестнице.

Телохранитель Сергей вдруг оживился, хотел заговорить, но, повинувшись быстрому взгляду вошедшего мужчины, стушевался и что-то возбуждённо зашептал на ухо своему «объекту охранения». Дмитрий Викторович с любопытством взглянул на нового гостя.

— Что вы здесь делаете? — нарушая всеобщее молчание, удивилась Кира, вспыхивая, как девчонка, от пронзительно синего взгляда незнакомца — ну, вот опять на нее действует его взгляд. — Решили всё же получить деньги за испорченную футболку? Неудачное вы выбрали для этого время, «дорогой товарищ-барин»! — и отстранённо подумала: «- Действие четвертое: те же и странствующий рыцарь в помятых, окровавленных доспехах».

Кира ещё раз извинилась перед всеми «гостями» — а она то думала, что эта квартира тихое безопасное место! — и, видя спокойствие и собранность широкоплечего мужчины, почувствовала себя в его присутствии намного увереннее.

Но, опустив глаза, она вдруг увидела на ногах «странствующего рыцаря» дорогие, остроносые туфли и сразу же вспомнила подозрительные следы на чёрной лестнице — значит, это он кругами ходил вокруг её квартиры! Зачем??? Появившаяся уверенность в положительном исходе случившегося быстро сменилась постыдной паникой.

Кто этот человек? Что он делал на чёрной лестнице в доме Шубина? И имеет ли он какое-то отношение к несчастному случаю, произошедшему с соседом Точиным? И главное, что ему от неё надо?

Вопросы, вопросы, на которые Кира не знала ответов...

Не знала и поэтому не могла никому доверять и рассчитывать на их помощь! Окружающие её люди были к ней, в лучшем случае, равнодушны, и ей опять придётся всё решать самой!

А как иногда хочется спрятаться за широкую мужскую спину, переложить свои заботы на крепкие мужские плечи; хочется, чтобы и тебя иногда погладили по голове и прижали к

груди, и пожалели, как маленькую девочку. Где же те настоящие мужчины, не языком, а поступками подтверждающие своё благородство и великодушие, свою силу и заботу?!

Стараясь не смотреть на понравившегося мужчину, Кира взяла себя в руки и попыталась трезво оценить степень опасности, исходящей от этого мужчины.

Ей очень не хотелось, чтобы именно он был причастен к её похищению — впервые за много лет в ней вспыхнула страсть к мужчине и захотелось насладиться его телом и быть с ним, пусть даже без любви, просто по обоюдной симпатии.

— Ты кто? — зашипел Лёха, медленно приходя в бешенство.

Но мужчина молчал. Смотрел на хозяйку квартиры и молчал.

То, во что он попал в квартире Шубина, было неожиданно, но то, что Киной Дмитриевной Чичериной, о которой они с Павлом иногда говорили, оказалась именно та понравившаяся ему женщина, походило на предательский удар в солнечное сплетение. Доброта, незащитность, нежность и одновременно сила духа и железная воля — сочетались в ней непостижимым образом — с ней можно не притворяться, просто молча сидеть рядом, держать за руку, гладить ее волнистые волосы, целовать эти манящие губы, а уж потом... Нет! Нельзя об этом думать! Эта женщина не должна для него существовать — ни в каком виде! Она не для него!

«— Похоже, и этот оценивает ситуацию, — разочарованно подумала Кира, видя «замешательство» нового гостя, и вдруг, догадалась, кто этот человек на самом деле и зачем пришёл в её квартиру. — Он пытался со мной познакомиться...»

— Ты кто? — повторил вопрос Лёха, сверля мужчину маленькими злыми глазками.

— Это же ваш драгоценный Мамочка, — мстительно подсказала Кира похитителю. — Ваш поделник собственной персоной.

Рука Бегемота дрогнула.

Острая боль проткнула кожу, и Кира вскрикнула, почувствовала, как что-то горячее тонкой струйкой потекло по шее. Она осторожно потрогала пальцами горячую струйку и, опустив руку, посмотрела на пальцы. От вида собственной крови всё вокруг заволкло розовым туманом. Тело её обмякло и безвольно повисло на волосатой руке похитителя...

— Что здесь происходит, господа хорошие, и как вы все попали в дом к моей любовнице?

Сквозь обморочный туман слышала Кира вопросы синеглазого, плечистого мужчины, ужаснулась чудовищной прозвучавшей во всеуслышанье лжи и заскулила от обиды и бессильной злобы:

— Неправда! Неправда! — застонала она, но никто из присутствующих ей не поверил.

Сидящие за столом мужчины ей не поверили.

Кира это видела и совсем сникла.

Нет, не было среди них того единственного, безоглядно верившего в её честность и порядочность мужчины, готового не только подставить плечо, но и утешить, закрыть грудью от несправедливых обвинений и неприятностей.

Не было! И уж наверно, никогда не будет! Если она ошиблась даже в нем...

«— Хорошо бы тебе снова грохнуть в обморок, — посетовал внутренний голос на хозяйскую недогадливость. — Всем сразу стало бы тебя жалко, и из обвиняемой и порицаемой ветряной особы ты бы тут же превратилась в безвинную жертву».

Нет, жалость Кире была не нужна!

Она гордо вскинула голову и сжала окровавленные пальцы в кулак.

Пусть никто не видит её страданий! Она справится! Справится со страхом, с осуждением, с презрением этих чужих ей людей. Пусть думают, что хотят! Скоро всё это кончится, она поедет на дачу, проводит дочерей и родителей на море и на целый месяц спрячется в маленьком домике с мансардой. Никогда больше она не увидит этих людей, они заживут своей жизнью и забудут о ней, и о том, что произошло в этой квартире...

На загорелое лицо гостя набежала лёгкая тень. Черты его лица стали резче, брови нахмурились. Готовый к действию, он стоял совсем близко от женщины и бандита с ножом и в отличие от сидящих за столом мужчин хорошо видел кровь на её шее и пальцах, но барная стойка непреодолимой преградой возвышалась между ними.

Почувствовав угрозу, исходившую от стоящего напротив мужчины, Бегемот насторожился, размахнулся, со всей силы ударил ножом в тёмное лакированное дерево барной стойки и, быстро сунув руку в карман необъятных шорт, вытащил пистолет.

Едва слышный шелест вздохов пронёсся по столовой.

Телохранители вплотную приблизились к «охраняемым объектам», стараясь прикрыть их своими спинами — с появлением пистолета ситуация явно осложнилась: теперь все стали мишенью нерадивого грабителя.

Насупясь, мужчины смотрели на пистолет из-под сдвинутых бровей, чувствуя своё бессилие.

И Кира опять взяла на себя ответственность за ситуацию.

— Всё, хватит! Вы победили! — прохрипела она, обращаясь к Мамочке. — Я готова отказаться от полученного наследства в вашу пользу. Дмитрий Викторович сейчас же оформит всё как положено. Кстати, Дмитрий Викторович, знакомьтесь, — она кивнула головой в сторону опешившего синеглазого мужчины, — это ваш родственник, наследник третьей очереди: сын Бориса Шубина — брата отца Павла, претендующий на квартиру Павла.

Дмитрий Викторович перевёл взгляд на мужчину и холодно спросил:

— Вы, правда, сын Бориса?

— Да вы что, с ума все по сходили? Какое наследство? — возмутился синеглазый атлет. — Я Зайцев Валентин Александрович — директор охранного агентства «Панцирь». Могу документы предъявить... — и он полез в карман брюк.

— Руки! — заорал Лёха и направил на него дуло пистолета. — Кончай базар! Сесть за стол.

Валентин медленно вынул руку из кармана, повертел ей, успокаивая бандита с оружием, и присел к столу на ближайший, свободный стул.

— Я не имею никакого отношения к наследству, — продолжил объяснения директор агентства «Панцирь». — Сергей может подтвердить, что мы работаем в одном агентстве. Возможно, вы забыли, Дмитрий Викторович, но Пал Палыч Шубин нас с вами как-то знакомил.

«— Может, он и правда здесь ни причём? — усомнилась Кира в своём обвинении.

Не мог такой мужественный и притягательный мужчина оказаться бандитом!

Не мог или ей не хотелось, чтобы он оказался бандитом?

Дмитрий Викторович, почувствовав твёрдую почву под ногами, вновь обрел надменность и чопорность и не мог упустить случай показать всем, кто тут главный.

— Пятьдесят тысяч долларов вам хватит, чтобы оставить нас в покое? Кажется, у Киры Дмитриевны в сейфе есть такая сумма. Если вы возьмёте эти деньги и спокойно уйдёте из

квартиры — даю слово — никто не будет вас преследовать.

Бегемот задумался: он всё ещё ждал прихода подельника, втравившего его в эту историю. Набрал его номер на мобильном телефоне, он долго слушал длинные гудки.

— Ладно, носи деньги, — пистолетом подталкивая Киру в спину, согласился он и поманил к себе банкира. — Займёшь место бронезилета.

Николай попытался воспротивиться, но подчинился наставленному на него пистолету. Бурмистров встал и, пошатываясь, прошёл за стойку. Лёха прикрылся банкиром от недовольных взоров оставшихся сидеть за столом мужчин.

На плохо слушающихся ногах Кира вышла в прихожую.

«— Беги отсюда через чёрный ход! — в панике завопил её внутренний голос. — Пока бандит разберётся, что к чему, ты уже будешь в безопасности. Ну, кто тебе эти мужики? Что ты о них так печёшься? Они взрослые дядьки — сами о себе позаботятся! А у тебя дети, родители, собака и морской свин, нет, морская свинка. Спасайся!»

Но Кира лишь мельком взглянула на китайскую соломку с цветущим розовым цветом миндальным деревом в прихожей и прошла в спальню. Трясущимися руками она отодвинула зеркало, набрала шифр, открыла сейф, взяла с полки пять запечатанных пачек долларов и машинально посмотрела на нижнюю полку.

То, что она увидела на ней, повергло её в шок.

Прижимая одной рукой деньги к груди, она осторожно откинула замшу — воронёный ствол пистолета ожёг её мысли.

Несколько секунд, не мигая, она смотрела на смертоносную находку, лихорадочно подыскивая доводы не трогать оружие, но, не найдя ни одного, смирилась с Судьбой: схватила пистолет, вставила лежащую рядом обойму, и как-то странно успокоилась — будто оружейный холод пробравшись внутрь неё, заморозил все чувства, выстроив мысли ровной военной шеренгой.

«— Вставить обойму, снять с предохранителя, оттянуть затвор, досылая патрон в ствол... — слышала она голос Павла Шубина из далёкого прошлого».

Через минуту с застывшим лицом и прижатыми к груди одной рукой деньгами она входила в столовую. Вторая рука была за спиной.

— Отпустите Вячеслава Львовича, — бросая деньги на барную стойку рядом с воткнутым в неё ножом, тихо попросила Кира.

Лёха оттолкнул банкира к двери, наставил на Киру пистолет и протянул руку за деньгами.

— Ты пойдёшь со мной...

— Ну, уж нет! — Кира сделала шаг в сторону, закрывая спиной ударившегося раненым плечом о дверной косяк Бурмистрова, и вынула из-за спины руку с пистолетом. — Хватит диктовать свои условия! Берите деньги и уходите!

Они стояли друг напротив друга в узком пространстве кухни с наставленными друг на друга пистолетами и не решались пошевелиться.

Говорят, глядя в лицо смертельной опасности, человек вспоминает всю свою жизнь в мельчайших подробностях. Неправда! Кира смотрела в смертоносную глубину вороненого пистолета и не видела ничего, кроме этой маленькой, черненькой дырочки, заполнившей собой всё окружающее пространство...

Откуда-то сбоку неожиданно полыхнуло пламя, и напряжённая тишина раскололась от звука выстрела.

С недоумением Кира смотрела, как на кафельный пол из прострелянной руки бандита выпадает оружие; как он, перехватывая кисть и прижимая её к груди, сгибается пополам; как к нему подбегают телохранитель Сергей и Валентин Зайцев, в руке которого сверкал маленький серебристый пистолетик.

«— Слава Богу, это не я его убила...»

28

В опустевшей гостиной Кира боком сидела на диване, обхватив руками колени и бессильно привалившись к спинке.

Ещё час назад она думала, что этот ужасный день никогда не кончится, а сейчас, когда все разъехались, оставив её наедине со своими страхами и воспоминаниями, Кира испугалась одиночества. Пусть бы уж лучше суетились вокруг раненного Лёхи, бинтовали, под руки вели по чёрной лестнице, копошились вокруг Бурмистрова, подыскивая ему одежду, поили бы её противным зелёным чаем — сейчас она согласна была выпить ещё несколько чашек, только бы не оставаться одной.

Предстоящая ночь в этой квартире в полном одиночестве её страшила, но сил хватало только на вздохи и вялотекущие мысли. Теперь Кира уже жалела, что отказалась от предложенных Дмитрием Викторовичем услуг.

И будто подслушав её мысли, он позвонил.

— Вы не передумали, Кира Дмитриевна? Не смотря на поздний час, Арсен отвёз бы вас на дачу... Вы ведь, кажется, собирались сегодня к дочерям? Или у вас опять изменились планы?

— Нет у меня никаких планов, и я с удовольствием воспользуюсь вашим предложением... только завтра.

— Хорошо, в десять часов машина будет у вашего подъезда, — пожилой мужчина немного помолчал. — Кира Дмитриевна, а как звали этого Мамочку, который претендует на квартиру Шубиных, вы не припомните?

— Имени его не называли, — Кира совсем не удивилась такому странному вопросу, — только сказали, что он законный наследник.

— Ну, да Бог с ним, выясним. Значит, завтра утром Арсен отвезёт вас на дачу.

— Это в том случае, если Николай не вернёт мою машину.

Они попрощались, и Кира снова осталась одна, но звонок Дмитрия Викторовича приободрил — о ней думают, заботятся, и сознавать это было приятно.

Она была искренне благодарна Дмитрию Викторовичу за то, что он взял из её онемевших рук пистолет (пока все суетились вокруг раненого Лехи), и под локоток увёл в гостиную, и усадил в кресло, и спрятал деньги и оружие в сейф. За то, что всё это он проделал молча, с достоинством, игнорируя суету вокруг раненого похитителя и не высказывая ей сочувствия, от которых Кира непременно бы заплакалась — так жалко ей было себя, дорогую и любимую. За то, что он поговорил со всеми и с ней в том числе, во всём разобрался — кто кому и кем приходится, и всех выпроводил из квартиры (Вячеслав Львович и Николай уехали на «восьмёрке» Киры, а Валентин Зайцев с Сергеем увезли куда-то раненого Лёху на машине Дмитрия Викторовича), сам же Дмитрий Викторович остался с ней, и поил её зелёным чаем...

Постепенно к Кире возвращалась уверенность, а вместе с ней и жажда деятельности.

Она убрала в холодильник торт, принесённый Дмитрием Викторовичем, перемыла фрукты и, сложив их в хрустальное блюдо, водрузила его на барную стойку, прикрыв

зияющую от ножа рану; навела порядок в спальне, открыла сейф, пересчитала свои деньги, покрутила в руках большой ключ с причудливыми бороздками, гадая от какой секретной двери этот стальной «монстр», и положила его обратно на полку.

Взгляд её задержался на длинном белом футляре — то, что Павел после стольких лет всё же помнил о её дне рождении и приготовил для неё подарок, приятно удивляло. Конечно, Павел её очень обидел, предал, но смерть примиряет враждующие стороны... надо простить умершего и помнить только хорошее.

Она взяла в руки белый футляр и осторожно открыла.

Сложенная в несколько раз записка прикрывала золотой кулон на тонкой кручёной цепочке. Кира подняла записку — в футляре вспыхнуло настоящее крохотное солнце. В центре кулона солнечным светом горел жёлтый камень, заставляя тонкие золотые лучи разной длины искриться и растекаться по белому шёлку.

«Может быть, мне не удастся вернуть солнце в твою душу, но мой подарок вернёт твоим глазам солнечные искры... Прости за прошлые ошибки, настоящую нерешительность и будущие откровения».

Ни обращения, ни подписи в записке не было, но и без них было всё ясно.

— И он туда же... Погасло солнышко в её душе!

В другое время Кира непременно погрузилась бы, поплакала, получив весточку из прошлого, но сегодня всё было не так — она почувствовала себя обманутой и разочарованной: будто поманили её билетом в юность, да и оставили на платформе.

Вздыхая, она надела искрящийся солнцем кулон и посмотрела на себя в зеркало. Там в Зазеркалье жила совершенно другая женщина — усталая, бледная, с исцарапанным лицом и всклокоченными волосами — подаренное украшение совершенно не подходило ей.

— Ну и страшилище...

Приглаживая волосы, Кира повернулась к кровати, но сил искать новое постельное бельё уже не было, и она, расстелив на кровати дорогое шёлковое покрывало, повалилась на него сверху.

Мохнатый домовой выбрался из своего тёмного угла, пристроился на краю широкой кровати и, вздыхая, прикрыл лохматыми лапами босые ступни женщины...

29 Суббота

Проснулась Кира от голода. В животе урчало и настойчиво требовало «хлеба!» — она опять забыла поужинать.

Приняв душ, позавтракав фруктиками и нарядившись в новое цветастое шифоновое платье с глубоким вырезом — подаренный кулон сверкал на груди, как маленькое солнце, Кира почувствовала в себе новые силы и решила сегодня же поговорить с мужем.

Она скажет ему, что им надо развестись! Когда родилась вторая дочь, она сказала мужу, что хочет развестись, но он просил повременить из-за отсрочки от службы в армии и хорошей работы под руководством отца Киры, и она согласилась поддерживать видимость брака из-за дочерей и родителей, хотя они давно спали в разных комнатах, но муж до сих пор считал себя главой семьи и принимал решения единолично — Кире было все равно, и она не возражала.

А теперь все! У нее началась новая жизнь, а эта ситуация с пистолетом встряхнула ее до основания!

Она больше не хочет сидеть дома и хочет все поменять в своей жизни!

Кира так увлеклась будущим монологом с супругом, что не сразу услышала телефонный

звонок в гостиной.

— Кира Дмитриевна, машина у подъезда, — бодро сообщил Арсен и по-свойски спросил: — А мобильничек у вас отключен? Или как?

— Или как...

Усаживаясь в машину, Кира осторожно пристроила огромный торт на газеты у заднего стекла — не пропадать же такой вкусноте из-за сорванного ужина.

— На дачу, Кира Дмитриевна? — спросил Арсен, через плечо глядя на принарядившуюся пассажирку.

И, как истинная женщина, Кира снова передумала.

— Отвезите меня в Чулково, — попросила она. — На дачу я поеду позже...

В конюшне, принадлежащей Галине Бутыриной, никого из людей не было, если не считать пьяненького сторожа в телогрейке, одетой прямо на майку.

— Начальство будет позже, — важно сообщил сторож и снова улёгся на тюки с сеном, сваленные под навесом — нарядно одетая женщина не вызвала у него подозрения: зачем ей старые сёдла, да вилы с лопатами, за которые он отвечает.

Несколько собак, вышедших навстречу машине, дружно залаяли, но не получив никаких указаний от захрапавшего мужчины, вяло завиляли хвостами.

Решив дождаться «начальства», Кира помахала рукой Арсену — про торт она, конечно же, забыла.

— Спасибо, что подвезли.

— Всегда, пожалуйста, — брезгливо морщась от проникающего в открытое окно запаха, ответил водитель, наблюдая за тем, как женщина, осторожно ступая на высоких каблуках, идёт к низкому длинному зданию, откуда доносилось призывное лошадиное ржание.

Войдя в распахнутые настежь двойные двери конюшни, Кира остановилась.

Сердце её радостно трепетало от забытого запаха юности: так пахли её мечты, её увлечённость, её преданность конному спорту. Она словно на машине времени перенеслась в юность и немного растерялась от нахлынувших на неё чувств и воспоминаний.

Раздувая ноздри, Кира глубоко подышала этим воздухом юности и, заглядывая сквозь прутья денников, пошла по конюшне. Увиденное ей не понравилось: ни автопоилок, ни начищенных до блеска кормушек, ни толстого слоя опилок на цементном полу...

Кира гладила просунутые сквозь прутья бархатные конские ноздри и недовольно качала головой.

Выйдя из низкого облупившегося крыла бывшего коровника, она остановилась во дворе и придиричиво посмотрела по сторонам.

Вокруг царило запустение.

За стенами фермы расстилался зелёный ухабистый луг, полукругом охваченный берёзовой рощей. На бугре за рощей виднелась небольшая деревенька со старенькими домами. Вдалеке слышался шум оживлённой трассы. Ферма в таком виде мало подходила для содержания лошадей, и, тем не менее, лошади здесь жили.

— Не нравится? — неожиданно раздался за спиной Киры усталый голос приехавшего «начальства». — У меня самой руки опускаются, когда гляжу на эту разруху. Никогда не думала, что хозяйство съедает столько денег.

Галина обречённо махнула рукой и крикнула в сорванные с петель двери полуразвалившегося двухэтажного строения:

— Михалыч, хватит перегородки разбирать. Займи гостью, пока я звонить буду.

В проёме показалась голова деда с «ленинской» лысиной и хитрыми прищуренными глазками — приезд начальства заставил его забыть про сон.

— Щас, Галина Петровна, сей секунд, — подобострастно забубнил дед, хотя женщинам сразу стало ясно, что его «щас» и «сей секунд» растянутся примерно на час.

— Вот так и живём, — вздохнула Галина, — как в войну.

Бывшие соперницы хором поохали, покачали головами, и зашли в конюшню.

— Походи, посмотри лошадей сама, Чичерина, учить тебя не надо. Понравившихся лошадей Михалыч в левады выведет, а документы и рентгеновские снимки на них я тебе потом подберу.

— Не нужна мне лошадь, Галь...

Но та вяло махнула рукой и пошла вдоль денников в свой кабинет. Столько усталой обречённости было в этой ссутулившейся фигуре, что Кира не удержалась и спросила:

— Сколько денег надо чтобы привести в порядок оба крыла здания и вместо коровьей карусели оборудовать манеж?

Ей очень не хотелось вмешиваться, но слова помимо её воли слетали с губ. Где-то в глубине души она уже знала, что не бросит Галину на произвол судьбы и обязательно поможет.

Обернувшись, «начальница» резанула ребром ладони по горлу.

— Во сколько!

— У меня муж связан со строительством — на счёт остатков стройматериала можно с ним договориться, да и подруга не откажет помочь. У Лары своё дизайнерское бюро: попросит рабочих не ломать, а аккуратно разбирать деревянные панели...

— За это, конечно, спасибо, но мне нужны «живые» деньги. — Галина жёстко посмотрела в глаза гостьи. — Лошадей кормить надо. Да и штат давно пора укомплектовывать — на всё одних моих рук не хватает. Подскажи лучше, где найти спонсора, чтобы вложил тысяч пятьдесят долларов?

— Ого! Ну, и аппетит у тебя, Бутырина!

— Аппетит? Это по минимуму нужно пятьдесят тысяч! У меня «бизнес-план» давнo просчитан. Все документы готовы, даже исследования и заключения из Тимирязевки по поводу изготовления гранулированного удобрения из навоза. Лёшка, мой сын, диплом по этой теме в прошлом году защитил. За год можно окупить все вложения, но на навоз банки денег не дают.

Кира задумалась.

Но не о том, сколько денег может принести это «не престижное и хлопотное» дело — в расчётах она нисколько не сомневалась, а о том, как было бы здорово превратить это полуразрушенное «хозяйство» в процветающее, приносящее не только доход, но и радость людям. Хорошо бы организовать бесплатную школу верховой езды — она с удовольствием тренировала бы детишек...

«— Вот тебе и работа, и любимое дело до конца дней! — подумала она, и в её глазах солнечно вспыхнули искорки увлечённости».

— А земля у тебя в аренде?

— Нет, — почувствовав заинтересованность гостьи, Галина подошла ближе. — Все пять гектар мои, только банки об этом не знают. За землю они двумя руками ухватятся, настроят коттеджей и продадут. А лошади? Лошади им не нужны.

— Откуда у тебя такое богатство? Земля недалеко от Кольцевой просто золотая.

— Чичерина, я же местная, деревенская. Родственников полдеревни. Когда колхоз развалился, землю, коров и технику поделили, с фермы всё растащили, и забросили её. Вот тогда я и попросила председателя выделить мне по-родственному это бросовое хозяйство.

— Продала бы немного земли — вот тебе и живые деньги.

— Не получается: ферма стоит почти в центре, а жить рядом с конюшней и дышать навозом желающих мало.

— Под ангары, склады какие-нибудь сдала бы.

— Об этом я как-то не подумала, а идея хорошая. Только не могу я разорваться на сто частей — с лошадьми бы управиться, — Галина пристально осмотрела бывшую соперницу, оценивая её достаток, и неожиданно предложила: — Чичерина, купи у меня половину всего этого и займись организаторской стороной — не потянуть мне одной такое дело.

И Кира решилась.

— Только хочу тебя сразу предупредить, что я совсем не богатый человек, и машина эта не моя. Просто я получила небольшое наследство и не знала, как им распорядиться. Не знала до сегодняшнего дня. Давай проведём полную оценку...

Внутренне Кира содрогнулась от собственного решения, и виной тому был гном: он зарыдал, схватился за сердце и картинно упал в обморок, предусмотрительно закрыв своим телом сундук с золотыми монетами.

Галина же обрадовалась: значит, не зря она на ходу прыгала в машину — Бог услышал её молитвы и сжалился над ней и её подопечными. Конечно, деньги имели огромное значение, но главное было доверие — уж Чичерина не обманет, не продаст потом свою часть земли под коттеджи, не выгонит лошадей на мороз или того хуже под нож. А мясокомбинат со своими ножами уже навис над их головами и скоро приедет их представитель, и будет отбирать по весу, не глядя на родословную — плевать ему на чистоту крови лошади и патриотизм, главное тоннаж и как можно дешевле. Она вытерла тыльной стороной ладони выступивший под волосами пот и постаралась прогнать из головы траурные мысли о мясокомбинате.

— Ценность здесь представляет только земля, да и то, — она небрежно махнула рукой, — овраг да болото — для строительства не пригодна, разве что у самой дороги. Из двенадцати лошадей лишь пятерых я покупала за свои деньги, остальные выбракованы из разных конюшен и достались мне почти даром. Поскольку мы теперь компаньоны, давай вместе решать, что с ними делать: оставлять или сдавать на колбасу...

Услышав жестокий приговор, Кира не дрогнула. Вот что значит возрастной практицизм — раньше она сделала бы всё возможное, чтобы не допустить такой ужасной смерти животного.

— Узнаем сначала мнение ветеринара — я знаю одного специалиста.

— Я рада Кир, что у тебя правильный подход к делу, и нет романтической восторженности и необоснованной жалости. Выбери себе одну из моих чистокровных кобыл, и будем считать, что это мой подарок тебе в честь заключения нашего соглашения.

И бывшие соперницы пожали друг другу руки, заключая договор о партнёрстве.

— Завтра попрошу Дмитрия Викторовича подыскать знающего юриста в таких делах.

— Дмитрий Викторович у нас кто? Муж или любовник?

Кира нахмурилась и поскущела:

— Давай, раз и навсегда договоримся: с уважением относиться друг к другу. Дмитрий Викторович Юшкин — отец Павла Шубина.

— Пашка Шубин? Это тот высокий, сероглазый студентик, в которого ты была влюблена, как кошка?

— Галь, — Кира совсем сникла от воспоминаний, — я же только что просила тебя...

— Молчу, молчу! — Галина подняла вверх обе руки, признавая ошибку. — Ты с ним?

Вы такая красивая пара были — все тебе завидовали.

— Недавно он погиб в автомобильной аварии.

— Слушай, какой молодой! Вот смерть — зараза! Никого не щадит. Ладно, хватит о грустном! Иди, Чичерина, выбирай себе лошадь, а я займусь делами.

И она быстро пошла по проходу к своему кабинету.

Кира посмотрела ей вслед и направилась в другую сторону, в дальний конец конюшни к сложенным у стены штабелям сена. Она шла, заглядывая в денники сквозь прутья, но уже по-другому — заинтересованно, как жадный торговец, пытающийся разыскать в навозе драгоценную жемчужину.

«— Ну, уж эту кобылу точно надо сдавать на колбасу», — с жалостью подумала Кира, глядя на невысокую грязно-серую вислоухую лошаде́нку, и спросила у неё: — Сколько же тебе лет, горемычная? — подняла глаза к фанерной табличке, косо прибитой над дверью, и удивилась. — Семь лет? Не может быть! Пятнадцать, а то и все восемнадцать не меньше или я ничего не понимаю в лошадях!

У лошаде́нки подгибались ноги, грязная шерсть клоками торчала во все стороны. Она не реагировала на человеческий голос, изредка встряхивала гривой, отворачивала морду, прикрывая огромные печальные глаза.

— «Дебби Слай», — прочитала Кира имя лошади на табличке и задумалась.

— Что уж с ней время то терять, — забубнил рядом возникший ниоткуда давешний дед. — Тут нужен особый подход, глазами ничего не увидишь. А вы сюда, сюда пожалуйте, гостя дорогая. Вот они наши красавицы, наши звёздочки ясные.

И он засеменил в центр конюшни. Валенки с подшитыми пятками шмыгали по цементному полу, и от этого дед казался совсем древним. И как это Кира не услышала его.

Тех лошадей она уже видела и осталась у последнего денника.

Слова деда Михалыча, словно «ногтем по стеклу», неприятно царапнули душу. Кира внимательнее присмотрелась к лошади. Хвост и грива были длинные, густые, но спутаны, в репьях и колючках, ноги и бока в грязи и навозных шлепяках, шея опущена, мускулы расслаблены, но, если отбросить внешнюю неухоженность и принять на веру год рождения... Лошадка была невысокая, квадратненькая, с тонкими ногами и головой со щучьим профилем.

— Кобылка то арабских кровей, — сделала Кира правильный вывод и повернулась к подошедшему деду. — За что же её, горемычную, из приличной конюшни списали? Ведь кобыла чистокровная.

Михалыч повздыхал, пошамкал губами, достал из штанов беломорину и закурил.

— Деток она мёртвых рождает, — как, то так сказал дед, что у Киры тут же на глаза навернулись слёзы. — Третий подряд жеребёночек мёртвый. Вот хозяин и осерчал. А того и не понял, супостат, что она сама этому не рада. Дюже переживает скотинка. Пять дён она у нас, а всё, как чужая: не ест, конюха к себе не подпускает — вот и стоит по колено в навозе. Галине Петровне не до неё, а то бы быстро порядок навела.

Жалея «скотинку», Кира подёргала задвижку и приоткрыла дверь.

Лошадь тут же преобразилась, подняла голову, всхрапнула, прижала уши и так сильно

ударил задними ногами в открывшееся пространство, что Кира и Михалыч отскочили от денника и решили больше не экспериментировать с лошадиными чувствами.

— О, как! — проворчал дед, споро закрывая дверь на задвижку. — Пойдёмте, я лучше вам наших красавиц покажу, наших звёздочек ясных...

— Ну, уж нет!

Упрямством Бог Киру не обидел, но в равной степени оделил терпением и рассудительностью, надо было с чего-то начинать, и она заговорила, приучая лошадь к звуку человеческого голоса.

— «Важны не слова, а тон и звуковые ассоциации», — вспомнила она слова тренера и, пристроившись у решётки, задумалась. — Что бы тебе рассказать, милая... Мне запомнился рассказ о старом рысаке...

30

...Звёздной, морозной ночью по дороге через лес тащились дровни, запряженные старым тощим одром не понятно какой масти. Шерсть на бедолаге висела клочьями, слезящиеся глаза едва различали дорогу.

Пьяненький хозяин — на трезвую голову вряд ли кто решился бы трогаться в путь после захода солнца — громко распевал песни, прогоняя закрадывающийся в сердце страх.

Светила луна, скрипел под полозьями снег, мороз прихватывал ресницы пушистым инеем. Деревья возвышались по обе стороны дороги чёрными стенами, прикрытыми серебряным искрящимся покрывалом.

Неожиданно за деревьями раздался волчий вой, и, заслышав его, запоздалый путник поперхнулся разухабистой песней. Он стал пугливо оглядываться по сторонам и истово молиться всем святым.

Вой раздался ближе, громче, среди деревьев замелькали зелёные алчные огоньки волчьих глаз.

Человек подобрал вожжи, схватил кнут и огрел им по спине еле тащившегося полуслепую конягу. Одр вздрогнул от удара и прибавил шаг, но толку от этого было мало.

На дорогу из леса выскочили волки. Их было немного всего пять-шесть не больше, но там за деревьями, забегая с боков, двигались их сородичи.

Хозяин ударил лошадь ещё и ещё, теперь ему было уже не до песен. Коняга затрусил по дороге, но слишком стар он был, слишком немощен...

Волки, почуяв лёгкую добычу, пустились вскачь и скоро догнали дровни. Они бежали рядом, щёлкая зубами и примеряясь, как бы половчее вспрыгнуть на дровни или на спину обессиленному животному.

Человек пытался отпугнуть голодную стаю, хлестал волков хлыстом, бросал в них купленный на ярмарке товар, но всё было напрасно: всё ближе и ближе их злые, голодные глаза и оскаленные морды.

В отчаянии схватил мужик последний чугунок и что есть силы начал стучать по нему кнутом. Звонкие суматошные удары разносились в зловещей ночной тишине. Волки приотстали...

Коняга поднял голову и запрядал ушами. Ему послышался звон бубенчиков. Тех самых серебряных, переливчатых бубенчиков, что весело заливались под дугой в его далёкой, далёкой молодости, когда сильный и красивый он гордо вёз своего хозяина.

Какой у него был ход! Все глядели ему в след и восхищённо цокали языком.

Звонкое ржание раздалось в морозной тишине ночи. Старческая трусца доходяги

сменилась размашистой рысью.

И вот через лес по снежной сверкающей дороге нёсся красивый и сильный конь, далеко выбрасывая вперёд точёные копыта. По ветру стелились длинный хвост и волнистая грива, чёткий ритм по мёрзлой земле отбивали мускулистые лошадиные ноги, весело звенели бубенчики под дугой...

Далеко позади остались волки.

Кончился дремучий лес.

А конь всё бежал и бежал навстречу своей далёкой и прекрасной молодости...

Но вдруг конь споткнулся, со всего маха ткнулся головой в снег, глаза его закрылись, сердце остановилось, и он умер...

31

Кира всхлипнула и смахнула набежавшие слёзы.

— Красиво помер! — услышала она старческий голос и резко обернулась. — Так и надо помирать: быстро и красиво.

Дед сидел на мешке с овсом у стены, задумчиво комкал в узловатых пальцах непонятого цвета платок и шумно сморкался.

— Оно может, конечно, всё это неправда, но за душу берёт...

Кира и сама не очень, то верила в рассказанную историю, хотя в жизни и не такое бывает. Она немного постояла, помолчала, повздыхала вместе со сторожем, а потом «занялась делами».

Переодевшись в тренерской в Галины потёртые бриджи и клетчатую рубаху, она сунула ноги в стоптанные кроссовки и, покопавшись в длинном деревянном ящике со старой упряжью, отгородила два последних денника от остальной конюшни наброшенным на натянутые верёвки брезентом. Во всю ширь распахнула дверь денника и повалилась на тюки с сеном, прижимая к груди принесённую из кабинета «начальства» початую пачку сахара, предназначавшуюся для подслащивания горькой хозяйской доли, а отнюдь не для угощения четвероногих подопечных.

Так же как в прошлый раз лошадь заржала от злости и ударила копытами ненавистное пространство, но пространство не исчезло, и ей пришлось ударить снова. Потом ещё и ещё...

От усталости злость прошла, и лошадь начала воспринимать действительность. Она слышала недовольное ржание встревоженных её поведением лошадей, лай собак за дверями конюшни, спокойный человеческий голос и громкий хруст сахара на зубах. Когда-то давно она любила грызть сладкие белые кусочки и прикрывала глаза от удовольствия...

— Ты думаешь, что ты одна такая несчастная, — говорила Кира в пространство, причмокивая сахаром. — У каждого своё горе-злосчастье, только одни умеют загонять его внутрь и живут дальше, а другие, как ты, например, пытаются выместить его на окружающих. Ну, вот скажи, чем я перед тобой виновата? Я тебя, вообще, не знаю. Или чем виноват Михалыч в том, что жизнь твоя складывается не очень удачно? Не думаю, что ты такая эгоистичная скотинка и будешь радоваться, доставленным другим неприятностям: ему могут за тебя выговор объявить, зарплаты лишить...

Лошадь прислушалась и осторожно сунула голову в распахнутую дверь. Там, в этом ненавистном свободном пространстве так вкусно грызли сахар, так громко чавкали сахарными крошками, что рот невольно наполнялся сладкой слюной. Она сделала маленький шагок, прислушалась, потом сделала другой и шумно потянула носом воздух:пряно пахло сеном, человеком и сладостью.

— Если бы все поступали как ты, то люди ходили бы с синяками и разбитыми физиономиями. У тебя трагедия? Не спорю, но может твоё предназначение совсем в другом: не рожать жеребят, а выигрывать скачки или просто приносить радость людям одним своим видом, а может излечивать больных церебральным параличом детишек...

Лошадь подошла совсем близко, ткнулась бархатными губами во вкусно пахнущую ладонь и, получив сахар, громко захрумала им.

— У меня тоже не всё в жизни гладко, однако, я же справляюсь, — продолжала говорить Кира, протягивая лошади очередной кусок сахара.

— Уболтала! Вот бабы! — стоя в дверях конюшни и потягивая папироску, бубнил дед. И не понятно было, то ли он осуждает всех женщин, то ли ворчит по-стариковски, боясь показать своё восхищение. — Все они одинаковые — что кобылы, что бабы — всё бы им языками чесать!

После нескольких часов разговоров и уговоров, а потом основательной чистки и мытья, в леваде резвилась невысокая серая «в яблоко» кобылка. Она грациозно вскидывала голову, взбрыкивала точёными ногами и, раздувая трепетные ноздри, залиvisto ржала. Полуденное солнце погружало лучи в белоснежные гриву и хвост лошади, искрилось на длинных шёлковых волосах, отливало золотом на шерсти, подчёркивая волшебное превращение.

Галина и Кира стояли у забора левады и зачарованно смотрели на ожившую сказку.

— Отличная кобыла! Поздравляю! Везёт тебе, Чичерина, — с сожалением произнесла «начальница», закуривая сигарету. — И как это я её просмотрела? Всё дела...

— Чудо, как хороша! — восхитилась Кира, щурясь от едкого дыма.

Она всё ещё не могла поверить в столь фантастическое преображение лошади — ещё несколько часов назад на неё страшно было взглянуть. А теперь? Изогнув шею и высоко выбрасывая вперёд тонкие ноги, по кругу бегало серое «в яблоко» чудо!

Её чудо!!!

Утром она даже не предполагала, чем обернётся для неё поездка в Чулково.

— Галина Петровна, значит, договорились? — подходя к хозяйкам конюшни, спросил Арсен. — Вечером я приду со своей девушкой кататься на лошадях.

— Ездить, — машинально поправила Кира не в силах оторвать глаз от своего нового приобретения. — Катаются на карусельных лошадках.

— Понял, — тут же согласился черноглазый горец и приосанился. — Я то умею... ездить, а вот Алевтину придётся уговаривать.

Он был рад, что ему представилась такая редкая возможность удивить избалованную вниманием девушку — вряд ли кто-нибудь из молодых людей приглашал её на романтическое свидание в конюшню, и теперь готов был мириться с непривычным запахом и испорченным утром своего законного выходного дня. Он уже позвонил Алевтине и предупредил, что готовит ей необычный сюрприз.

«— Умеет он!» — одновременно подумали наездницы, услышав такое самоуверенное утверждение молодого человека, переглянулись и снисходительно заулыбались, вспомнив своего тренера.

«— Пока сто раз не упадёте с лошади, даже не заикайтесь, что умеете ездить!»

— Поживём, увидим, — сказала Галина и снова с сожалением посмотрела на лошадь в леваде.

32

— Дмитрий Викторович, она конюшню купила.

Воровато оглядываясь по сторонам, Арсен стоял у машины в «рабочей» одежде и разговаривал по мобильному телефону со своим шефом. Он не уехал в гараж, а на свой страх и риск остался в конюшне — впервые за долгие годы жизни в городах он увидел частичку своего детства и, поддавшись воспоминаниям, нарушил приказ.

В детстве летом он всегда жил у бабушки, там тоже была молочная ферма, правда, не такая большая, как эта, и несколько дворняжек, которых он кормил остатками ужина, и старый сивый мерин с провислой спиной и разбитыми копытами...

— Кто купил? — Дмитрий Викторович Юшкин был далёк от окружавшей Арсена непривычной обстановки и не сразу сообразил, о ком тот сообщал такие странные новости.

— Кто же ещё? Кира Дмитриевна.

После некоторой паузы Дмитрий Викторович холодно уточнил:

— Я правильно тебя понял Арсен: Кира Дмитриевна купила конюшню.

— Ну, да, часть конюшни. Когда Кира Дмитриевна попрощалась, я не уехал, а пошёл следом за ней и слышал их разговор в конюшне.

— В конюшне?.. Насколько мне известно ты повез Киру Дмитриевну на дачу. Или я ошибаюсь?

— На дачу мы не поехали. Кира Дмитриевна попросила отвезти её в Чулково.

— С ума сойти! Откуда взялась эта конюшня?

Водитель огляделся по сторонам, прикрыл телефон рукой и продолжил «тайный доклад».

— Помните, Дмитрий Викторович, я рассказывал вам о женщине, вломившейся в нашу машину? О мастере спорта...

— Помню.

— Так вот мы сейчас у неё в конюшне.

— И что она там делала?

— Женщина?

— Да, нет. Кира Дмитриевна.

Арсен помолчал, повздыхал, хорошо понимая какое впечатление произведут его слова на не вполне готового услышать правду богатого дельца.

— Она с лошадью... разговаривала.

— Что она делала?

— Разговаривала с лошадью... часа два.

Пауза была очень долгой, такой долгой, что Арсен решил всё же её нарушить — в том, что здесь творилось, он был совершенно не причём, а деньги с телефонного счёта утекают очень быстро.

— Дмитрий Викторович, это вам там, в офисе кажется странным разговор с лошадью, а мне тут, в конюшне, он представляется вполне естественным. Здесь все разговаривают с лошадьми... и собаками тоже. А их тут, собак, целых пять штук. Я и сам начал с ними разговаривать... Животные они же, как люди — всё понимают, только сказать не могут.

— Да уж.

— И ещё Дмитрий Викторович... Когда мы сюда ехали, мне показалось... Если бы не вчерашний случай, я бы и внимания не обратил...

— Ну, что ещё?

Пожилой мужчина сидел на диване и смотрел на портрет улыбающегося сына. Снимок получился на редкость удачным, хотя и был сделан случайно: серые глаза Павла были полны

нежности и гордости, тонкие губы непроизвольно складывались в торжествующую улыбку. Он редко пребывал в столь восторженно-радостном состоянии, и тем ценнее был этот снимок для отца.

— Возможно, мне это только показалось, но за нами всю дорогу ехала машина.

Дмитрий Викторович оторвался от созерцания портрета и нахмурился.

— Что за машина? Её номер? Хоть что-то удалось тебе выяснить?

— Почти ничего, — Арсен виновато вздохнул. — Серебристая иномарка.

Держалась она слишком далеко.

— Ты разве не знаешь, что в таких случаях надо делать?

— Бригаду вызывать. — Водитель поправил лямки широкого комбинезона, одетого по верх брюк, посмотрел на старые кроссовки — ну не ходить же по такой вонючей грязи в дорогих туфлях, и, не чувствуя за собой никакой вины, спросил: — А что, на Киру Дмитриевну распространяются правила нашей фирмы?

Отвечать Дмитрию Викторовичу очень не хотелось. Он почему-то думал, что после его вчерашнего распоряжения начальнику службы безопасности фирмы, все всё узнают и примут этот факт, как должное. Однако за сегодняшнее утро ему приходилось отвечать на этот вопрос уже второй раз: первый — одному из замов, вносивших Киру Дмитриевну Чичерину в список «охраняемых объектов», второй — своему водителю, всегда находящемуся в курсе всех дел фирмы.

— Арсен, не задавай глупых вопросов, а то я подумаю, что ты теряешь хватку.

— Ну, что вы, Дмитрий Викторович, просто мне хотелось услышать подтверждение монаршей милости...

— Не ёрничай, Арик, тут дело серьёзное, и пока служба безопасности не разберётся что к чему, придётся присмотреть за Кирой Дмитриевной.

Арсен сразу же почувствовал поблажку и нашёл повод подольше побыть в столь необычном и интересном месте, а не возвращаться к привычному ожиданию в машине.

— Тогда можно, я тут ещё побуду? Посмотрю, что к чему, а потом отвезу Киру Дмитриевну на дачу и вернусь в гараж.

Опять наступила пауза, но теперь Арсен не нарушал её, понимая, что не властен распоряжаться своим рабочим временем.

— Хорошо, только если заметишь что-нибудь подозрительное, сразу же вызывай ребят из охраны. Держи меня в курсе.

Дмитрий Викторович задумчиво посмотрел на нагретый в руке мобильный телефон и нажал «отбой». Такая чехарда быстро сменяющихся событий, не подвластных его воли и не зависящих от его желаний, выводила его из равновесия.

Ну, что может случиться с человеком, поехавшим на дачу в субботу утром? Самое плохое — попасть в аварию. Ничем страшным эта авария ни для пассажира, ни для водителя в бронированной машине обернуться не может — тем более, что за рулём водитель экстра класса. А эта женщина умудрилась совершить массу необдуманных, легкомысленных поступков, втянув в круговорот своих проблем его водителя, его машину, да и его самого. Теперь он несколько часов не сможет заниматься другими делами, а будет думать, как выйти из этой ситуации с наименьшими потерями. Он ещё не оправился от вчерашнего «сюрприза», а сегодня уже новая проблема! Подумать только — конюшня! И он должен тратить своё драгоценное время на навоз, сено и что там ещё?!

«— Что в следующий раз выкинет эта «наследница по кривой», и смогу ли я это

предотвратить или исправить? Может, лучше предоставить её самой себе, отдать ей Лизонькину квартиру со всем содержимым, отойти в сторону и спокойно наблюдать пару лет с безопасного расстояния, не вмешиваясь, не нервничая и не беря на себя ответственность. Ведь Паша хотел именно этого, а я настаивал, убеждал. И убедил на свою голову! Теперь я понимаю, почему он так желчно улыбался, подписывая бумаги на моё назначение исполнителем завещания. Эта женщина непредсказуема! За обычной внешностью скрывается неуправляемая, не подвластная разуму стихия под названием «Кира Чичерина». Нет! Ждать три года я не могу. Ну, что ж, придётся пить валидол и бороться с наследницей за наследство...»

Пошарив в кармане пиджака, Дмитрий Викторович достал пластиковую коробочку и положил противную таблетку под язык.

«— За кем следила эта подозрительная машина — за мной или за Кирой? И что там она говорила о своём зонте? Не нравится мне всё это!»

33

До дачи они доехали очень быстро, так быстро, что Кира даже не успела успокоиться и притушить восторженный блеск глаз от радости своего нового, живого приобретения и грандиозных планов на будущее. И когда увидела семью, в полном составе обедающую на веранде, не сразу поняла, что случилось непоправимое: в кругу переговаривающихся домочадцев её муж Анатолий Меркулов с аппетитом наворачивал борщ, приправленный майонезом и зеленью, а ведь приехать он должен был только завтра.

Увидев Киру, блаженство во взгляде мужа сменилось недовольством.

— И кто это к нам пришёл? И кто это нашу бабушку зарезал? — язвительно пошутил он, продолжая есть, но уже без прежнего аппетита.

Не ожидая его «незапланированного» приезда, Кира замерла на дорожке и, если бы не подбежавшая к ней собака, все бы заметили её растерянность.

— Привет, Ларик, — рука Киры привычно опустилась на голову длинноносого колли и погладила длинную, рыжую шерсть.

Умный пёс уселся на дорожке, ожидая подачи, и Кире пришлось копаться в сумке в поисках конфеты.

— Малулечка! — старшая дочь Виктория, не имея возможности выйти из-за стола, приветственно помахала рукой.

— Ура! — закричала Алиса, вскакивая на лавку, и за спинами бабушки и дедушки пробралась к выходу беседки — в отличие от сестры препятствий для неё не существовало. — А мы тебя с утра ждали.

Она подбежала к матери, звонко чмокнула её в щёку и взяла из рук огромный торт.

— Папа тебя с середины пятницы разыскивает, а ты, как всегда, забыла телефон зарядить, — заговорщицки зашептала младшая дочь и, идя к беседке, громко добавила: — Мы с бабушкой и дедушкой решили тебе на день рождения новый телефон подарить, а то старый Тошкин мобильник уже никуда не годится.

— Почему не годится? — возмутилась Виктория — ей очень нравился её старый телефон, но прогресс не стоит на месте и приходится бежать за ним следом. — Просто надо поменять батарею.

— Меняй, не меняй, — вступил в разговор Анатолий, осуждающе поглядывая на виновницу семейного раздора (так он утверждался в роли главы семьи), — если человек безответственно относится к своим обязанностям, то ему хоть кол на голове теши.

— Если ты говоришь о Кире, — встала на защиту дочери Ирина Андреевна, ставя огромный торт на почётное место в центр стола и ловко нарезая его большими аппетитными кусками, — то я с тобой, Толя, не согласна. Кира всегда была очень ответственной и обязательной девочкой. И не её вина, что ей достался старый Викин телефон — надо тебе более внимательно относиться к жене и на день рождения дочери подарить подарок и матери. Мне кажется, своим трудом на благо семьи она заслужила куда более уважительное отношение и дорогие подарки.

Анатолий насупился — спорить с тещей он не любил, хорошо понимая, что в нужный момент подключится тесть, потом Кира и очень трудно будет отстаивать своё единоличное мнение против давно сплотившегося коллектива. Он, как в большинстве случаев, останется в одиночестве, непонятым и обиженным.

— Прежде чем заступаться за дочь, Ирина Андреевна, — не смирился он с замаячившим на горизонте поражением, — вы спросите у неё, где она пропала эти дни и ночи! Вчера я полдня пытался ей дозвониться: предупредить, что освободился и прилетаю на два дня раньше, но дома её нет, а мобильник не отвечает... Мне пришлось добираться из аэропорта на такси! Это накладно и не удобно!

«— Опять он о себе! Когда же это кончится?» — тоскливо подумала Кира, входя в беседку и присаживаясь к столу.

— Нам Кира звонила каждый день, — гордо парировала Ирина Андреевна и призвала на помощь внучек. — Так девочки?

«Девочки» дружно закивали головами и разом подставили блюдца под куски торта. Получив по большому украшенному свежими фруктами куску, они дружно взяли за ложки.

— Кто вчера говорил с мамой? — строго посмотрела бабушка на внучек поверх очков, как оружие, держа в руке лопатку.

— Ну, я, — нехотя призналась Алиса с набитым ртом.

— Почему ты не сказала, что папа прилетает раньше?

Пожав плечами, девочка отправила в рот последний кусок безе с орехами и с вожделием уставилась на торт. В эту минуту она решала для себя сложнейшую задачу: есть или не есть. Все «за» и «против» сошлись ровно на середине.

— А, — махнула она рукой на фигуру, решительно взяла из рук бабушки лопатку и положила себе на тарелку облюбованный кусок торта с кусочком ананаса. — Мама звонила утром, а то, что папа прилетает вечером, я узнала только в обед.

— Вот вам и объяснение!

— Ничего подобного! — Анатолий был настроен очень воинственно. — Это не объясняет, почему ваша дочь не ночует дома и где пропадает!

Кира поблагодарила взглядом Алису и маму за поддержку и без особого энтузиазма сообщила:

— Я на работу устроилась...

Сообщение домочадцы восприняли по-разному.

— Мы обсуждали уже это три года назад, — едва сдерживая раздражение, заявил муж, поднимаясь из-за стола. — И возвращаться к этому вопросу я не намерен.

— Подожди, Анатолий, — отец Киры положил руку на плечо дочери, сдерживая её ответную реакцию на грубость. — Пусть Кира расскажет, что это за работа, а уж тогда будем решать.

— Никто ничего решать не будет, — устало возразила Кира и похлопала ладошкой по

руке отца. — Я дала согласие и прошу принять это как свершившийся факт.

Тишина за столом стала такой ощутимой, что Кира оторвала глаза от пола беседки и обвела взглядом озадаченных домочадцев.

Ирина Андреевна, почувствовав приближение скандала, начала выпроваживать младшее поколение из-за стола, и девочки охотно покинули предполагаемое поле битвы.

— Мы на речку, — крикнула от калитки Алиса и, словно флагом, взмахнула полотенцем. — Держись, мам, мы с Тошкой на твоей стороне.

Виктория подцепила пальцами шлёвку шорт Алисы и потащила её на улицу.

— No pasaran! — дурачась, прыгали и кричали девочки за забором, поднимая вверх сжатые кулачки.

Все, кроме Анатолия, улыбнулись.

Они были такие разные: Алиса непоседливая, длинноногая худышка со светло-русыми, волнистыми волосами и наивно распахнутыми ярко голубыми глазами, Виктория рассудительная, невысокая, «фигуристая» шатенка с внимательным взглядом шоколадных глаз, и, тем не менее, все сразу узнавали в них сестёр.

— Это всё равно не объясняет твоих отлучек из дома, — настаивал Анатолий, решивший во что бы то ни стало добиться правды, и пусть эту правду услышат её обожаемые родители. Пусть услышат и убедятся, что их дочь не так безгрешна, как они думают.

— После того, как я проводила тебя на самолёт, пожилая женщина попросила меня присмотреть за её посылочными ящиками с фруктами, пока она позвонит родственнику, — сходу придумывала Кира историю о своей новой работе. — Он, почему-то, не встретил её в аэропорту, и женщина очень переживала. Родственника дома не оказалось, и я довезла женщину до дома. Потом помогла перенести ящики и вещи, потом мерила ей давление, вызывала «Скорую» — она так расстроилась из-за невнимания родственника, что её чуть не забрали в больницу. Пришлось пообещать врачу, что я несколько дней буду за ней присматривать. Не могла я бросить больную женщину...

— Это только ты можешь вляпаться в такую историю. У тебя прямо на лбу написано, что тебя можно использовать и денег не платить!

Слова Анатолия и тон, которым они были произнесены, неприятно поразили Киру.

«— Кто дал ему право так со мной разговаривать? — разгневанно подумала она, и сама же ответила: — Неужели я? Да, я сама позволила так с собой обращаться... Почему? Потому, что мне было все равно...».

Она внимательно посмотрела на Анатолия и впервые за долгие годы брака увидела в нём не мужа, а мужчину: высокого, худощавого мужчину с интеллигентным лицом, русыми поредевшими на макушке волосами и живыми голубыми глазами. Как мужчина он ей понравился — хотя не мешало бы подкачать мускулы, скрыть бородкой безвольный подбородок и освободить от больших нависающих усов красиво очерченный рот, а вот как муж...

— Смени, пожалуйста, тон, — подчёркнуто вежливо попросила Кира и продолжила свой рассказ: — Только в пятницу объявился родственник — его несколько дней не было в Москве. Узнав о случившемся, он был так благодарен мне за заботу и внимание к пожилой женщине, что тут же предложил работу: три раза в неделю приезжать к Елизавете Георгиевне и в качестве компаньонки проводить с ней время, сопровождать её к врачу, в театр, на выставку...

— И ночи ты будешь проводить с этой дамой?

Анатолий не хотел потакать жене — установленный изначально порядок ломать не стоит. По его мнению, это было самодурство, обличённое в благородные формы, или блажь заевшейся домохозяйки, чтобы хоть как-то привлечь к себе его внимание, но устраивать скандал и настаивать на своём он почему-то не стал. И не родители жены были тому виной — причина была в самой жене: в том, как она выглядела — нарядно и дорого, как говорила — уверенно и спокойно, как по-новому, оценивающе смотрела на него — не как на мужа, а как на мужчину. Смотрела и с кем-то сравнивала... Ему вдруг вспомнилась их давняя-предавняя (ещё до замужества), встреча в магазине, когда он, увидев пустоту и отрешённость в её карих глазах, решительно взял из её рук сумки и впервые за год институтского знакомства почувствовал себя сильнее и увереннее этой своенравной, улыбчивой гордячки. И это чувство уверенности сохранялось в нём до самого ЗАГСа, до той минуты, когда на вопрос: «Согласны ли вы сочетаться законным браком с Анатолием Евгеньевичем Меркуловым?» невеста с непередаваемой улыбкой ответила: «- Раз меня до сих пор никто не украл, то согласна!» и их расписали. Цель его скоропалительной женитьбы была достигнута: отсрочка от армии, работа и московская прописка почти лежали у него в кармане, к тому же он получил в жёны лучшую, по мнению всех ребят, девушку первого курса, а может и всего института, о которой не мог даже и мечтать.

Красавицей Киру назвать было сложно, скорее хорошенькой: густые, русые волосы с золотым отливом, стройная фигура, лёгкая летящая походка, карие глаза с солнечными искорками — обычная симпатичная девчонка, каких тысячи ходят по Москве. И он думал так же, пока не увидел её в высоких кожаных сапогах, в обтягивающих белых бриджах, в чёрном коротком пиджачке и жокейке на пышных волосах. Она спускалась по институтской лестнице, хлопывая хлыстиком по сапогу, словно сошедшая с картинки дорогого глянцевого журнала, освещающего занятия конным спортом особ английского королевского дома, и казалась такой особенной и такой недосыгаемой, что Анатолий был сражён наповал одним лишь её экстравагантным видом. Это уже потом он оценил и ум, и такт, и чувство юмора и ринулся в атаку завоёвывать свою «принцессу». Но оказалось, что принцесса не так уж беззащитна и не нуждается в чужой помощи, и легко справляется с огромным упрямым конём, к которому и подойти то страшно; что она независима и своевольна — может остаться одна в пустой аудитории, когда вся группа сбежала с лекции в кино; что она не поддаётся на уговоры и посулы, тверда в своих решениях и честна в отношениях. К тому же она была не «его» принцессой, у неё был свой сероглазый, не улыбчивый принц, который держал её за руку, поучал и смотрел на неё влюблёнными глазами — он видел их вместе несколько раз у конюшни...

«— Я видел их вместе несколько раз у конюшни... — горько подумал Анатолий и подозрительно принюхался. — То ли чудится мне, то ли кажется, что пахнет этой самой пресловутой конюшней!»

Между тем Кира продолжала рассказывать, проигнорировав вопрос мужа о ночной работе.

— ...Мы обсудили условия работы, и я согласилась. Потом неожиданно выяснилось, что родственник Елизаветы Георгиевны собирается покупать племяннице лошадь. Представляете?! И, конечно же, я не удержалась и сказала, что могу помочь им в этом нелёгком деле. Сегодня с самого утра мы ездили на конюшню...

— Поэтому здесь так воняет! — не удержался Анатолий от колкого замечания.

— ...Выбрали девушке прекрасную лошадку...

— Прежде чем садиться за стол, надо было душ принять! Не всем нравится запах навоза! — это уже было неприкрытое недовольство.

Но Кира никак не реагировала на слова мужа — это ещё больше раздражало его и приводило в бешенство от собственного бессилия.

— Кстати, пап, ты оказался прав: «восьмёрка» Анатолия, — Кира специально подчеркнула чья это машина, — окончательно сдохла. Мне пришлось вызывать техпомощь и тащить её в сервис. До дачи меня подвезли на шикарной машине.

— Сомневаюсь, что эту старушку можно починить, — Дмитрий Андреевич жалостливо взглянул на дочь — упрёки зятя ему не нравились, но вмешиваться в отношения супругов он считал неправильным. — Хочешь, возьми нашу «Волгу» пока мы с девочками отдыхаем на море. А лучше бы ты поехала с нами!

Кира на минуту задумалась.

— Нет, па, спасибо. Уехать сейчас я не могу, а машина... Может, мне пора уже купить новую, а не «донашивать» за мужем...

— Я вижу, что я здесь лишний! — услышанное удивило и озадачило Анатолия, громко хмыкнув, он встал из-за стола и прошествовал в дом.

Вздыхая, Кира посидела ещё немного с родителями в беседке, вяло поковыряла вилкой кусок торта в тарелке и пошла следом за мужем в их комнату — разговор о разводе надо было начинать.

— Из-за чего снова скандал? Что опять, тебя не устраивает? — устало спросила она, присаживаясь на кровать, на которой аккуратно были разложены вещи мужа. — Моя работа или то, что я приняла решение без твоего согласия.

— Меня не устраивает и то, и другое, и третье! — Анатолий выдержал паузу, во время которой жена должна была осознать свою вину, а он сообразить: что из вещей ему надо взять с собой, а что оставить для стирки. Решив это, он продолжил: — В первую очередь я забочусь о детях — они будут брошены на произвол судьбы! В доме не будет ни обедов, ни ужинов — кто-нибудь обязательно заработает гастрит или даже язву желудка.

— Может, ты не заметил, но девочки уже не нуждаются в няньке. Они выросли! И вполне могут подогреть себе и обед и ужин.

— Здорово у тебя получается! Дети будут готовить, муж работать, а ты ублажать пожилую дамочку и развлекаться на конюшне.

— Я тоже буду работать и тоже буду приносить деньги в семью, а свободное время я хочу проводить так как мне нравится.

— На конюшне?

— На конюшне.

— Не смейся народ! — фыркнул Анатолий.

Ему всё больше и больше не нравился этот беспредметный разговор — в их семье всё всегда решал он — так было и будет, пока он сам не решит по-другому, Кира лишь соглашалась с его мнением, а тут вдруг такая самостоятельность.

— Мне совершенно всё равно, что подумают чужие люди, — устало произнесла Кира и сжала холодеющие пальцы в кулаки — выяснять отношения она не любила.

— И на моё мнение тебе тоже наплевать?

— По большому счету — да! Все пятнадцать лет брака я только и делала, что уступала тебе во всём, выполняла все твои требования, исполняла твои желания — ты связал меня по рукам и ногам своими условностями, обещаниями, требованиями. Хорошо хоть спать с

собой не заставляешь...

— Вот радость то — трахать бревно!

Но Киру, словно прорвало, она не слушала мужа и продолжала говорить:

— К чему привело моё покорство я теперь ясно вижу: ты перестал замечать во мне человека со своими желаниями и со своим мнением. Ты лишил меня права распоряжаться собственной жизнью, принимать решения, заставил отказаться от самой себя, от своих интересов, ради семейного благополучия. И я подчинилась, поставила интересы семьи выше своих собственных. И что? Что я из себя представляю на данный момент? «Кухарка, нянька, прачка!»

— Ты мне ещё стишки почитай!

— Да нет, — махнула рукой Кира, вставая с кровати. — Без толку с тобой разговаривать. Лучше скажи, когда мы разведемся? Когда ты уладишь, наконец, свои бесконечные дела с работой и пропиской?

Анатолий стоял напротив, скрестив на груди руки и прикрыв голубые глаза. Красивые губы его кривились презрительной усмешкой.

— Не терпится от меня освободиться? И кто же будет тебя содержать? По-моему, я плачу тебе достаточно, чтобы ты поддерживала мой статус семейного человека — ты же знаешь, как мое начальство относится к семейным ценностям: жена, дети, а если нет — за ворота! Если разведемся, я лишусь работы, а ты содержания на себя и детей. Подумай хорошенько, прежде чем требовать развод.

— Сначала армия, потом прописка, теперь работа... Сколько еще?

— Ты хочешь новую машину? Где же ты, деньги на машину возьмёшь? — язвительно спросил он, как только жена замолчала. — Я могу помочь... если договоримся.

Кира обречённо вздохнула и с каким-то тайным злорадством подумала о сейфе с деньгами в Шубинской квартире.

— Сама разберусь...

— Уж не у Пашки ли Шубина займёшь? Или кого побогаче нашла? Поэтому освободиться от семьи пожелала?

— Причём здесь Шубин? И не от семьи я хочу освободиться...

— Все при том же! Ты, как я погляжу, совсем ума лишилась! Мужа проводила, детей на родителей скинула, принарядилась и в загул. — Анатолий бочком пристроил футболку в портфеле, сверху в плотном целлофановом пакете положил рубашку с галстуком и распрямился. — Мы с тобой о чем договаривались? Примерная семья! А ты что творишь? Шляешься по ночам неизвестно где! А женишок твой бывший всегда у меня с навозом ассоциируется: запахло от тебя этим тошнотворным лошадиным запахом, я сразу его и вспомнил.

В устах мужа имя «бывшего женишка» звучало так уничижительно, что Кира не выдержала.

— Шубин умер, так что будь добр, воздержись от оскорбительных предположений.

— Откуда ты это знаешь? А? Считается, что ты домом и детьми занимаешься, ни с кем кроме Лариски не общаешься, а вот, поди ж ты, в курсе всех мировых событий.

— Встретила знакомую и разговорились, — попыталась Кира оправдаться, но муж всё равно не слышал её.

— Что тебе не живётся спокойно? А, Кир? Что ты вечно куда-то рвёшься, чего-то добиваешься, всем помогаешь... Разве ты можешь понять, каких трудов мне стоило прожить

с тобой столько лет, контролировать тебя, изолировать от подруг и знакомых, направлять твою энергию в нужное русло, отвлекать твоё внимание от мечтаний и идиотских желаний. Сколько моих сил потрачено на создание образцовой семьи! Ты себе и представить не можешь, чего мне это стоило! Сколько бессонных ночей проведено в размышлениях о счастье!

Для Киры это откровение было шокирующей новостью. Она и не знала, что муж контролирует её, изолирует и ещё чёрт знает, что вытворяет без её ведома, но чувство вины (вот такая она дурачка совестливая) за свой обман с работой и сокрытием полученного наследства не позволило ей загореться праведным гневом и выплеснуть его на голову мужа — все не без греха, и она в первую очередь — так лучше она не будет упрекать.

— Ну, и в чём же оно, счастье? — спросила Кира и приготовилась выслушать длинную лекцию.

Анатолий равнодушно посмотрел на жену, закрыл кожаный портфель с вещами и назидательно изрёк:

— Каждому своё!

Он подхватил портфель и шагнул к двери, но на пороге обернулся.

— Я устал бороться с твоим несносным характером, поэтому взываю к твоему рассудку, если он, конечно, у тебя ещё остался после нескольких дней загула — выбирай: семья, брак еще на пять лет и... новая машина, но никакой работы, а уж тем более конюшни или тягостный развод с разделом имущества, с тасканием детей по судам, их дележка и... нищета. Завтра я приеду на вокзал провожать дочерей, и ты мне дашь ответ.

34

Когда затих шум отъезжающей машины мужа, Кира вышла на террасу и, обхватив руками потемневший от времени столб, несколько минут пристально всматривалась в пустую дорогу...

Что она надеялась там увидеть? Возвращающегося мужа?

Сейчас ей нужен был друг, с которым она могла бы посоветоваться, который выслушал бы ее проблемы, посоветовал, посочувствовал и поддержал бы ее начинания...

А был ли Анатолий ей другом? Смогла бы она ему все рассказать? Как-никак муж — самый близкий человек... должен быть... Рассказать ему о наследстве, о похищении, о Лехе-Бегемоте, о пистолете и о деньгах в сейфе... Нет, не смогла бы! Он ей не друг — он ее тюремщик... паук, и она опутана его паутиной: условиями, его проблемами, он шантажирует ее девочками — они любят его, особенно Алиса, и будут переживать их развод — что он им наговорит о ней... Он никогда ее не слушал — решал все сам, а ей оставалось только соглашаться... Почему она соглашалась, а не отстаивала свое мнение? Потому... потому, что ей было все равно... Она сама вышла за него замуж — вот столько лет и «расхлебывает» свой опрометчивый поступок... А сейчас? Почему сейчас она приняла решение, не советуясь с мужем и не беря в расчет его мнение? Она стала самостоятельной? И не зависимой? Из-за денег? Из-за наследства? Вряд ли... Нет, она всегда такой была самостоятельной и независимой... а еще открытой и веселой... смелой и решительной... просто она это забыла... забыла в ту минуту, когда умерла ее любовь... и она вместе с ней... А сейчас она это вспомнила! Вспомнила, и ничего уже не будет по-старому...

Родители с жалостью смотрели на задумавшуюся и погрузневшую дочь, и от их жалости Кире стало совсем тошно.

— Дорогие мои родители, не надо меня жалеть — у меня все хорошо. У меня есть

девочки, вы, работа, деньги, новые знакомые, а Анатолий... я пока не приняла решение: нужен ли мне такой мужчина рядом, который не слышит, не понимает, не доверяет и не любит меня... но уж очень крепко мы с ним связаны.

— Кира, только не развод... — ужаснулась Ирина Андреевна.

— Не вмешивайся — пусть разводится, — одернул жену Дмитрий Андреевич. — Давно пора этого хлыща поставить на место! Как клещ вцепился... Я вижу, наша дочь проснулась от долгой спячки и может теперь сама принимать решения. Я рад за тебя, милая.

— Может, ты поедешь за ним, Кирочка, поговорите, помиритесь...

— Нечего за ним бегать! Ишь, хлыщ какой выискался! Остайся, дочка, успокойся, подумай — утро вечера мудренее.

— Нет, пап, поеду в Москву... но я вовсе не домой поеду.

— А куда? — хором спросили встревоженные родители.

Кира немного помолчала, повздохала — она никогда раньше не обманывала родителей.

— Я не стала говорить при Анатолии... я встретила отца Павла Шубина.

— Ой, того молодого, приятного парня, который так красиво за тобой ухаживал? — сразу же уточнила Ирина Андреевна и печально улыбнулась — ей так нравился этот воспитанный, молодой человек, и она искренне огорчилась, узнав об их размолвке и скоропалительной свадьбе дочери с другим человеком.

— Да, того молодого человека, — подтвердила Кира и тоже печально улыбнулась. — Недавно Шубин погиб в автомобильной аварии и оставил мне какое-то наследство, в эти дни я и ездила к нотариусу, улаживала все формальности.

— Ах, как жалко... такой воспитанный и серьезный молодой человек, — вздохнула Ирина Андреевна и вытерла набежавшую слезу. — Если бы вы поженились тогда, то возможно Судьба не отвернулась бы от него...

— А что за наследство? — Дмитрий Андреевич был человеком практичным, и его волновали более меркантильные интересы.

— Дима, как ты можешь?

— Прости, Ирочка. Страдать по молодым людям это ваша женская прерогатива.

— Хорошее наследство, — печально сообщила Кира, — квартира и немного денег. Я не хочу говорить об этом Анатолию, он обязательно захочет продать квартиру Паши и построить загородный дом, в котором будет править его мамаша, а мне хочется разменять эту квартиру на две однокомнатные для Виктории и Алисы — совсем скоро они станут взрослыми и захотят жить отдельно... Поэтому, милые родители, сохраните в тайне мою тайну, а позже мы подумаем, как объяснить Анатолию появление у девочек столь дорогих подарков, если, конечно, мы еще будем вместе...

Родители повздохали, поохали и, конечно же, согласились с Кириными доводами, пообещав сохранить получение наследства в тайне.

Кира по очереди поцеловала Ирину Андреевну и Дмитрия Андреевича, подхватила сумку и быстро зашагала по садовой дорожке к автобусной остановке. Через час она была уже в Москве, а ещё через час в квартире на Мясницкой.

35

— Мы засекли машину, — докладывал по телефону один из охранников начальнику службы безопасности Коробову Ивану Степановичу. — Серебристая «Тойота-Камри», держалась довольно далеко от «Ауди» — Арсен специально еле ехал, чтобы мы успели подтянуться и рассмотреть номер.

— Пробыли по компьютеру? Кому принадлежит машина?

— Машина принадлежит женщине, но кто сидел за рулём в «Тойоте», мы так и не разобрали — тонированные стёкла, а приближаться побоялись, чтобы не спугнуть.

— Та-ак... — недовольно протянул Иван Степанович и почесал лысую макушку. — Упустили!

Начальником он был справедливым и прекрасно понимал, что во всякой работе случаются накладки и особо своих подчинённых за ошибки не шпынял, но в тоже время требовал, чтобы эти ошибки были исправлены. Вот и сейчас, сердился он больше для вида — главное ребята для него выяснили: номер машины, следившей за хозяйской «Ауди», красовался у него в блокноте.

— Ну, прокололись, — нехотя признался охранник и выразительно посмотрел на напарника — тот виновато пожал плечами и с досады сплюнул в открытое окно чёрного «Форда». — «Тойота» через две сплошные развернулась, а мы пока до левого ряда добрались, её уже след простыл... Пробки.

— Ладно, возвращайтесь.

Через полчаса Иван Степанович обладал полной информацией о владелице «Тойоты-Камри», но с самой владелицей машины связаться ему так и не удалось — на звонки по домашнему телефону никто не отвечал.

Зато со второй личной просьбой Дмитрия Викторовича Юшкина он разобрался в лучшем виде: связался с кем надо из МВД, узнал всё об открытом деле по поводу наезда на Лидию Петрову из дома Шубина и даже подкинул следователю версию о преднамеренном наезде (в деле же фигурировала версия о непреднамеренном наезде — оно и понятно, кому интересно заниматься рутинной), упомянув очень важную улику: чужой красный в белый горошек зонт.

В версию о преднамеренном наезде следователь не поверил, но о приметном зонте пообещал разузнать у родственников сбитой женщины — заинтересованность кого-то сверху простым наездом на ничем не примечательную гражданку его встревожила: с одной стороны вряд ли удастся быстро закрыть дело, а с другой стороны заинтересованность третьих лиц сулила ему «материальное поощрение», от которого при его крошечной зарплате отказываться было грех — тем более, что нарушить закон его никто не просил, наоборот, намекали отнестись к делу повнимательнее и посерьёзнее в пределах установленного срока, что не противоречило его служебным обязанностям и поступившей информации. Неизвестная женщина сообщила по телефону номер машины, сбившей Петрову, и он тут же объявил машину в розыск. Машину нашли, осталось проверить её на наличие характерных повреждений наезда, но заняться этим делом он хотел позже — теперь же (после звонка сверху) дело о простом наезде приобретало совершенно другой статус — первоочередной.

Ивану же Степановичу Коробову до дела о наезде на незнакомую Петрову не было никакого дела — он всё выяснил, подсказал кому надо и доложил кому следовало, держать же расследование под своим контролем ему никто не приказывал. К тому же, большее вмешательство в следствие уже стоило денег, а никаких инструкций относительно денег ему не поступало. Он был службист и педант, куда не надо свой нос не совал и чем не приказывали не интересовался, хотя мог бы (по долгу службы, конечно).

услышав в трубке мягкое Кирино «алло». — Мобильник то у вас не отвечает, а я целый день названиваю. — Кира хлопнула себя по лбу — зарядку для телефона она так и не взяла. — Хорошо, догадался позвонить на городской телефон в эту квартиру. — Телохранитель Бурмистрова кашлянул и, убрав из голоса радостное возбуждение, продолжил: — Я чего звоню, Кира Дмитриевна... Вчера мы с Вячеславом Львовичем на вашей машине уехали, так сегодня с утра вашу машину ребята отогнали в наш сервис — что-то там окончательно сломалось, но для того, чтобы начать ремонт, требуется ваша подпись для диагностики и калькуляции работ. В сервисе с этим строго: вдруг, какая-нибудь проверка, а хозяйской подписи на бумагах нет — значит, машина в угоне. Пойди потом докажи, что тут всё законно.

— Не волнуйтесь, Коля, — приткнув сумку в кресло, Кира сбросила сабо и, морщась, пошевелила натёртыми пальцами, — я сейчас подъеду. Переоденусь только и подъеду. Говорите адрес.

— Обижаете, Кира Дмитриевна, через полчаса мы сами за вами заедем и назад довозём, как в лучших домах.

— Вот за это спасибо, — искренне поблагодарила хозяйка старенькой «бедолаги», поглядывая на большие напольные часы в гостиной. — Дорога с дачи просто ужасна! И как это я раньше обходилась без машины, не понимаю.

— Так через полчаса, — напомнил Николай и отключился.

На ходу снимая платье, Кира направилась в ванную.

Кира рассчитывала по приезде в квартиру лечь в ванну и спокойно обо всём подумать. Подумать и принять мудрое решение...

Но, не тут, то было! Её планы в этой квартире менялись, даже не начав осуществляться.

Надевая новый шёлковый брючный костюм цвета горького шоколада в едва заметную серебристую полоску, Кира дала себе слово обязательно обо всем подумать — до завтра еще уйма времени.

Автомобильный салон, куда отбуксировали Кирину «восьмёрку», находился около Кольцевой автострады за высоким бетонным забором. Ремонтные мастерские ютились в конце огороженной территории: из раскрытых ворот раздавались грохот, вжиканье и истерический визг пилы, центральное же место сервиса занимал салон по продаже автомобилей.

Услышав скрежет металла, Кира передёрнула плечами от этих немелодичных звуков и, заметив это, Николай предложил:

— Вы посидите в машине, Кира Дмитриевна, а я отнесу ваш паспорт для оформления.

Достав из сумки документы на машину и свой паспорт, Кира протянула их Николаю, и тот поспешно вышел из машины. Телохранитель Бурмистрова вошёл в распахнутые ворота мастерской, а через минуту уже открывал заднюю дверь серебристого «Мерседеса».

— Кира Дмитриевна, — обратился он к заскучавшей пассажирке, — пока девочки будут оформлять бумаги, давайте пройдёмся по салону, машины посмотрим. Там тихо, прохладно. Можно в кафе посидеть, попить сок.

Пожав плечами, Кира согласилась.

По просторному салону с огромными во всю стену окнами деловито расхаживали молоденькие девушки и парни с папочками под мышками и мобильными телефонами в руках в одинаковых чёрных брючках и белых рубашечках.

По случаю лета и субботнего вечера покупателей в зале не было, и вошедшие Кира и

Николай попали в плотное окружение подчёркнуто вежливой молодёжи.

— Что желаете приобрести? Какая машина вас интересует? — наперебой интересовались они, но сразу же отступили перед вышедшим из-за стеклянной перегородки высоким серьёзным мужчиной в костюме.

— Юра, это Кира Дмитриевна, гостья Вячеслава Львовича, — представил блондин-каратист «гостью», и Кире показалось, что Николай подмигнул менеджеру, как старому знакомому. — Мы бы хотели посмотреть все имеющиеся в салоне иномарки.

— Прошу, — Юра склонил голову, пропуская гостей вперёд.

Идя по салону, он останавливался около каждой машины, подробно рассказывал её технические данные: год выпуска, мощность двигателя, расход топлива... На десятой машине Кира не выдержала. Она сложила ладони перед грудью и взмолилась:

— Дорогой, Юра-сан, мы с Николаем уже убедились в вашем профессионализме и преклоняемся перед вашей осведомлённостью и красноречием, но... Не могли бы вы сократить раз в десять ваш интереснейший и поучительнейший рассказ, чтобы он звучал примерно так: это «Хонда» — цвет «мурена», это «Лянча» — цвет «взбесившаяся морковка». — Кира опустила руки и улыбнулась. — Ну, не интересны мне ваши литры и объёмы! Вот о настоящих лошадях я поговорила бы с вами с большим удовольствием — как раз сегодня у меня появилась расчудесная арабская кобылка серая в яблоко, но боюсь, настоящие лошади интересны вам только в качестве лошадиных сил в моторе. Давайте лучше быстренько пробежимся по салону и к всеобщему удовольствию заглянем в какой-нибудь магазинчик с автомобильными принадлежностями. Есть же у вас в салоне что-нибудь интересенькое?

— О, женщины, — разом воскликнули Кирины спутники и понимающе посмотрели друг на друга.

— Хорошо, — подчиняясь прихоти гостыи, вздохнул Юра. — Покупатель всегда прав!

— Хорошо, — следом согласился Николай. — Желанье дамы — закон для подчинённого!

За полчаса они «быстренько пробежались» по салону, выпили прохладного сока в кафе, поднялись на третий этаж и попали в царство автомобильных вещей, косметики и разнообразных приспособлений, о предназначении которых Кира не имела ни малейшего представления.

Оглядевшись, она прочно застряла у небольшой сверкающей золотом витрины, на стеклянных полках которой манили к себе часы, печатки, кольца, запонки и булавки для галстука с символикой разных марок машин. Конечно же, таких символик, как лодочки или олень здесь не было.

Чтобы хоть чем-то порадовать себя после ссоры с мужем, Кира приглядела себе очаровательное золотое колечко: между двух тонких ободков на ажурном поле застыла в прыжке оскалившаяся пантера. Надев колечко на средний палец, Кира почувствовала себя гораздо лучше и тут же купила его, закрыв глаза на довольно приличную цену.

Всю обратную дорогу до машины она украдкой посматривала на колечко, любовалась им — сейчас её больше волновала оно, а не выставленные в салоне новенькие иномарки, к ценам которых Кира даже не присматривалась.

— Не может быть, чтобы вам не понравилась ни одна машина, — Юра был явно разочарован равнодушием гостыи к столь прекрасным автомобилям. — Смотрите, какая красавица «Ауди»! А этот «Мерседес»...

Конечно, Кире нравились все эти новенькие блестящие машины, но поскольку человек она была практичный и не честолубивый, то хорошо понимала, что от её восторгов и желаний иметь такую иномарку ничего не изменится: «сколько не говори «халва» — во рту слаще не станет!».

Но Николай и Юра, видимо, задались целью её переубедить. И чтобы положить конец их восторженным дифирамбам и побыстрее покончить с затянувшейся экскурсией по салону, Кира посмотрела по сторонам и ткнула пальцем в молочно-белую, радужно искрящуюся в свете дневных ламп, обтекаемой формы иномарку с круглыми сдвоенными «глазками», капризно сложенными хромированным овалом «губками» и застывшей в прыжке серебряной пантерой на радиаторе.

— Вот эта! — сказала она и, улыбаясь, посмотрела на своё колечко. — Удивительно подходит к моему колечку!

Юра и Николай на секунду замерли.

— Ну, слава Богу, — облегчённо вздохнул блондин-каратист и отошёл в сторонку, вынимая из кармана мобильный телефон.

— Прекрасный выбор, — восторгнулся главный менеджер автосалона. — «Ягуар»-Х-Тайп, объём двигателя 3 литра, 240 л.с., имеет кожаный салон, дерево орех, АКПП, люк, бортовой компьютер...

— О-о-о!!!

Слушать его Кира не стала — какое ей дело до кожаного салона и бортового компьютера этого роскошного «Ягуара».

«— Они даже не оценили мою шутку, — обиженно думала она, в одиночестве спускаясь по лестнице к выходу из салона. — Хотя, на кого я обижаюсь? Это же мужчины! «— Автомобиль к колечку! Это круто!» сказали бы мои девочки».

Вечер подходил к концу, но Кира всё ещё заполняла какие-то бланки, подписывала полупустые листы и тупо удивлялась, что приходится оформлять столько документов из-за старой никому не нужной «восьмёрки».

— Ставьте число, месяц и свою подпись, — указывал Николай, ни на минуту не отходя от Киры. — Устали? Зато машинка у вас будет, как новенькая. Кстати, вот из-за этого автосалона на шефа и наехали бандиты. Хозяева не смогли вовремя вернуть нашему банку кредит, а Вячеслав Львович не стал ждать и подал на них в суд. Имущество фирмы описали и нашему банку в счёт задолженности по кредиту отдали — бывшим хозяевам это очень не понравилось! Вот они и решили таким образом вернуть своё имущество...

Николай говорил без умолку, искоса поглядывая на закрытые ворота салона.

Кира устала от его болтовни и уже присматривала, чем бы стукнуть блондина по голове и сбежать из-под его опеки, как вдруг железные ворота в конце трёхэтажного здания открылись, и из них неслышно выехала молочно-белая иномарка с огромным розовым бантом на крыше. На радиаторе скалилась застывшая в прыжке серебряная пантера, на номере красовались три «блатные» семёрки.

Из машины вышли Вячеслав Львович Бурмистров и Юра с пластиковой папочкой и ключами от иномарки в руке.

Глядя на сияющее лицо Бурмистрова, искусно приведённое в приличный вид, на новенький «Ягуар» с кокетливо свесившимся розовым бантом, Кира начала догадываться об истинной цели этой поездки. Она укоризненно посмотрела на Николая, шагнула назад, но блондин-каратист и водитель «Мерседеса» подхватили её под локотки и буквально по

воздуху (Кира едва успевала переставлять ноги) подвели к сверкающей машине.

— Дорогая Кира Дмитриевна, в благодарность за вашу смелость и ко дню вашего рождения примите от меня этот довольно... нескромный подарок. Вот документы и дарственная на машину, — улыбаясь, Бурмистров двумя пальцами погладил тонкую бородку и повернулся к Николаю: — Угощай, Коля! Надо же обмыть новую машину!

Телохранитель Бурмистрова метнулся к «Ягуару», осторожно вытащил с заднего сиденья поднос с бокалами и бутылкой шампанского.

— Нет, нет! — запротестовала Кира — да, она помогла Бурмистрову, но ей и в голову не приходило рассчитывать на благодарность, тем более на такую «существенную» благодарность. — Я не могу принять такой дорогой подарок...

— Разве это дорогой? — лукаво прищурил чёрные глаза банкир. — По сегодняшним меркам это довольно скромная машина. Вы, Кира Дмитриевна, могли ткнуть пальчиком в шестисотый «Мерседес» или в «Ламборджини», могли выбрать «Роллс-Ройс» или «Майбах» — вот тогда это был бы действительно дорогой подарок, но, уверяю вас, и его бы вы получили.

— Меня не за что благодарить — я увезла вас от одной опасности, но потом подвергла ещё большей...

— Это не ваша вина — виновные обоих инцидентов будут наказаны, а деньги... Жизнь дороже любых денег, — глубокомысленно изрёк Вячеслав Львович, вручая ей пластиковую папку с документами и ключи от машины. Потом он смачно поцеловал Киру в щёку и предложил выпить на брудершафт.

Подаренный «Ягуар», после наставлений и обучения новой хозяйки, расторопные ребята быстро определили на платную стоянку прямо за углом дома Шубина и проблема, над которой Кира всю дорогу ломала голову, отпала сама собой.

Проводив счастливую обладательницу иномарки до дверей квартиры, Николай сердечно попрощался.

За одни сутки из незаметного рядового телохранителя «номер восемь — жди, когда позовём» он превратился в доверенное лицо шефа, почти героя, предотвратившего бандитское похищение и грабительское нападение на президента банковской корпорации. И всё это благодаря женщине, с перепугу запомнившей его внешность!

— Всего доброго, Кира Дмитриевна. — Николай двумя руками сжал протянутую женскую руку. — Если что — звоните, наши с шефом телефоны у вас есть.

— До свидания, Коля, — попрощалась «добрая фея» и улыбнулась. — Простите, что хотела стукнуть вас по голове за ваши разговоры.

— А, — беспечно тряхнул телохранитель Бурмистрова длинными белыми волосами, — не берите в голову, Кира Дмитриевна. Я бы на вашем месте после пяти минут себя пристукнул.

Николай ушёл, и Кира опять осталась одна в этой подаренной на счастье квартире.

37

Кира лежала в тёплой мутной воде, растирая между ладонями комочки не растворившейся сметаны, и думала о своей жизни. Мысли её всё время сбились куда-то в сторону, и она с трудом удерживала их в нужном русле: ей необходимо было решить поставленный мужем вопрос: «Семья и машина или тягостный развод и нищета». Для себя Кира уже давно все решила: и семья, и развод, и работа с конюшней! Но вот что на это скажет Анатолий? И Кира неожиданно поняла, что ей все равно, что он скажет и что за этим

последует...

— Разве семья и работа так уж несовместимы друг с другом? — спрашивала она у себя, погружаясь в тёплую мутную воду по шею. — Тысячи женщин каждый день совмещают эти, по мнению мужа, несовместимости и все счастливы: и дети, и мужья, и сами женщины. Вот, например, моя мама! Она всю жизнь работала и дома у неё был идеальный порядок. Или моя подруга Лариса! Правда, у Лары нет детей, нет мужа, и недавно умерла мать, но она прекрасно совмещает собственный успешный бизнес, бесчисленные романы и ежемесячные поездки за границу с новым возлюбленным. Почему я не могу и работать, и заботиться о семье? Конечно, будет трудно без его денег, но мы справимся...

Дрёма не мягких лапах подошла сзади, обняла Киру за плечи и осторожно подула в глаза...

От громкого бесконечного боя часов в гостиной Кира открыла глаза и невольно передёрнула плечами — вода давно остыла, и её кожа покрылась гусиными пупырышками. Кира выскочила из ванны, завернулась в огромную махровую простыню, и босиком, на носочках, словно японская гейша, засемила в спальню.

Но спать ей не хотелось.

Поискав глазами, чем бы заняться, она достала из верхнего ящика комода семейный альбом Шубиных и устроилась в кресле напротив кровати. Открыла первую страницу и удивлённо вскинула брови: с большого глянцевого фотопортрета на неё смотрела её старшая дочь Виктория, только лет на пятнадцать старше. Кира машинально перевернула лист, но и там её снова встретил такой знакомый внимательный взгляд шоколадных глаз незнакомой шатенки с маленьким мальчиком на руках.

— Спокойствие! Только спокойствие! — Кира нахмурила брови и стала лихорадочно листать страницы. — Всему на свете есть объяснение!

Но чуда не произошло — фотографии незнакомой женщины со знакомыми Викиными глазами никуда не исчезли, напротив, постепенно они сложились в большой отрезок жизни.

Отбросив альбом на кровать, Кира закрыла глаза и сжала пальцами виски. Боль опять подбиралась издалека, откуда-то с затылка, обручем обхватывая голову. Надо было срочно заняться работой, переключиться на что-то стабильное, незыблемое, но думалось только об одном: о неправдоподобном, невероятном сходстве её дочери и матери Павла Шубина.

Единственный логический вывод напрашивался сам собой, но Кира в него не поверила — она точно знала, что выходила замуж за Анатолия не беременной.

Абсолютно не беременной!

Стопроцентно не беременной!

Не девственницей, но и не беременной! Хотя... все это она помнила смутно...

Виктория никак не могла быть дочерью Павла Шубина!

И всё же странное сходство между Викторией и Елизаветой Георгиевной Шубиной существовало, и объяснить это сходство мог только один человек, единственный оставшийся в живых член этой странной «развесёлой» семейки, где все всё знают, но скрывают это друг от друга и делают вид, что никто ничего не знает.

Кира схватила телефонную трубку с аппарата, набрала номер и долго слушала длинные одинокие гудки, тянущиеся через пол-Москвы.

— Слушаю, — наконец раздался в трубке сонный, низкий мужской голос.

— Здравствуйте, Дмитрий Викторович! — очень радостно и очень бодро произнесла Кира. — Можно я к вам сейчас приеду в гости?

Наступила пауза.

— Кира Дмитриевна, это вы? — недовольно спросил пожилой мужчина, всё ещё надеясь, что ночной звонок просто ошибка номером. Сейчас он положит трубку, и будет досматривать чудесный сон: где все дорогие ему люди живы, и они все вместе живут в красивом загородном доме, где у Лизоньки и сына счастливые лица, а внучка держит на руках маленького мальчика — главного человека их большой дружной семьи. В его сне не было места этой чужой кареглазой женщине, но голос её почему-то назойливо лез в уши и не давал ему спать.

— Вы уже, наверно, жалеете о своём разрешении звонить вам в любое время? — ответила Кира вопросом на вопрос, чего раньше никогда не делала, считая это не вежливым.

— Но вы же на даче, — Дмитрий Викторович посмотрел на определитель номера и потряс головой. — Или уже нет?

— Я давно в Москве.

— И опять в Лизонькиной квартире! — мужчина недовольно крикнул и окончательно проснулся — спать эту ночь ему видно уже не придётся, а всё так хорошо начиналось. — Вам же советовали несколько дней быть предельно осторожной, держаться подальше от этой квартиры, пока моя служба безопасности не выяснит все обстоятельства нападения на вас, но, как видно, вы предпочитаете не слушать умных советов и жить по своим правилам.

— Хорошо, я буду осторожной, изменюсь до неузнаваемости, и буду пользоваться исключительно чёрным ходом, но поверьте — сейчас это не главное!

— У вас опять что-то случилось?

— У меня?! — Кира фыркнула, ошетибилась колючками и мстительно прошипела: — У меня как раз всё замечательно: я нашла себе работу, приобрела чудесную чистокровную лошадь, и на день рождение мне подарили шикарный автомобиль! Фраза «что-то случилось» скорее подходит к вашей семье — это в ней что-то случилось и очень давно! Четырнадцать лет назад! Или вы узнали о случившемся гораздо позже? Но мне почему-то кажется, Дмитрий Викторович, что вы уже давно в курсе поразительного сходства моей дочери Виктории и вашей драгоценной Лизоньки.

Мужчина на другом конце телефонного провода протяжно вздохнул и взялся рукой за сердце.

— Вы смотрели альбом с фотографиями Лизы?

— Да!

— И до утра подождать с выяснениями вы, конечно, не можете?

— Не могу.

— Ну, что ж, раз так получилось... Я скоро приеду.

— Нет, Дмитрий Викторович, если можно, я приеду сама. Мне так удобнее.

— Как хотите, — пожал плечами пожилой мужчина, смиряясь с обстоятельствами. — Вольному воля...

Эта женщина снова начала его раздражать. Он долго не мог понять, почему один только вид её действует на него, как красная тряпка на быка, а вот теперь, сидя в кровати среди ночи с зажатым в руке телефоном, догадался: Кира Дмитриевна Чичерина ему не подчинялась — она вообще никому не подчинялась! Она не зависела от него и его денег и делала всё что хотела, не считаясь с условностями и принятыми нормами поведения. И это неподчинение выводило его из себя! Ведь он привык всё и всех контролировать, за всех всё решать!

— Говорите адрес, Дмитрий Викторович.

— Адрес вы знаете. Я живу в квартире Лизонькиных родителей в высотке на Краснопресненской набережной.

38 Воскресенье

Со сжатыми губами и нахмуренными бровями Кира сосредоточенно вела машину, забывая включать поворотники и срываясь с места ещё на красный сигнал светофора. Гремучая смесь из злости, сомнений, беспомощной неотвратимости и какого-то животного страха гнала машину вперёд и вперёд.

Но, видимо чувствуя свою вину, Судьба на этот раз сжалилась над Кирой, убрав с её дороги не только гаишников, но и лихачей, и неопытных водителей.

Когда молочно-белый «Ягуар», тяжело поводя розово-перламутровыми боками, застыл у дома на Краснопресненской набережной, Кира не сразу вышла из машины. Она выключила мотор и ещё какое-то время сидела в пахнувшей новизной и кожей тишине, не решаясь расстаться с иллюзией «точки возврата» — ещё можно вернуться назад, всё отложить, переиграть...

Зачем она сюда приехала?

Сейчас она уже сомневалась в правильности своего поступка, увидев фотографии и поддавшись эмоциям, Кира начала поиски правды и вот теперь стояла перед сложным выбором: «знать или не знать горькую убийственную правду?». Может, надо было положить альбом с фотографиями на место в комод, повернуть ключ и забыть о странном, невозможном сходстве двух совершенно чужих и незнакомых друг другу женщин. Но одно дело пребывать в беспечном неведении или сомневаться в чём-то, и совсем другое дело знать, имея на руках неоспоримые факты...

И Кира решила на этот раз идти до конца!

Поправив чёрные волосы, она ещё раз посмотрела на фотографии дочери и матери Павла Шубина, запихнула их в карман пиджака и вышла из машины.

Сигнализация «Ягуара» пискнула, блокируя двери иномарки, и Кира обречённо побрела по ступеням к подъезду сталинской высотки.

Дмитрий Викторович Юшкин чисто выбритый, в костюме, светлой рубашке и галстуке — джентльмен и в час ночи остаётся джентльменом — стоял в освещённом дверном проёме, прислонившись спиной к косяку. Лицо его было непроницаемо, но длинные пальцы нервно выбивали по дереву какую-то бравурную дробь.

«— Чёрт знает что! — вяло думал он, ожидая поднимающийся лифт. — Я совсем не готов обсуждать с этой женщиной семейные тайны...»

Двери лифта бесшумно разъехались, и на площадку шагнула высокая черноволосая женщина в тёмном брючном костюме с ярко окрашенными перламутровой помадой губами. Дмитрий Викторович слегка опешил и уже хотел отступить в квартиру — неприлично пялиться на чужую позднюю гостью, но женщина посмотрела по сторонам и направилась прямо к нему.

— Гостей принимаете? — знакомым голосом спросила она, и за стёклами больших старомодных очков, скрывающих пол-лица женщины, весёлым торжеством блеснули карие с золотыми искрами глаза.

— Кира Дмитриевна, это вы? — Дмитрий Викторович никак не ожидал таких радикальных изменений внешности и с удивлением разглядывал почти незнакомку.

— Спасибо! — обернувшись, вежливо поблагодарила Кира охранника в камуфляжной

форме, подозрительно выглядывающего из лифта.

— Проходите, пожалуйста, — спохватился опешивший хозяин, пропуская гостью в квартиру и кивая охраннику.

Кира шагнула за порог и, осматриваясь, в волнении остановилась.

Ничего в этой квартире не напоминало ей о прошлом. Ремонт вместе со старыми обоями уничтожил следы её страданий, и квартира жила теперь новой жизнью и, возможно, даже не узнала её — ведь прошло столько лет.

Дмитрий Викторович обошёл застывшую на пороге гостью и распахнул дверь кабинета.

— Прошу, — сухо произнёс он, не зная, как вести себя в подобной ситуации — эта женщина не вписывалась в рамки его привычного поведения.

В кабинете уютно горела настольная лампа под причудливым белым абажуром, мягко освещая разбросанные по письменному столу бумаги.

— Извините за поздний визит, — входя в кабинет, тихо произнесла Кира, села в предложенное кресло и сжала холодные пальцы в замок.

— Бросьте, Кира Дмитриевна, — раздражённо отмахнулся от извинений потревоженный хозяин квартиры. — Время для вас не имеет никакого значения, как, впрочем, и для меня, — он достал из кармана пиджака серебряный портсигар с монограммой и завертел его в руках, не решаясь начать трудный разговор.

— Ах, да! Вчера я совсем забыла... Неужели это было только вчера? — достав из сумки записную книжку, Кира написала на чистой страничке номер чёрной «БМВ» и фамилию её владельца, вырвала листок и протянула Дмитрию Викторовичу. — На этой машине они сбили женщину у подъезда, тогда, в первый день...

— Опомнилась, голубушка?!

Портсигар тихо шлёпнулся на бежевый ворсистый ковёр. Дмитрий Викторович поднял его и сел в кресло: предстоящий разговор был серьёзным испытанием для его большого сердца — хорошо, что у него было время подготовиться (на кухне до сих пор стоял резкий запах валокордина). Но, с другой стороны, они должны были поговорить, если что-то случится с этой женщиной, он будет косвенно виноват в её смерти: не уберёт, не обеспечил, не предвидел. И сколько бы подарков он потом ни дарил Виктории, она будет всегда помнить, что это именно он не защитил её мать от явной угрозы.

— С завтрашнего дня я приставлю к вам охрану. И не спорьте!

Спорить Кира не стала — ещё раз пережить тяжёлые минуты страха и безысходности она не хотела.

— Вообще то, я приехала, чтобы обсудить другой вопрос...

— У меня никогда не было семьи, — услышал Дмитрий Викторович собственный голос и ужаснулся несвойственной ему откровенности. — Работа, работа! И только в праздники понимаешь, что главное прошло мимо твоей жизни, и ничего уже не изменить. Начинаешь задаваться вопросом: «Кто виноват?», ссылаться на обстоятельства, перекладывать ответственность за случившееся на других людей — себя самого винить во всём этом как-то не хочется. Вот хотя бы взять ваши отношения с Павлом, — брови гостьи слегка нахмурились, но Дмитрий Викторович предпочёл не заметить её недовольство. — В вашем расставании виноваты не столько обстоятельства, сколько влияние и воля других людей.

— Вы ошибаетесь, Дмитрий Викторович, — Кира преувеличенно равнодушным взглядом обвела кабинет, — не было никакого расставания. Была любовь, заявление в ЗАГС, мой день рождения, шампанское и как следствие всего этого проведённая вместе ночь.

Утром Павел одумался, испугался ответственности и просто исчез, оставив меня одну в чужой квартире. На следующий день его мать — ваша драгоценная Лизонька очень доходчиво объяснила мне, кем на самом деле я являюсь для Павла, и радостно сообщила, что он женится на генеральской дочке. Вот вам вся правда о нашем расставании!

— Нет, не вся... — Дмитрий Викторович встал с кресла и в волнении заходил по кабинету. — Тогда, пятнадцать лет назад всё случилось совсем не так, как вы считали все эти годы. Павел любил вас, но обстоятельства и воля другого человека оказались сильнее ваших чувств и веры друг в друга. Начнём с того, что Паша никуда не исчезал! Он просто уехал на военные сборы, как все студенты военной кафедры его института и оставил вам записку и подарок.

Удивление в Кириных глазах сменилось недоверием.

— Не было там никакой записки...

— Вы и не могли её найти. К тому времени, когда вы проснулись — простите за такие интимные подробности — записки в квартире уже не было, как, впрочем, и цветов, и подарка.

Кира почувствовала такое разочарование от пропажи записки, что чуть не расплакалась.

— Паша не пришёл домой ночевать и Лизонька, обзвонив всех знакомых, хотела обратиться в милицию. Лучше мне было не вмешиваться, но она так переживала, и я решил её успокоить — рассказал о вас с Пашей, невольно став виновником всего случившегося далее. Конечно, вы, Кира Дмитриевна, человек не нашего круга, но я представить себе не мог, что Лиза способна на такое! — в порыве раскаяния Дмитрий Викторович схватился за голову. Идеальная стрижка потеряла свою идеальность — седые волосы в беспорядке торчали во все стороны. — Она разрушила ваш брак, и сын не простил меня, когда узнал о моём... предательстве.

Последнее слово было сказано еле слышно и, казалось, отняло у мужчины все силы.

Дмитрий Викторович рухнул в кресло и невидящим взглядом уставился в пол. Правда была настолько тяжела, что его ссутулившиеся плечи едва выдерживали груз ответственности за разрушенные судьбы многих людей, но он обязан был сказать её — иначе вся его оставшаяся жизнь лишалась смысла.

— Там, в верхнем ящике письменного стола... — поднявшаяся было рука, безвольно опустилась, — записка Паши и его подарок. Я столько лет храню их...

Подойдя к письменному столу, Кира потянула за ручку верхний ящик.

Сверху каких-то деловых бумаг лежали свёрнутый вчетверо листок и маленькая красная бархатная коробочка.

Кира взяла коробочку, немного повертела в руках и открыла.

Золотое обручальное колечко заискрилось дорожкой из семи крошечных бриллиантиков — «на счастье», как всегда, говорил Павел, делая ей подарки.

Сердце замирало после каждого удара, внутренний голос кричал: «Остановись!», но Кира дрожащими руками взяла листок и развернула записку. Ровные крупные буквы запрыгали перед глазами.

«Дорогая моя Солнечная Принцесса Амазонок! Прости, что оставляю тебя одну в такой замечательный и знаменательный день, но обстоятельства (в лице недовольного военрука нашей кафедры) заставляют меня уехать на трёхнедельные военные сборы. Не хочу прощаться с тобой и видеть слёзы в твоих медовых глазках, поэтому уезжаю по-английски: не прощаясь. Надеюсь, мой подарок тебе понравится и подтвердит серьёзность моих

намерений. Готовься к свадьбе и не о чём не волнуйся!

Люблю! Целую! Твой Павел».

Вот она — горькая, убийственная Правда!

Спустя столько лет она узнала её, и что ей теперь с ней делать?

Признаться, что засомневалась в любимом, поверив наговору постороннего человека, и сама разрушила свою любовь?!

Признаться, что вся её дальнейшая жизнь после их расставания была ошибкой?!

Кира резко вздохнула, потом ещё и судорожно схватилась рукой за горло.

Мир пошатнулся, закружился перед глазами, и чтобы не видеть его конца, она крепко смежила веки.

«— Сейчас ты умрёшь! — тихо ужаснулся её внутренний голос».

«— Ну, и пусть, — равнодушно ответила ему Кира. — Пусть, пусть... Наполовину я давно уже умерла — ведь у меня разбито сердце... погасло солнышко в моей душе...»

...не будет боли и страданий, уйдут заботы и огорчения, отринутся мирские дела и обязательства. На душе станет легко и покойно, и возрадуется душа твоя, избавляясь от телесных оков. И обретёшь ты воздушность и чистоту, сердце твоё откроется для вселенской любви, и пойдёшь ты зелёной долиной, среди прекрасных цветов и плодоносящих деревьев, мимо тучных коров и резвящихся ягнят, мимо журчащих хрустальных ручьёв и полноводных прозрачных рек. Двойная радуга омоет тебя небесным, очищающим дождём, и предстанешь ты пред престолом Господа нашего...

Впереди было Небо и Вечность, позади две крошечные детские фигурки...

И Кира вернулась.

— Кира! Кира! — перепуганный Дмитрий Викторович тряс её за плечо. — Может «Скорую» вызвать?

Глаза открылись, и Кира увидела знакомое лицо, знакомый кабинет.

Нет! Не она виновата, что их жизнь с Павлом не сложилась — обстоятельства и воля других людей оказались сильнее их любви и веры друг в друга... А её дочери? Разве можно считать их рождение ошибкой?! Нет! Никогда!

Она сидела в кожаном кресле у письменного стола, сжимая в руке прочитанную записку, а рядом стоял бледный и растерянный один из виновников её не сложившихся отношений с Шубиным — «палач» её первой любви и спортивной карьеры. Странно, но ненависти к этому человеку Кира не испытывала.

Она осторожно вздохнула. В груди колело, в горле першило и жгло, но дышать она уже могла.

— Не волнуйтесь, — прошептала Кира, медленно складывая вчетверо записку и убирая её и красную бархатную коробочку с обручальным кольцом в карман пиджака. — Со мной всё в порядке.

— Ну, и напугала же ты меня, — Дмитрий Викторович выпрямился и пригладил ладонью растрепавшиеся волосы. — Воды принести?

Кира отрицательно качнула головой.

— Лучше напоите меня горячим чаем...

39

Кухня была большая и светлая со множеством встроенных разноцветных лампочек на потолке, радужный блеск которых скрашивал их молчаливое сосредоточенное чаепитие.

Чувствуя себя совершенно разбитой, Кира грела руки о чашку, мечтая оказаться в

кровати под тёплым одеялом, и недоумевала по поводу своего позднего визита к Дмитрию Викторовичу Юшкину.

Зачем она потащилась к нему среди ночи? Ах, да!

— Дмитрий Викторович, — Кира достала из кармана пиджака фотографии и положила их на стол. — Объясните мне, пожалуйста, вот это!

С фотографий на мужчину смотрели две очень похожие друг на друга улыбающиеся женщины: одна совсем юная в топике и шортиках, подставляющая загорелое лицо горячему летнему ветру, другая в расцвете лет в строгом костюме с размахивающим флажком и воздушными шариками ребёнком на руках.

Тяжело поднявшись со стула, Дмитрий Викторович накапал в рюмку валокордин и протянул рюмку Кире. Она безропотно выпила, понимая, что спорить сейчас с ним бесполезно.

— Если вы в состоянии выслушать меня, то, хотелось бы, покончить с недосказанностью, между нами, раз и навсегда, — Кира, соглашаясь, кивнула головой, долила в чашку из чайника горячей воды и снова обхватила её руками. — Когда Паша вернулся, он долго не мог поверить в ваше замужество, но уязвлённая гордость плохой советчик! Месяц — это очень долгий срок для выяснения отношений. Начались занятия в институте, потом дипломная практика, защита... Разборки и примирение отошли на второй план. Лизонька всё это время пыталась выгодно женить сына, но он, казалось, разочаровался в любви и не собирался создавать семью. Паша окончил институт, стал следователем, перешёл в ФСБ — работа отнимала всё его свободное время, и о женитьбе речи уже не заходило. Лет через шесть после вашего расставания Лиза не выдержала, устроила грандиозный скандал и в порыве гнева бросила в лицо сына записку и обручальное кольцо, предназначенное для вас. Вот тогда-то, узнав правду, Паша разыскал вас, но у вас было уже две дочери... Разрушать чужую семью он не стал и попытался вычеркнуть вас их своей жизни. Но видно Судьба была против такого решения: по невероятному стечению обстоятельств ваша старшая дочь и Пашина мать очень похожи друг на друга.

— Хочу вас сразу заверить, — спокойно начала Кира, отставив чашку в сторону, — что родства между ними быть не может! Совпадение, шутка Судьбы — выбирайте, что угодно, но не более того! Если вы намекаете на то, что Виктория может быть дочерью Павла, то даю вам стопроцентную гарантию невозможности сего факта.

— Опять ошибаетесь, Кира Дмитриевна.

— Вы лучше меня знаете, была ли я беременна, когда выходила замуж? И не делайте из меня стервозного, расчетливого монстра: навязать другому мужчине чужого ребёнка! — я на такое не способна.

Дмитрий Викторович вышел из кухни.

Оставшись одна, Кира вспомнила своего мужа, первый месяц супружества, не дававшего ей забыть о своей близости с Шубиным...

— Хоть и не целкой взял, но хоть с «красными флагами» — чужого ребенка мне на шею повесить не удастся! — наваливаясь на нее и буквально принуждая к исполнению «супружеских обязанностей», бубнил муж, не собираясь предохраняться и затевать «любовные ласки».

Он брал ее по-хозяйски, жестко, когда ему хочется, не слушая возражений и преодолевая слабое сопротивление, распаяясь от ее несогласия и удовлетворяя свои какие-то комплексы по поводу нее. Она пыталась поговорить, объяснить, что ей больно заниматься

с ним сексом, но он только зло улыбался и язвительно интересовался:

— А с первым, значит, было приятно?! Вот, если бы я был первым, то я бы тебя всю облизал, как конфетку, а так, что ты хочешь... Вышла замуж — терпи!

И она терпела, понимая за что терпит эту боль и его «издевательства» — он мечтал стать ее первым мужчиной, а она его обманула... И ее тоже обманули... ей разбили сердце и теперь ей все равно... Погасло солнышко в ее душе...

Она перестала сопротивляться, просто лежала, терпела и ждала, когда его «издевательства» кончатся и, чтобы отключиться от бесконечной боли внутри себя, вспоминала другого, любимого мужчину, без которого она не могла дышать, которого любила всем сердцем и которому безгранично доверяла, которому она отдалась с любовью и который взял ее с любовью, как бесценный дар в подтверждение их любви... Вспоминала их смущение и страстные поцелуи, его неумелые ласки и свою скованность, его вспыхнувшее страстное желание близости и боязнь сделать ей больно в первый раз, вспомнила свою улыбку и решительное «да», и свой стон от боли и наслаждения, когда он стал ее первым мужчиной...

Как только она поняла, что беременна, просто ушла спать в гостиную, и мужу ничего не оставалось делать, как принять ее выбор, но после рождения дочери, он попытался наладить сексуальные отношения: перестал быть «скотиной» и попытался разбудить в ней желание близости с ним, но ей было все равно — как мужчина для нее он умер: ей были противны его ласки, подташнивало от его запаха, и она не верила его обещаниям «счастья»... Тогда он попытался вернуться к старому, но неожиданно для него получил жесткий отпор: она дала ему пощечину и пригрозила, что обратиться в полицию и расскажет всем знакомым и на его работе, что он насильник. Муж отступил, понимая, что она сделает то, что обещала, и что его власть над ней кончилась, но цели своей он добился — она снова оказалась беременной и отсрочка от армии, службу в которой он так боялся, почти была в кармане. После рождения второй дочери она захотела развестись, но муж, боясь потерять отсрочку от службы в армии, на коленях умолял ее не разводиться, согласившись на видимость брака без «супружеских отношений»... Ей было все равно — штамп в паспорте для нее ничего не значил — любимого мужчины рядом с ней не было: он не пришел, не объяснил, не позвал с собой... И ради детей и спокойствия родителей она согласилась не разводиться...

Дмитрий Викторович вернулся на кухню, неся в руках большую шкатулку. Он бережно поставил её на стол и достал из неё какие-то бумаги.

— Прочтите и убедитесь сами.

Читать Кире очень не хотелось, но отступать было поздно — теперь она должна узнать всю правду!

По мере прочтения щёки её запылали.

— Что всё это значит? — закричала она, вскакивая со стула. — Откуда у вас копия моей медицинской карты, и кто дал вам право делать экспертизу ДНК без моего ведома и согласия?

Ничуть не смущаясь, Дмитрий Викторович собрал разлетевшиеся по столу бумаги и спрятал их обратно в шкатулку.

— Вопросы эти ко мне не относятся. Экспертизу проводил Паша, он же достал копию вашей медкарты. Объяснения врачей, давших заключение, вполне компетентно: у некоторых женщин созревают сразу несколько яйцеклеток, в зависимости от того скольким оплодотворённым яйцеклеткам удаётся прикрепиться к стенкам матки, рождаются один, два

или три ребёнка, остальные же созревшие яйцеклетки выходят, имитируя обычный менструальный цикл. Установить точную дату зачатия в таком случае очень сложно. Вы были беременны и, если бы подождали один месяц, то поняли бы это — Павлу не пришлось бы делать копии карты, всеми правдами и неправдами добывать волосы Виктории, обращаться к специалистам... Экспертиза ДНК полностью подтвердила отцовство Павла. Отсюда и поразительное сходство: ведь Лизонька бабушка Виктории.

Вторая половина открывшейся правды окончательно добила Киру. Всю жизнь она считала себя честной и порядочной женщиной, а на деле...

Она рухнула на стул, закрыла лицо руками и застонала:

— Господи! Что же мне теперь делать?

Но её боль не тронула Дмитрия Викторовича Юшкина — серые глаза мужчины победоносно сверкали. Его персональная война почти выиграна, осталось только набросить верёвку на шею раненному противнику, затянуть её потуже и получить награду: свою единственную внучку в долгосрочное пользование без вмешательства побеждённой стороны.

— Расскажите всем правду, и всё встанет на свои места.

— Легко вам рассуждать, — взгляд Киры наполнился отчаянием, — а каково будет услышать эту правду моей семье?

— Если муж вас любит, — горько усмехнулся Дмитрий Викторович, — то поверит в ваш невольный обман и простит, а когда узнает, сколько денег получит Виктория от настоящего отца и от меня, даже обрадуется, что это не его дочь.

— Зачем вы так, Дмитрий Викторович? Почему вы все мерите деньгами?

— Да, бросьте, вы! Идеалистка! — пожилой мужчина стукнул кулаком по столу — чашки испуганно звякнули. — От денег в наше время никто не отказывается.

Бровь Киры надменно дёрнулась, губы сжались в тонкую линию, выступившие на глаза слёзы моментально высохли.

— Уж не хотите ли вы сказать, что полученное мной наследство своеобразная плата за признание отцовства Шубина?

На этот вопрос Дмитрий Викторович прямо отвечать по остерегся. В начале их знакомства именно это подразумевалось само собой, но, постепенно узнавая характер «наследницы по кривой», он стал сомневаться в своей уверенности и опасаться непредсказуемой реакции этой женщины, если правда всё-таки выплывет наружу.

— У меня на руках все документы, подтверждающие это родство! И для суда ваше желание или нежелание признавать отцовство Павла мало что значит!

Почувствовав явную угрозу в его словах, Кира напряглась. Мысли её заработали быстро и чётко, оценивая степень опасности. Медленно поднявшись, она упёрлась кулаками в стол и подалась вперёд.

— Хорошо... Допустим суд признает отцовство Павла. Что дальше? Виктория получит наследство Шубиных и станет очень богатой девушкой; у моего мужа появится реальный повод для праведного гнева на меня и реальный шанс осуществить свои заветные мечты за счёт появившихся у Виктории средств; мои родители будут в шоке от открывшейся правды — для них я всегда была честным и порядочным человеком — они разочаруются во мне, но поскольку любят, простят; а я после перетряхивания перед всеми моего грязного белья надолго спрячусь на даче и, наконец-то, займусь интересным делом: в покупку конюшни я вложила оставленные лично мне деньги Павла — «на шпильки и булавки» так сказать — возвращать их вам я не собираюсь. А вы? На что рассчитываете вы, Дмитрий Викторович?

Хотите отнять у меня дочь? Не выйдет! Уж не думаете ли вы, что после суда я сама представлю вас, как её родного деда и преподнесу Викторию вам на блюдечке с голубой каёмочкой? И не надейтесь, дорогой мой родственник — вам придётся очень долго доказывать ваше родство с Викторией, а я буду всячески мешать этому! Вам самому придётся объяснить ей, почему её настоящий отец и родные бабушка с дедушкой столько лет отказывались общаться с ней. К тому же, по закону для Виктории и Павла вы совершенно чужой человек. Его настоящий отец — Павел Николаевич Шубин умер! Я не такой знаток Семейного Кодекса — куда мне до вас! — но вряд ли в нём найдётся статья, обязывающая родную мать разрешать общение дочери с совершенно чужим человеком.

Фактически она объявляла ему войну!

Война, которую Дмитрий Викторович Юшкин так долго готовил, стояла перед ним в образе женщины, решительно сверкающей карими глазами и замирающей от надвигающихся неотвратимых последствий. Минуту назад он думал, что выиграл решающее сражение, загнав в угол противника, и ожидал полной капитуляции, но оказалось, что он просчитался — противник оскалился, вывернулся и вцепился в его горло. Он прямо физически ощущал острые клыки, впившиеся в шею, и тяжесть навалившегося на грудь врага.

Дмитрий Викторович достал из кармана валидол и сунул таблетку под язык.

Внутри у Киры что-то дрогнуло от увиденной слабости противника, но она постаралась заглушить в себе жалость: перед ней был опытный, расчётливый, циничный враг, и доверчивость и сострадание были не позволительны в её ситуации.

«...у его папашки сердечко пошаливает...»

Не к месту вспомнились слова одного из похитителей, но подумать о совпадении Кира не успела, только отметила, что и у Бориса Николаевича Шубина, и у Дмитрия Викторовича Юшкина «сердечко пошаливает».

— Кира Дмитриевна, — тихо произнёс «враг», когда боль немного отпустила, — никто не собирается отнимать у вас дочь.

Во время передышки устроенной болью, он вдруг ясно понял, что долгую затяжную войну за внучку ему не выиграть. Это должен был быть блицкриг быстрый, напористый, но противник оказался умнее, чем он предполагал, и предпочел не ввязываться в решающий бой, а отступить, измотать его силы, выжидая и нападавая из засады. А это означало судебный процесс, и не один!

«— Если бы её не было, я смог бы выкупить опеку у нынешнего отца Виктории, заставив его отказаться от неродной дочери».

Но мать внучки была, и приходилось с этим считаться.

«— Надо было раньше предложить ей миллион отступного за Викторию, а теперь она вряд ли согласится устроиться от воспитания девочки и передать мне все права на этого ребёнка... Хотя, может и раньше бы не согласилась...»

— Чего же вы хотите? — не меняя позы, холодно спросила Кира.

Для Дмитрия Викторовича это был шанс избежать своей полной капитуляции и приступить к мирным переговорам. Конечно, ему придётся кое-чем пожертвовать, но кое-что и он получит без борьбы.

— Я хочу видиться с внучкой, участвовать в её жизни, помогать советами и деньгами.

Кира вздохнула с облегчением — отбирать дочь у неё никто не собирался.

— Столько времени она вам была не нужна, а теперь вы вспомнили о ней.

Упрёк был справедлив, и Дмитрий Викторович опустил глаза. Не мог он рассказать о

том, что десять лет назад и слышать не хотел о возможных переменах в своей жизни, всячески отговаривая сына от решительных действий.

— Повинную голову меч не сечёт...

От мысли, что эта женщина не примет его протянутую руку, и он снова останется один в этой жизни и уже ничто не сможет скрасить его одиночества, дать ему смысл и силы жить дальше, боль снова сжала его в своих объятьях.

— Если в вашем сердце всё ещё живёт обида и жажда мести, то я могу вас уверить, что все виновники ваших страданий давно наказаны. После смерти Лизы и Паши я одинок на этом свете и буду доживать свой век с сознанием своей вины перед ними и вами с Викторией. Лиза десять лет жила в ссоре с сыном, пытаясь узнать у него о внучке, и сердце её не выдержало такого страдания... Однажды Паша положил перед ней фотографию Виктории и сказал: «- Ты лишила меня семьи, я же лишаю тебя только внучки». С этого момента началась для неё расплата за содеянное — не было дня, чтобы Лизонька не говорила мне об этом. Она так мечтала увидеть внучку...

Почувствовав себя несчастным и покинутым, Дмитрий Викторович закрыл лицо руками и склонил седую голову. Жгучие слёзы потекли сквозь пальцы, закапали на стол...

— Не выбрасывайте меня из своей жизни, — прошептал он, сдаваясь на милость победителя.

Сострадание растопило лёд враждебности, сердце Киры дрогнуло, и она увидела перед собой не коварного противника, а несчастного человека, потерявшего единственного сына, одинокого, забытого всеми старика, сознающего своё одиночество и страдающего от своей ненужности до слёз, до крика, до смерти...

Она обошла стол и положила руки на плечи плачущего мужчины. Он вздрогнул, почувствовав её прикосновение, и замер под её ладонями.

— Вы не поступите со мной, как Лиза, отодвинувшая меня за круг своей семьи?

Серые покрасневшие от слёз глаза пожилого мужчины смотрели с насторожённым ожиданием.

Не зная на что решиться, Кира молчала.

Вот она — правда! Но нужно ли её открывать всем?!

Стоит ли рисковать счастьем многих близких людей ради одного, в общем-то, чужого ей человека?

На одну чашу весов была положена спокойная жизнь её семьи, на другую — боль и страдания одинокого человека.

Но боль его была так безысходна, страдания так ощутимы, что Кира не смогла его оттолкнуть.

— Знаете, что, Дмитрий Викторович, — удивляясь самой себе, предложила она, — поедемте, ка сегодня на вокзал провожать девочек и моих родителей на Чёрное море — там я вас и познакомлю с Викой. Только правду рассказать всем я пока не готова — вернутся девочки из отпуска и тогда посмотрим...

— Сегодня? — Дмитрий Викторович предпочёл бы тщательную подготовку, продуманные вопросы и ответы, здесь же предлагалась совершенно спонтанная поездка к незнакомым людям, в семью, в которой жила его внучка. Мечта увидеть Викторину оказалась столь реальной, что он, неожиданно для себя, струсил. — Может, в следующий раз...

— Когда он ещё будет этот «следующий раз»? — Кира беззаботно махнула рукой. — Кстати, если вы думаете, что мы «тихо, мирно», как говорит Алиса, приедем на Киевский

вокзал прямо к поезду, то вы очень ошибаетесь. Нам предстоит закупка продуктов и долгая дорога на дачу.

Ей очень быстро удалось убедить его.

«Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад...»

40

Насупившись, Кира сидела за рулём «Ягуара» и терпеливо ждала, пока Дмитрий Викторович разместит в багажнике пакеты с продуктами.

Она сердилась на него, на хихикающих продавщиц круглосуточного супермаркета, на толстую краснощёкую кассиршу, сочувственно вздыхающую ей вслед, но в большей степени сердилась на себя, устроившую настоящее представление в пять часов утра в пустом зале «Седьмого континента».

И чего она вмешалась? Пусть бы покупал, что хотел... Так нет!

— Зачем вы берёте индейку? — шипела Кира, вырывая из рук «нового родственника» огромную птичью тушку. — Нам некогда её готовить — поезд в двенадцать часов. Я куплю несколько кур гриль на вокзале.

— Вот ещё! — в полный голос возмущался Дмитрий Викторович, ни сколько не стесняясь устремлённых на них любопытных глаз. — Жареных кур в антисанитарных условиях! Ничего хуже вы придумать не могли? Нельзя так беспечно подходить к питанию детей!

— Девочки люююют таких кур, — тянула Кира к себе скользкую индейку в целлофановой упаковке.

— Безумие запихивать в детские желудки холестериную отраву! — Дмитрию Викторовичу удалось отвоевать индейку, и он на минуту почувствовал себя победителем.

— Три коробки конфет?! — не сдавалась Кира, выхватывая из тележки ненужные продукты. — Орехи? Миндаль, арахис, фундук, фисташки... Десять пакетов? Куда столько?

— Пусть грызут в дороге. Это куда полезнее ваших зажаренных кур!

— Они же не белки, в конце концов! Две коробки с печеньем! Опять торт! Им за неделю всего этого не съесть!

Пакеты и коробки летели на стеллажи и тут же возвращались в тележку.

— Я лучше знаю, что нужно купить моим детям в дорогу!

— Вот и набирайте продукты в свою отдельную тележку!

Фыркнув, Кира помчалась к выходу за тележкой и вихрем понеслась по залу, выхватывая со стеллажей нужные, по её мнению, продукты.

Оплачивая свои покупки, она заставила себя не оборачиваться на суету молоденьких помощниц вокруг доверху набитой тележки «родственника», не прислушиваться к их разговору и смеху, не содрогаться от бесконечного пиканья кассового аппарата у неё за спиной, но выдерживать характер ей удавалось с большим трудом.

Это была уже вторая «ссора» за сегодняшнее утро — их первой «родственной» размолвке способствовал вид её новой машины. Увидев её у подъезда, Дмитрий Викторович замер, подозрительно глядя на Киру, и, усаживаясь на переднее сиденье новенького «Ягуара», высказал всё, что думал о её бережливости и способности к коммерции.

Кира должна была промолчать, но она не привыкла, что её отчитывали, как провинившуюся девочку, истратившую на шоколадку последние деньги, предназначенные на хлеб.

— Эту машину мне подарили на день рождения! Вячеслав Львович подарил! — едва

сдерживаясь от резкого ответа, проинформировала она, перестраиваясь в другой ряд. — Я же говорила вам, что теперь моя машина вполне «соответствует вашей королевской чести» и не нужно ради поездки на дачу в такую рань беспокоить Арсена и свою охрану.

Дмитрий Викторович осторожно скосил глаза на боковое зеркало и увидел чёрный «Форд» своей охранной службы. Он привык поступать по-своему: вызвал бригаду сопровождения и оставил для начальника службы безопасности срочное сообщение.

Шурша шинами, новенький «Ягуар» нёсся в скоростном ряду по пустынному Ленинградскому шоссе, плавно покачивая всё ещё сердившихся друг на друга людей. Ему нравилась скорость и летняя прохлада, пустынное утреннее шоссе и ласковая хозяйка, тут же давшая ему звучное имя Леопольд.

«— «По ниточке, по ниточке ходить я не желаю! Отныне я, отныне я, отныне я живая!» — про себя напевала Кира, не забывая при этом делать обиженное лицо — пусть «новый родственник» знает, что она не станет терпеть его высокомерные нападки».

Ровно в семь перламутровый красавец Леопольд замер у калитки дачного участка. Но выходить из машины Дмитрий Викторович не спешил.

— Паша кое-что купил Виктории... — нарушив неловкое молчание, он вынул из внутреннего кармана летнего пиджака бархатную коробочку в виде розочки. — Мне бы хотелось подарить это Виктории.

Глядя на его напряженно застывшее лицо, Кира кивнула.

— Дарите, но помните, что для всех вы пока наш дальний родственник из Новосибирска и должны одинаково относиться к обеим девочкам.

Из открытого окна мансарды высунулась светлая взлохмаченная головка. Сонные, голубые глаза с изумлением уставились на незнакомую иномарку у калитки, по-хозяйски повернувшуюся к воротам.

— Ну что ж, Дмитрий Викторович, добро пожаловать в нашу семью — сами напросились, — вздыхая, сказала Кира, выходя из машины. — За что боролись...

— Ура! — закричала младшая дочь на весь дом, увидев выходящую из иномарки мать. — Тошка, просыпайся! Мамулечка-красотулечка приехала!

Через секунду Алиса уже бежала по дорожке в пижаме, но, увидев рядом с матерью незнакомого мужчину, взвизгнула и понеслась обратно. В дверях её встретил разбуженный, лохматый, рыжий пёс и постарался схватить за край шортиков, удивляясь, что так рано начались игры: до завтрака Ларион предпочитал спать.

— Отстать! — прикрикнула на него Алиса и юркнула в сонную тишину дома.

— Это Алиса, — повернулась Кира к побледневшему мужчине. — Не бойтесь, всё будет хорошо.

Открыв ворота и загнав машину на участок, Кира оставила Дмитрия Викторовича выгружать пакеты на стол в беседке, а сама пошла в дом, предупредить родных о свалившемся на их головы дальнем-предальнем родственнике.

Завтрак прошёл замечательно!

Кира вдохновенно врила о своей развалившейся «восьмёрке», о любезности Дмитрия Викторовича — отца мужа двоюродной племянницы тёти Клары из Новосибирска, приехавшего на несколько дней в Москву и согласившегося подвезти её на дачу, чтобы познакомиться со всей семьёй и выполнить просьбу тёти Клары: сфотографировать девочек на память.

«Девочки», искоса поглядывая на новенький сверкающий «Ягуар», в тайне завидуя

обладателю такой шикарной иномарки, уплетали за обе щёки огромные куски йогуртового торта, всё же купленного Дмитрием Викторовичем в супермаркете.

Родители вежливо слушали, поддакивали и нервно посматривали на часы.

А Дмитрий Викторович, мало вникая в происходящее вокруг, во все глаза смотрел на Викторию: перед ним сидела юная, живая копия его возлюбленной Лизоньки.

Всю дорогу до Москвы Дмитрий Викторович сидел рядом с Викторией и вёл довольно скучную светскую беседу. Она вежливо слушала и односложно отвечала на вопросы, завидуя сестре, первой усевшейся на переднее сиденье новенькой иномарки.

Наблюдая за ними в зеркало заднего вида, Кира в пол-уха слушала весёлую болтовню Алисы о её грандиозных планах покорения города Ильичёвска и о панорамных морских съёмках. Беседа у родственников на заднем сиденье явно не клеилась.

— Дмитрий Викторович, вы хотели что-то подарить Вике, — решила Кира прийти на помощь «дальнему родственнику» — в отличие от неё, подарки девочки обожали и приходили в восторг даже от милых пустячков.

— Ах, да, — спохватился пожилой мужчина и благодарно взглянул на Киру — он понятия не имел, как надо общаться с детьми. Достал из кармана бархатную коробочку и протянул Виктории. — Первого мая тебе исполнилось четырнадцать.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Вика, не открывая подарок. — Вообще-то, я родилась около полуночи тридцатого апреля, но врачи написали первого мая. Праздник всё-таки.

— А я и не знал...

— Вы ещё многого не знаете — в каждой семье свои тайны, — философски заметила Кира. — Рождаться в праздник всегда лучше: легче запомнить и двойной повод встретиться с друзьями.

— Ну, открывай же подарок, — поторопила сестру Алиса, с интересом заглядывая через спинку переднего сиденья.

Виктория осторожно открыла коробочку и вытянула за цепочку кулон в форме сердца из белого золота.

— Ух, ты! — восхитилась Алиса и тут же начала перебираться на заднее сиденье.

— Алиса! — попыталась остановить её Кира. — Сиди спокойно.

Но дочь, будто не слышала.

— Дай посмотреть, — попросила она у сестры подарок, усаживаясь между Викторией и «их общим родственником».

Девочки склонились над кулоном, читая витиеватую гравировку.

— «ВПШ», — прочитали они вслух и, ожидая объяснений, вопросительно посмотрели на Дмитрия Викторовича.

— Фигня какая-то! — фыркнула Алиса и захлопала голубыми глазищами. — Это что-то на подоби: «Желаю счастья в личной жизни. Пух»?

— А как это расшифровать? — вежливо поинтересовалась Виктория.

— Что? — переспросила Кира, машина резко вильнула в сторону.

Нарушая все принятые правила на дороге «Ягуар» начал съезжать на обочину, изрядно напугав при этом ехавшую в другом ряду «Ниву». Соседская «Волга», в которой разместились Кирины родители, чемоданы, пёс Ларион и морской свин Пончик — на время отпуска животные оставались на попечении Киры, заметалась на шоссе, перестраиваясь из ряда в ряд, и задом по обочине подъехала к ним.

Дмитрий Андреевич и сосед по даче озабоченно вышли из машины.

— У вас всё в порядке? — поинтересовались они, заглядывая в закрытые окна иномарки.

Кира опустила передние стекла и постаралась улыбнуться.

— Всё хорошо. Вы езжайте, через минуту мы вас догоним.

Когда «Волга» отъехала, Кира, нахмурившись, повернулась к пожилому мужчине.

— Это долгая история... — начал он выкручиваться, виновато поглядывая на Киру. — Когда-нибудь вы приедете ко мне в гости, и я обязательно вам её расскажу: медальон принадлежал моей родственнице Виктории Павловне Шубиной. Она завещала передать его родственнице, носящей имя Виктория и поскольку мы теперь родственники, то он по праву принадлежит тебе.

— Значит он старинный? — сделала вывод Виктория, открывая медальон.

— Ну, почему же старинный...

— Да здесь фотографии! — воскликнула Алиса, поднося раскрывшиеся половинки сердечка к глазам. — Только вы совсем молодой... А откуда у вас Тошкина фотография?

Отвернувшись, Кира схватила рукой за сердце.

— Балда, ты Лиска, — рассудительная Виктория отобрала медальон и надела себе на шею. — Сама же в прошлом году посылала тёте Клаве кучу наших фотографий. Дмитрий Викторович вставил одну из них в одну половинку медальона и свою фотографию в другую половинку, чтобы я не забыла от кого этот подарок. Так Дмитрий Викторович?

«Дальний родственник» обрадовано закивал головой, а Кира вздохнула с облегчением и передумала падать в обморок.

«— «Ну, чьё тут выдержит терпенье?» — подумала она словами героини одной из пьес Лопе де Вега, и включила зажигание.

«Ягуар» обрадовано заурчал, выбрался на трассу и очень скоро догнал «Волгу» соседа по дачи.

— У меня и для тебя есть подарок, — вспомнив предупреждение «родственницы», вытащил из кармана ключи Дмитрий Викторович и, отстёгивая замысловатый брелок, повернулся к Алисе. — Посвисти.

— Что? — не поняла притихшая девочка, вертя в руках необычный брелок.

— Просто посвисти.

Девочки засвистели на два голоса.

На брелке вдруг замигала красная лампочка и заиграла музыка.

— Класс! — восхитилась Алиса, бросаясь на шею новому родственнику — сдерживать эмоции она не привыкла.

— Мне бы тоже хотелось иметь такой необычный брелочек, — сказала Виктория, заглядывая в умильное лицо пожилого «родственника». — А где его можно купить?

Дмитрий Викторович вновь растерялся. Что делать? Он мог подарить внучке сто, тысячу таких брелков, но сейчас второго такого же брелка у него не было.

— Сдаюсь! — Дмитрий Викторович шутливо поднял руки вверх. — Обещаю отныне дарить вам одинаковые подарки. Завтра же куплю брелочек и вышлю тебе по почте... а возможно скоро привезу сам — через неделю по делам я буду в Одессе и постараюсь навестить вас в...

— Ильичёвске! — хором подсказали «внучки».

— Спасибо! — искренне поблагодарила Виктория и улыбнулась. — Мы будем рады.

Там так хорошо! Море совсем рядом.

— А пока, вот вам, — «родственник» достал портмоне и «отстегнул» «внучкам» по сто долларов и, поймав взгляд Киры в зеркале, примирительно добавил: — «На шпильки и булавки».

— Ура! — весело закричали девочки и, по очереди поцеловав в щёку разомлевшего от нежности мужчину, наперебой стали вспоминать прошлую поездку к морю.

Кира же осуждающе покачала головой, но на этот раз промолчала.

«— Выкрутился, — разочарованно подумала она. — В следующий раз так легко не отделаетесь».

Из машины Дмитрий Викторович и девочки вышли лучшими друзьями.

41

Проводив глазами удаляющийся поезд, Дмитрий Викторович повернулся к Кире. На лице его блуждала мягкая улыбка, холодная безжизненная сталь в глазах сменилась мечтательной голубизной.

— Она у нас прелесть! Умная, серьёзная, не падкая на дорогие подарки...

То, что Виктория «не падкая на дорогие подарки» для их дальнейших отношений не вполне подходило, но, как умный человек, Дмитрий Викторович прекрасно понимал, что искреннюю любовь за деньги купить невозможно. Он хотел, чтобы эта девочка, вернее юная девушка, видела в нём родного, близкого человека, а не денежный мешок с прорехой, из которой можно горстями черпать золотые монеты.

— Через недельку я поеду в Одессу по делам...

— Неожиданно возникшим, — иронично подсказала Кира.

Шутливо нахмутив брови, Дмитрий Викторович погрозил ей пальцем и предложил:

— Может, присоединитесь ко мне, Кира Дмитриевна? О билетах не беспокойтесь.

— Вы всё время забываете, что...

Она и сама последнее время забывала, что у неё есть муж (пока) и что, по их договоренности, надо соблюдать приличия. Зависеть она теперь ни от кого не хотела, а это еще больше усложняло и так не простые отношения с мужем. С появлением наследства, а вернее, той огромной суммы наличных денег, последнее перестало её тяготить — долгая финансовая зависимость от мужа постепенно переросла в стойкую обиду и сознание собственной никчемности. А между тем Анатолий, не обсуждая с ней, купил себе новенькую иномарку — раздолбанная «восьмёрка» за ненадобностью, конечно же, досталась ей, приоделся, объясняя это спецификой работы: «по одежке встречают!», привык ездить в командировки, ни сколько, не заботясь, о соблюдении приличий. Дальше терпеть такое отношение к себе Кира больше не собиралась. Она сделала выбор — семья, развод и работа с конюшней — и не откажется ни от одного, ни от другого, ни от третьего, чтобы не повлекло за собой это решение.

Ей очень хотелось ответить «да» на предложение Дмитрия Викторовича, но было столько «если», что они перевешивали её желание. И Кира, как всегда, лишь неопределённо пожала плечами — там будет видно.

Всё ещё пребывая под впечатление знакомства с внучкой, Дмитрий Викторович положил на плечо Киры холёную руку и заглянул ей в глаза.

— От всего сердца благодарен вам за признание, дорогая моя дальняя родственница. Надо бы нам обсудить с вами планы на будущее... Кое о чём я уже позаботился: во время учёбы в юридическом институте я возьму Викторию на свою фирму — пусть набирается

опыта, а после окончания института...

Кира сделала рукой протестующий жест.

— Во время учёбы в Ветеринарной Академии имени Скрябина Вика будет работать у меня на конюшне.

— Она собирается учиться в Ветеринарной Академии? — Не легко было Дмитрию Викторовичу вот так сразу отказаться от мечты в преимущество поколений. — Да-а, — задумчиво протянул он. — Это многое меняет — она же наследница!

— Наследница?! Теперь ясно, почему Павел назначил вас приглядывать за его наследством — вот к кому перейдёт его охранное агентство.

Дмитрий Викторович кивнул седой головой

— И не только оно — Вика наследница всего моего состояния. А это, поверьте, большой капитал и большая ответственность. Она станет очень богатой невестой. Только боюсь, что выбранный мной для неё жених не одобрит эту вашу Ветеринарную Академию.

— Вы ей уже и жениха присмотрели?

— А как же — сын одного из моих компаньонов умный и порядочный молодой человек. В прошлом году он окончил Гарвард и сейчас изучает бизнес отца. Состояние его исчисляется тремястами миллионами долларов.

— Завидный жених, — равнодушно похвалила Кира. — А я считала, что лучший жених у нас в России Павел Буре.

— Я говорю не о публичных людях, — усмехнулся Дмитрий Викторович, удивляясь наивности «родственницы», — а об истинно богатых предпринимателях, не фигурирующих в списках и рейтингах.

— Понятно. Только моя девочка им не пара.

Спорить Дмитрий Викторович не стал — время покажет кто кому пара — он то, как раз, думал наоборот, что выбранный им жених может вспылать к Виктории не любовью, а расчётливой жадностью, но сватать внучку за непроверенного человека было куда опаснее.

— Вы сделали мне такой подарок! Взамен просите всё что угодно!

Кира подняла голову и устало улыбнулась.

— Поедимте домой, Дмитрий Викторович, спать очень хочется...

Пожилой мужчина рассмеялся, прижал Киру к груди и поцеловал в волосы.

Не было ничего предосудительного в этой открытости выражения его родственных чувств, но Кире, почему-то, захотелось отстраниться.

С самого приезда на вокзал она чувствовала на себе чей-то пристальный взгляд, постоянно смотрела по сторонам и задавала себе один и тот же вопрос: «Где же Анатолий?». Да, они поссорились, но это не повод, чтобы не приехать провожать дочерей. С одной стороны Киру волновало отсутствие мужа, а с другой стороны она была рада, что все вопросы и объяснения с Анатолием откладываются до «другого раза».

— Кстати, что будем делать с индейкой? — с преувеличенной озабоченностью спросил Дмитрий Викторович, сдерживая свои широкие шаги и принаравливаясь к женской походке. — Ирина Андреевна наотрез отказалась брать её в дорогу.

— Зажарим! — беспечно махнула рукой Кира, последний раз осматривая вокзальный перрон. — Не пропадать же добру...

Длинношёрстный «морской свин» Пончик суетливо бегал по клетке, желая спрятаться от громкого собачьего лая, резкого кожаного запаха и едкого сигаретного дыма,

приникающего в машину с улицы, но другого укрытия кроме капустного листа и веточки укропа найти ему никак не удавалось. И тогда Пончик смирился с непреодолимыми обстоятельствами и просто закрыл глаза — стало темно и не так страшно.

Привстав на заднем сиденье, пёс лаял на посторонних мужчин, подошедших слишком близко к его собственности. Ларни фон Виндек, по-домашнему Ларион или просто Ларик, чётко знал границы своей территории и самозабвенно охранял свою собственность — родовитые передки, знаете ли, обязывают: ведь у него в родословной указаны не только родители и деды, но и прадеды, и прапрадеды — все сплошь немецкие «фоны» и английские «сэры». Правда, после хозяйского «свои», Ларион с удовольствием принимал гостей на своей территории, угощающих его всякими вкусностями, и даже позволял себя гладить, картинно отворачивая длинную морду с белой проточиной и подставляя широкий белоснежный загривок, но команды от посторонних и игрушки в чужих руках игнорировал с достоинством своих английских предков.

Разговаривая вполголоса, двое мужчин курили рядом со сверкающим новизной и перламутром «Ягуаром», придиричиво рассматривая и обсуждая дорогую машину. Сигаретная пачка, выпавшая из рук крепкого молодца, закатилась под иномарку, и ему пришлось повозиться, чтобы достать её оттуда.

Незаметно для окружающих в его руке оказалась крошечный железный «кругляшок», который он ловко прикрепил к днищу машины — «кругляшок» магнитно чмокнул, намертво срастаясь с железом.

— Теперь она от нас никуда не денется, — заботливо отряхивая испачкавшуюся пылью брючину, сказал молодой человек своему напарнику. — Можно расслабиться.

— Да, при таком интенсивном движении приходится плотно держать объект наблюдения, а с маячком совсем другое дело — на экране машину видно, как на ладони.

— Дело сделано, пошли отсюда, а то собачий лай охранников стоянки привлечёт — объясняй им потом, что мы не угонщики машин.

Покуривая сигареты, молодые крепкие парни подошли к чёрному «Форду» и распахнули двери машины, ожидая появления «объекта наблюдения».

Летнее жаркое солнце стояло прямо над головами опытных ребят из службы безопасности фирмы Юшкина, и садиться в душную машину им не хотелось — когда ещё им выпадет такая возможность постоять на солнышке и позагорать, наслаждаясь вынужденным перерывом.

43

То, что крепкие парни остановились именно у той машины, за которой наблюдал Виталий Холин, поначалу не показалось ему странным — ну, постояли мужики, покурили, по рассматривали прикольную, переливающуюся перламутром иномарку, подняли с асфальта уроненную сигаретную пачку, но чем больше он наблюдал за ними, тем тревожнее становилось у него на душе: «ментов» и охранников он узнавал издали, в каком бы облики они не находились. Эти молодые крепкие парни с серьёзными озабоченными лицами были именно охранники: накаченные ловкие ребята, наслаждающиеся небольшой передышкой, но не забывающие при этом внимательно смотреть по сторонам.

Один шанс из тысячи после сделанного им вывода, Виталий отдал невероятной случайности — ну, чем чёрт не шутит (и даже криво улыбнулся своей предусмотрительности), что ждут они одних и тех же людей, хотя поверить в это совпадение, учитывая количество автомобилей на стоянке у Киевского вокзала, было очень

трудно.

44

Высокий мужчина средних лет в тёмных очках с русыми редёющими на макушке волосами, вышедший из дверей вокзала, быстро подошёл к автомобильной стоянке, отыскал в длинном ряду припаркованных машин молочно-белый «Ягуар» с розово-перламутровым переливом и, достав мобильный телефон, быстро заговорил в трубку:

— Белый «Ягуар» с тремя семёрками на номере, буквы «трк», девяносто девять. Проверь, кому он принадлежит и когда поставлен на учёт.

Мужчина нажал отбой и быстро пошёл к темно-зелёной «десятке», припаркованной в конце другого ряда машин.

45

— Ещё один любитель иномарок, — презрительно скривил красивые губы наблюдатель в серебристой «Тойоте», провожая прищуренными карими глазами мужчину с мобильным телефоном. — И что они все к этому «Ягуару» прицепились? Что, других машин, что ли нет на стоянке?

Но и его глаза, словно магнитом, притягивала роскошная иномарка, хотя смотреть он должен был совершенно в другую сторону.

46

— Это, что за фрукт? — насторожился молодой парень у чёрного «Форда», заметив остановившегося у «Ягуара» мужчину — похоже, перерыв у них в работе закончился. — Пойду, гляну на номер его машины — в отчёте укажем, что этот тип крутился возле машины «объекта», а потом разберёмся что к чему.

Охранник из бригады сопровождения прошёл мимо тёмно-зелёной «десятки» даже не повернув голову в её сторону, однако, номер машины он хорошо запомнил. Они пробьют этот номер по компьютеру и быстро узнают, кто так интересуется их «охраняемым объектом».

47

Передвижения охранника из «Форда» не остались незамеченными, и Виталий Холин, наблюдавший за новеньким перламутровым «Ягуаром», присвистнул: процент «невероятной случайности» ожидания одних и тех же людей резко возрос — похоже, и этим ребятам тоже нужна эта же машина — только вставал вопрос кого из двоих они «пасут»: Дмитрия Викторовича Юшкина или его женщину.

Когда в воротах вокзала показались разговаривающие друг с другом Юшкин и Кира Чичерина, которых он давно ждал, из толпы пассажиров и провожающих Виталий тут же выделил крепкого высокого парня, идущего немного сзади мужчины и подающего знаки накаченным ребятам из чёрного «Форда». Холин повернул голову и посмотрел в сторону охраны — охранники быстро сели в машину и закрыли двери иномарки.

Конечно, их действия ещё ничего не значили — охранники могли кого-то провожать на поезд и уехать до того, как «его люди» сядут в машину, но ситуация Виталию всё больше и больше не нравилась. Он привык всё замечать, и эта привычка не раз выручала его в сложных ситуациях.

«— Трое парней в чёрном «Форде», — отметил он про себя и повернул ключ в замке зажигания».

Сегодня ему очень везло: охранник из сталинской высотки, согласившийся поставлять ему информацию о Дмитрие Викторовиче Юшкине, узнав о поздней гостье жильца, не

смотря на неурочный час, сразу же позвонил ему, описал машину, на которой приехала «дама» и даже попытался подслушать через дверь разговор интересующих его людей. Холин быстро собрался и приехал к высотке, и как оказалось не зря — в гости к Юшкину приехала именно та женщина, информацию о которой он собирал.

Правда, следил за женщиной не он лично, но уже несколько дней Виталию не поступали сведения о ней, и он начал волноваться. Пришлось самому «включаться в работу»: он сам с утра в субботу поехал к дому Шубина и, случайно наткнувшись на машину Юшкина, увидел, как интересующая его женщина садится в иномарку, и долго ехал за ней, пока не узнал, куда она направляется.

Чем ему придется теперь заниматься!

И куда подевались те козлы, которым он поручил следить за ней?

48

Одновременно с белым перламутровым «Ягуаром» тронулись с места ещё три машины: тёмно-зелёная «десятка», серебристая «Тойота-Камри» и чёрный «Форд» службы охраны фирмы Юшкина.

Все четыре машины долго ехали по Москве и остановились у старого трёхэтажного дома на Мясницкой улице, но припарковались по-разному: одна открыто, три другие поодаль, не теряя, однако, из вида ни «Ягуар», ни подъезд дома, в который вошла женщина с пластмассовой клеткой для перевозки животных и представительный седой мужчина с набитыми продуктами полиэтиленовыми пакетами в обеих руках.

49

Когда железная дверь квартиры Шубина закрылась за Дмитрием Викторовичем и приехавшим за ним телохранителем, Кира намного постояла в прихожей и побрела в спальню.

— Теперь спать! — решила она и, задёргивая шторы, мельком взглянула в раскрытое окно.

«Ягуар» понуро стоял в тени высоких тополей.

— Ларик! — вспомнила Кира об оставленной в машине собаке и, схватив ключи, выбежала из квартиры.

Поставив машину на стоянку, она с собакой вернулась в квартиру и, наконец-то, легла спать. Легла прямо на шёлковое расшитое цветами покрывало, положив под голову маленькую подушечку.

Ларион долго ходил по комнатам, принюхиваясь к незнакомым запахам и осваивая новую собственность. В квартире ему не понравилось: слишком резко пахла натёртая полиролью мебель, слишком скользкими для его лап были паркетные полы (по таким полам не побегаешь за мячиком), слишком ворсистые и жаркие ковры (на таких не поспишь душной ночью), но больше всего его беспокоило присутствие в квартире ухающего и вздыхающего лохматого существа. Почувствовав его присутствие, Ларион оскалился, белая шерсть на загривке вздыбилась, но существо посмотрело на собаку чёрными бездонными глазами, и умный пёс сразу понял, что это и есть хозяин квартиры. Понял и присмирел — он был хорошо воспитан и знал, что гостям не принято лаять на хозяина.

Ларион покрутился на пороге спальни, лёг на пол и, вздохнув, положил длинную узкую морду на лапы, зорко следя за спящей хозяйкой и сидящим на кровати существом — всё-таки он сторожевой пёс и должен охранять — ну, если не свою собственность, то хотя бы спящую хозяйку.

День клонился к вечеру. Жара спала.

Проснувшись, Кира первым делом посмотрела на свой новый мобильник — по дороге на Мясницкую она всё же купила другой телефон. — Муж не звонил — как видно, он не желал объяснять своё отсутствие на вокзале.

— Вот так всегда, — пожаловалась она осторожно подошедшей к ней собаке и положила телефон на прикроватную тумбочку. — Почему я должна звонить и интересоваться, почему он не приехал? А вот не буду и всё!

Спешить ей теперь было некуда, и она, покормив Лариона и Пончика остатками пиршества, устроилась на диване в гостиной у телевизора. На экране бушевали шпионские страсти: заговоры, выстрелы, погони, в квартире же было тихо и покойно — ощущать себя в полной безопасности было приятно.

Что ей ещё может угрожать? Похитители обезврежены, на улице её охраняют, а дома Ларион...

Нетерпеливый звонок в дверь прервал её раздумья.

Подойдя к двери и посмотрев в глазок, Кира удивилась незваному гостю, постаралась унять радостно застучавшее сердце и дверь открыла.

— Здравствуйте, Кира Дмитриевна, — не глядя в глаза хозяйке, гость довольно бесцеремонно протиснулся в квартиру между хозяйкой и дверным косяком и, увидев здорового пса с оскаленной мордой, попятился. — Простите за неожиданный визит, но дело у меня к вам очень важное.

Кире ничего не оставалось делать, как смириться с грустными воспоминаниями, нахлынувшими на неё с приходом Валентина Зайцева. Хотя... кто знает, чем может закончиться этот вечер...

— Свои, — строго предупредила она собаку и пригласила гостя в гостиную.

Расположившись в кресле, Валентин положил барсетку на инкрустированный столик рядом с телефоном и, не дожидаясь пока хозяйка займёт кресло напротив (почему-то он здорово волновался рядом с этой женщиной с медовыми глазами), начал объяснения своему неожиданному визиту:

— Дело в том, Кира Дмитриевна, что после смерти Пал Палыча Шубина выяснилось что некоторые служебные документы он хранил дома в своём личном сейфе, и поскольку эти документы нужны нам для работы, то мне бы очень хотелось, с вашего разрешения, конечно, забрать их оттуда.

Стоя напротив гостя и пытаясь поймать его взгляд, Кира неожиданно поняла, что Валентин избегает на нее смотреть: в пол, в стену, сквозь нее, но не в глаза, а без его ответного страстного взгляда, лишавшего ее воли и толкавшего на безумные поступки, подчиняясь вспыхнувшей страсти, ей быстро удалось взять свою «безумную страсть» за горло, слегка придушить и, погрозив кулаком, заставить подчиняться. Нет, конечно, глядя на такого сногшибательного мужчину ей по-прежнему было волнительно рядом с ним, хотелось увидеть без одежды, страстно поцеловать с язычком... и все! Об остальном она просто не позволяла себе думать — вот какая она великолепная укротительница своих чувств!

— Да, конечно, — смиряясь с «неглядением на нее» гостя, согласилась Кира и сделала несколько шагов в сторону спальни — ведь Валентин всё ещё был героем — «странствующим рыцарем» в окровавленных доспехах, освободившим их всех из «лап кровожадного разбойника», но неожиданно остановилась (ей даже удалось заставить

замолчать свое благодарное сердце) и задумалась: в сущности, она ничего не знала об этом человеке — он просто ей нравился, очень нравился — до замирания сердца и дрожи в коленях, но доверять ему, отдавать какие-то документы из сейфа Шубина было неосмотрительно и глупо. — Может, пригласим Дмитрия Викторовича, и с его помощью вы разберётесь в хранящихся в сейфе документах?

Начавший было подниматься с кресла Валентин замер на полпути в очень неудобной позе.

— Документы мне нужны очень срочно, — подумав несколько секунд, он опустил себя обратно в кресло и взял в руки барсетку. — Скажу честно, Кира Дмитриевна: в сейфе хранятся не только документы, но и кое-какие денежные средства.

— Вот даже как?!

— Понимаю и отчасти разделяю ваши сомнения, но близится срок платежей, а разбирательство с Дмитрием Викторовичем займёт несколько недель, — Кира развела руки в стороны, не соглашаясь на уговоры — «дружба дружбой, а денежки врозь». Желваки заходили на скулах загорелого мужчины — он то думал, что с ней будет проще договориться, и ему пришлось пустить в ход козырную карту, припрятанную в рукаве. — Ваше недоверие объяснимо, Кира Дмитриевна, но за день до смерти Пал Палыч сам поручил мне забрать содержимое его личного сейфа и перевести в офис агентства.

Кира вопросительно дернула бровью.

— Прикажете поверить вам на слово?

Валентин достал телефон и нашёл нужную запись.

Послышался шум голосов и неожиданно в комнате возник голос умершего человека. Пробиваясь сквозь время и пространство, голос мужчины потерял много сил, стал бесцветным и натужным, но не узнать его было невозможно.

— Всё со-одержимое бо-ольшого сейфа из моей ква-ртиры, — с придыханием говорил Павел Шубин, чуть растягивая гласные и делая паузы между словами, — не-еобходимо переезжать в офис. Ва-алентин, займись этим.

Короткая запись закончилась, но ни Кира, ни Валентин не нарушили напряжённую мистическую тишину, возникшую в комнате.

Если целью Валентина было поразить женское воображение, то это ему удалось в полной мере: сердце Киры замерло, по телу пробежала волна озноба, мысли заполошно заметались в голове. Ей стоило сейчас успокоиться и хорошенько подумать, прежде чем повиноваться чужой воле и совершать опрометчивые поступки, но в данный момент всё казалось Кире простым и ясным: распоряжение Павла с того света было определённым и чётким, и возражать против его желания она не могла, не имела морального права.

— Раз Паша этого хотел... — стряхивая оцепенение, произнесла Кира, — но о каком большом сейфе он говорит? Я знаю только о маленьком сейфе в спальне.

Валентин встал, подошёл к огромному резному гардеробу, занимавшему полстены, открыл дверцы, сдвинул висящие на вешалках вещи и шагнул внутрь. После лёгкого нажима задняя стенка шкафа плавно отъехала в сторону, открывая проход в узкое тёмное пространство.

— Идите сюда, — пригласил он, и Кира вновь усомнилась в своих хозяйских правах — сколько ещё сюрпризов таит в себе эта квартира?!

Никто бы и не подумал, что стена за гардеробом и высоким длинным комодом оказалась ложной, так сказать, бутафорской и скрывает за собой длинную потайную

комнату.

Зайдя в шкаф, Кира с опаской заглянула в «чулан», но войти в него не решилась: какие чувства могут вспыхнуть у нее рядом с этим накаченным бруталом — это он ей нравится, а не она ему...

Он на нее не смотрел!

Между тем Валентин зажёл лампу на гнущейся ножке и, обернувшись к Кире, похлопал рукой по высокому стальному сейфу.

— Вот он, наш железный монстр. Теперь ваша очередь, Кира Дмитриевна, открыть сейф в спальне и отдать мне ключ от этого сейфа.

Кира согласно кивнула головой и попятилась — шагнуть в темноту к мужчине, к которому ее безудержно влекло, она не решилась.

Но испытания ее сдержанности и рассудительности еще не закончились.

В сумраке задёрнутых штор они стояли в спальне у зеркала очень близко друг к другу. Так близко, что Кира уже начала чувствовать себя безвольной, почти покоренной, пленницей, попавшей под обаяние его силы и мужественности.

Валентин тоже нервничал. Он заглядывал через женское плечо, пытаясь увидеть и запомнить шифр маленького сейфа.

— Раз Паша этого хотел... — тихо повторяла Кира, медленно поворачивая чёрную круглую ручку в нужную сторону до нужного деления.

Мистический голос умершего так подействовал на её воображение, что нервы едва выдерживали такое напряжение, «виновник» которого стоял сейчас рядом, почти касаясь ее плеча, ей стоило лишь сделать шаг назад и позволить себе забыться в его объятиях, хоть ненадолго, хоть на один короткий миг, за который она была бы ему благодарна всю оставшуюся жизнь!

Рука её безвольно замерла на чёрной пластмассе...

Она слышала шумное дыхание за спиной, чувствовала жар возбуждённого мужского тела, видела в зеркале пожирающие её синие глаза Валентина и движение его больших, сильных рук к её плечам. Щёки Киры вспыхнули, кровь побежала быстрее по жилам...

Но исполниться этим безумствам было не суждено!

Существовало что-то, невидимой стеной отгораживающее их друг от друга, и через это «что-то» здоровый, крепкий мужчина перешагнуть не решился.

В зеркале Кира видела, с каким трудом Валентину удалось справиться со своим внезапным порывом, глаза его потускнели, руки, потянувшиеся к её плечам, безвольно опустились.

Тоска и одиночество снова навалились на ее плечи, придавили, обожгли ледяным холодом...

Нет, она больше не выдержит этого одиночества!

Повернувшись, Кира посмотрела в синие темнеющие страстью глаза мужчины, и бросилась к нему на шею...

Валентин вздрогнул, отступил, но она не отпустила его, крепко обнимая и целуя в губы... И он, подчиняясь ее желанию, обнял ее, погладил по спине шершавой пятерней, и от этого простого поглаживания она тихо застонала в его объятиях, затрепетала от одного только прикосновения к своему телу. Он подхватил ее, уложил на кровать, навалился сверху, начал целовать шею, плечи, грудь... страсть накрыла их с головой мощной волной... Одежда полетела на пол, и, забыв от нетерпения про ласки, он взял ее штурмом, без ласк и

подготовки, рыча от наслаждений, забывая обо всех запретах, не слыша ее стонов от боли и удовольствия и не чувствуя своей боли от впившихся в его плечи ногтей... Полностью отдавшись в его власть, она сжималась, затрудняя его движения и заставляя любовника терять голову от новых ощущений, чувственно стонала и жарко шептала ненасытное «Еще...», поощряя его несдерживаемую силу... Его ритмичные движения убыстрялись, стали короткими и резкими, и она с восторгом ждала приближения пика их наслаждений... Сотрясаемые волнами общего оргазма, они вместе «улетали», крепко сжимая друг друга в объятиях, и улыбались...

Она выпустила его из своего плена и закрыла глаза от растерянности...

Что она натворила?!

«— Пусть! Пуст! Пусть! — решила Кира, с наслаждением "прислушиваясь" к своему телу — сладостная истома наполняла его изнутри. — Это было волшебно и чувственно... И пусть я пожалею о том что сделала, но ни на секунду не пожалею о том, что испытала с этим умопомрачительным мужчиной!..»

Валентин поднялся на локте и заглянул в ее лицо, не зная, как себя вести дальше.

— Это было великолепно!.. прекрасно и не забываемо... — улыбаясь, прошептала она и, вздохнув, но уже с сожалением, и попыталась встать с кровати, но он ее не отпустил, взял за руку и потянул к себе — он был полон сил и желания и не захотел так просто, после одного раза заканчивать столь неожиданно бурный секс.

«— А по виду и не скажешь, что внутри огонь... — улыбнулся он своим мыслям и потянул ее к себе сильнее»

И Кира подчинилась, но только потому, что не смогла сразу оторваться от этого восхитительного, мужского тела, подарившего ей столь сладостное наслаждение... Она легла рядом с таким сильным и «грозным» на вид, но таким нерешительным мужчиной, ставшим, по ее желанию, ее любовником, и благодаря его за полученное удовольствие и извиняясь за все остальное (можно сказать — она набросилась на него и соблазнила), ласково погладила его по щеке, нежно поцеловала в губы, отстраняясь от его ответного поцелуя; положила голову ему на плечо, и с нежной страстью стала гладить его по плечам, по груди, по напряженным кубикам пресса, пробуждая в его теле страстную нежность и наполняя его тело сладостной, расслабляющей истомой; рука ее скользнула ниже, на живот, легла на расслабленный "источник удовольствия", пальчиками нежно погладила, поласкала, слегка пожимала, но почувствовав посыпашееся в нем желание близости, прекратила ласки, и встала с кровати...

Вырываясь из плена расслабляющей истомы, Валентин рванулся, схватил Киру за руку, потянул к себе, пытаясь обнять "беглянку", уложить рядом и вернуть своему телу, страстную нежность ее рук, покорившую его сердце и разбудившую в его теле столь чувственный отклик — никогда и никто не благодарил его так нежно и страстно за доставленное удовольствие, но на этот раз она не поддалась, уперлась рукой ему в грудь.

— Сейчас приду... — пообещала она, собрала с пола свою одежду и вышла из спальни.

Валентин перевалился на спину и мечтательно уставился в потолок.

«— Ничего себе приключение! Не ждал-не гадал, а тут, трах-бах — бурная страсть! Улетно! Но мало... Силенки еще на пару раз хватит! Не женщина, а огонь! И сама нежность... Такими ласками и нежными поцелуями меня еще никто не благодарил за секс! Неожиданно и приятно-возбуждающе... Губки нежные, ручки ласковые — враз поставят и продолжим...»

Кира вошла в спальню одетая, подошла к окну и резко раздернула шторы.

Валентин поднял голову и удивленно на нее уставился — что происходит? где продолжение?

Стоя у окна, Кира беззастенчиво смотрела на лежащего на кровати обнаженного мужчину и, любуясь его накаченным телом, улыбалась.

— Великолепное зрелище... Незабываемый, фееричный секс... Спасибо вам, и за то, и за другое... — вы сразу исполнили два моих желания: увидеть вас голым и заняться с вами сексом... Спасибо... и простите... за мою несдержанность, — Кира печально вздохнула и уже серьезным тоном продолжила: — Займемся делами, Валентин Александрович. На чем мы с вами остановились?

Она повернулась к сейфу и, задумалась, вспоминая код.

Не ожидая такого резкого перехода от сексуального вождения к деловой активности, Валентин вскочил с кровати и начал быстро одеваться.

«— Облом! Причем жесткий! — разочарованно качнул он головой, натягивая джинсы, и лихорадочно думая, как теперь ему себя с ней вести — в его планы входило ее обаять и подчинить... она вроде обаялась — «бурно, страстно и нежно» (у него до сих пор внутри все бурлит от страсти и млеет от ее нежных ласк), а вот подчинить... подчиняться она, вроде, не собирается...»

Он оделся и встал у нее за спиной.

— Пятьдесят по часовой стрелки, пятьдесят пять против часовой стрелки...

Ларион весело залаял в прихожей, и Кира, услышав настойчивый звонок в дверь, резко обернулась, рука ее замерла на черной ручке сейфа.

— Не повезло... — усмехнулась она, многозначительно глядя в синие глаза своего «неожиданного любовника», — вам... в отличии от меня.

И не понятно было, о чём она сожалеет и чему радуется, но Валентин не стал этого уточнять.

50

— Одну минуточку, — крикнула Кира через дверь и, отстраняясь от глазка, испуганно зашептала подошедшему к ней Валентину. — Полиция! Прячьтесь!

— Зачем? — искренне удивился тот. — Разве запрещено приходить в гости?

Но Кира его не слушала — у неё было своё собственное понятие о нахождении «любовника» в доме замужней женщины, и даже если всё было невинно и благопристойно — лучше бы этого мужчины в её доме не было.

Она развернула «постороннего мужчину» за плечи, и, подталкивая в широкую спину, погнала в гостиную.

— Скорее, — торопила Кира, чувствуя под ладонями сопротивление каменных мышц, и сердце ее невольно вздрагивало и сладостно замирало от каждого прикосновения к его телу. — Вдруг полицейский пришёл по жалобе жильцов. Вы, кажется, недавно стреляли в этой квартире?

Она допихала Валентина до гардероба, решительно распахнула высокие дверцы и выразительно ткнула пальцем в сторону «тайного убежища», и высокому, плечистому мужчине пришлось снова подчиниться женской воле.

Захлопнув за «неожиданным любовником» двери гардероба, Кира помчалась встречать нового незваного гостя.

— Меня зовут Рогов Игорь Владимирович. Я ваш участковый, — представился

полицейский, опасно косясь на просунутую в щель оскаленную собачью морду. — Это кто, колли?

— Колли, — подтвердила Кира и поудобнее взялась за ошейник. — Чем обязана?

Участковый поправил фуражку и вздохнул. Он обошёл ещё не всех жильцов дома, но уже выслушал столько нелицеприятного о себе и всей полиции в целом, что в пору было писать рапорт об увольнении.

«— И чем они все недовольны? — раздражённо подумал он обо всех жителях «поднадзорного» подъезда. — Всё жалуются и жалуются! С такими показателями премию за этот год вряд ли получишь!»

— У меня к вам несколько вопросов, — заученно начал участковый и снова вздохнул. — Мы разыскиваем свидетелей аварии у вашего дома. Вы случайно не видели?

— Нет, — не задумываясь, ответила Кира и для убедительности покачала головой.

Участковый достал из кармана блокнот, пошуршал листочками и прочитал:

— Кира Дмитриевна Чичерина. Правильно?

— Да.

— А документики ваши можно проверить? — очень любезно попросил капитан — он всегда был любезен с дамами, всех возрастов и всех национальностей.

Кира кивнула. От волнения горло у неё моментально пересохло.

Она распахнула железную дверь квартиры, но участковый медлил.

— Собачка не укусит?

— Место! — шёпотом приказала Кира Лариону и жестом пригласила участкового в квартиру.

Подчинившись хозяйки, пёс послушно отошёл в сторону и улёгся под китайской соломкой с изображением цветущего миндального дерева, хотя ему очень нравилось скалить острые, белые зубы и громко лаять, изображая грозного сторожа.

С интересом осматриваясь, участковый вошёл в прихожую, снял фуражку и пристроил её на банкетку у двери.

— Может, чай или кофе, — любезно предложила Кира, выжидательно глядя на представителя правоохранительных органов.

— Не откажусь от чашечки чая.

Игорь Владимирович Рогов любил чаёвничать у жильцов своего огромного участка, если, конечно, приглашали, то никогда не отказывался — налаживались доверительные отношения с людьми, да и домой на обед возвращаться не надо было.

Тихо зашумел электрический чайник на кухоньке, позвякивала посуда, аппетитно «чмокал» холодильник, открывались и закрывались ящики столов. На большом овальном столе появились плетёные салфетки, вазочка с конфетами, блюдо с холодной индейкой, тарелочка с ветчиной, сыром и ломтиками белого хлеба. Хрустальное блюдо с фруктами и большая жестяная коробочка печенья водрузились в центре стола.

— Вот, — протянутый женщиной паспорт тут же разрушил иллюзию домашнего уюта и заботы, по которым одинокий полицейский так соскучился.

Он даже нахмурился, листая странички — так реальны были эти его возникшие иллюзии семейной жизни, создаваемые этой женщиной с лучистыми глазами и быстрыми ловкими движениями.

Кира разлила чай, поставила на салфетки чашки с блюдцами, подала серебряные ложечки и присела к столу. Холодные пальцы привычно обхватили чашку, вбирая тепло

через тонкие фарфоровые стенки.

— Так как же насчёт аварии? — возвращая паспорт, напомнил участковый. — Не видели?

— Не видела.

— А соседи утверждают, что видели вас на месте аварии и будто бы вы первая подбежали к сбитой женщине.

— Они ошиблись, — «не купилась» Кира на явную провокацию полицейского — она прекрасно помнила, что ни на шаг не отходила от стены дома. Однако, ей очень хотелось узнать: помог ли её телефонный звонок в поимке «преступника», но она боялась выдать себя неосторожным словом, и всё же любопытство взяло верх над осторожностью. — А... того, кто сбил эту женщину, нашли? Или, как у нас водится, всё ещё ищут?

Участковый поднёс чашку с чаем к носу и шумно понюхал поднимающийся чайный пар.

«— «Женский», — решил он для себя, уловив запах клубники и сливок, но чай оказался крепким и очень вкусным. — Почему она интересуется? Из любопытства, наверное. В сущности, все люди одинаковы: возмущаются и переживают, когда дело касается их самих, и радуются, и любопытствуют, когда беда обходит их стороной».

Не отвечая на вопрос, Рогов сделал себе многослойный бутерброд из белого хлеба, грудки индейки и сыра, не спеша, съел его, запивая сладким-пресладким чаем, и, придвинув поближе жестяную коробку, с печеньем.

— Да-а, — протянул участковый, засовывая в рот сдобное угощение. — Куда же он от нас денется?! Нашли голубчика. Недалеко от вашего дома и взяли.

Бровь Киры удивленно взметнулась вверх.

«— Так вот почему Шмель так и не приехал на помощь своему подельнику, — догадалась она и едва заметно улыбнулась, — его арестовали около дома Шубина!»

Ларион насторожился, предупреждающе гавкнул и потрусил к входной двери.

Сквозь толщу железа слышались визгливые голоса ссорившихся женщин — лестничная площадка вновь стала местом коммунальной баталии.

Звонок в дверь захлебнулся тревожной мелодией.

— Кира, открывай! — рассерженно закричала Татьяна Ивановна за дверью, подкрепляя своё требование постукиванием ногой в дверь.

Словно ужаленная, Кира вскочила со стула — нервы у нее окончательно сдали, к тому же, у неё было своё собственное мнение относительно постороннего мужчины в доме замужней женщины — и растерянно захлопала ресницами.

— Соседка! — испуганно прошептала она и, схватив за руку опешившего полицейского, потащила его в гостиную — куда ещё можно спрятать «постороннего мужчину» как ни в шкаф?

Но, добежав до шкафа, резко остановилась — место в гардеробе было уже занято «неожиданным любовником»!

Участковый по инерции ткнулся ей в спину и насмешливо спросил:

— Мы играем в прятки с вашей соседкой?

Его сарказм образумил Киру, она глубоко вздохнула, отпустила руку Рогова и пошла открывать входную дверь.

51

Когда Татьяна Ивановна ворвалась в квартиру, участковый уже сидел на кухне и мирно поедая второй многослойный бутерброд.

— Ага, и вы здесь! — набросилась на Рогова «старшая по подъезду». — Очень хорошо! Все идите, за мной — у нас в подъезде кража!

Объяснив причину визита, Татьяна Ивановна приняла излюбленную боевую стойку — «руки в боки» и, сотрясая воздух воинственными кличами, вновь ринулась на лестничную площадку.

Рогов стоически доел, таки бутерброд, сунул в карман пригоршню печенюшек и поднялся — ужинать, как видно, ему сегодня придётся не скоро. Он вышел в прихожую, взял с банкетки свою фуражку и поспешил из квартиры вслед за разбушевавшейся женщиной. Нет! Не променяет он свою ответственную любимую работу и холостяцкую свободу на тёплые ласковые руки, вкусные обеды и обязательный секс по выходным.

— Я сейчас! — в спину ему сказала Кира и, захлопнув входную железную дверь, устремилась в гостиную.

— Валентин! Выходите! — позвала она, распахивая дверцы гардероба.

Тихо щёлкнул магнит, и задняя стенка шкафа плавно отъехала в сторону.

— Ушел? Зачем он приходил?

— Скорее! — не отвечая на вопросы, поторопила Кира, выходящего из потайного «чулана» мужчину. — Вот вам ключ от двери чёрного хода. Приходите завтра, часов в десять, тогда всё и решим.

— Завтра в десять.

— Да, — подтвердила Кира и посмотрела в синие глаза гостя, и голос у нее сам собой стал ласковым и нежным, и она быстро отвела глаза. — Спасибо, что вы меня... то есть, нас всех спасли. Вы настоящий герой, Валентин... Благородный «странствующий рыцарь», примите мою искреннюю благодарность! А теперь, уходите.

Почти силой вытолкнув Валентина из квартиры, Кира захлопнула дверь черного хода и без сил привалилась к ней спиной: щеки у нее горели, коленки тряслись, тело сжималось в приятной истоме, и она застонала — когда же кончится вся эта беготня и нерводрёпка, и она подумает о себе любимой?! О себе и о том, что случилось у нее с Валентином...

Не зная зачем, она задвинула засов на двери (так, на всякий случай) и пошла на лестничную площадку узнать, что же всё-таки случилось

Оказалось, что обокрали Виолетту Точилину — услышав на какую сумму, Кира улыбнулась.

И была не права!

Василий Точилин — слесарь шестого разряда получал довольно приличные деньги, да плюс халтура. Конечно, он любил выпить, но уже много лет тайно откладывал деньги на машину — накопительство превратилось в настоящую страсть, но воспользоваться деньгами ему так и не пришлось.

— Сегодня утром Виолетта стала разбирать вещи мужа и наткнулась на деньги в обувной коробке, — толстые щёки Татьяны Ивановны горели возбуждённым румянцем, — а когда вернулась из магазина, всё под чистую украли!

Кира пожала плечами и, позвав Лариона, пошла на улицу — хочешь — не хочешь, а гулять с собакой обязательно надо!

Тем, кто заявляет, что иметь в доме собаку одно удовольствие — не верьте! Ну, если, конечно, вы мазохист и вам нравится просыпаться по будням на час раньше обычного срока, вскакивать по выходным ни свет, ни заря, вылезать из тёплой кровати и бежать на мороз или под дождь — если вам всё это нравится, то можете смело заводить себе

«четвероногого друга».

Думая о краже, Кира медленно шла по аллее.

Ларион неожиданно вынырнул из кустов и зарычал — Кира обернулась. По аллее, догоняя её, быстро шел невысокий мужчина — она видела его на лестничной площадке в толпе соседей.

— Мне нужна ваша помощь! — без предисловий начал мужчина, загораживая дорогу. — Я ваш сосед по лестничной площадке. Вы ведь родственница Дмитрия Викторовича?

Кира кивнула головой и жестом приказала Лариону гулять.

— Позвоните Дмитрию Викторовичу и попросите его срочно приехать! — продолжил мужчина.

— Зачем? — Кире была непонятна его настойчивость.

— Как зачем?! Меня арестуют, а я ни в чём не виноват! — трясущимися руками мужчина вытащил из пачки сигарету.

— Расскажите мне, что случилось, и я позвоню Дмитрию Викторовичу.

— Ладно, расскажу, только уж вы помогите! — мужчина, успокаиваясь, глубоко затянулся. — В пятницу, когда Васька упал с лестницы, он мне рассказал по деньгами. Не сказал, правда, сколько, но было и так понятно, что накопил он прилично: больше десяти тысяч долларов. Мы в тот вечер хорошо выпили, вот он и расхвастался.

— Кто-нибудь слышал ваш разговор?

— Да не помню я! Мы же здорово выпили... А про деньги я вспомнил, когда их украли.

— Скажите, это вы выбегали из подвала...

— Я Ваську не толкал! — испуганно закричал мужчина, и Ларион тут же подбежал защищать хозяйку. — Меня жена позвала, а он остался. Я через полчаса на площадку выглянул, ну и увидел... Оделся, спустился вниз, хотел «Скорую» вызвать, но испугался, что менты меня арестуют — мы же вдвоём с ним на лестнице пили. Теперь меня точно арестуют!

Но опасения мужчины оказались напрасными — кражу «менты» раскрыли по горячим следам: собака взяла след, спустилась по чёрной лестнице на второй этаж в четвёртую квартиру и стала лаять на дверь комнаты Анны Паниной. Женщина была арестована, деньги найдены, а потерпевшая получила повод для радости и громогласного осуждения.

Жильцы теперь толпились у подъезда, возбуждённо переговариваясь.

— Нашли, воровку! — известила Татьяна Ивановна Киру и соседа, как только те подошли к дому. — Сейчас выведут!

Полицейский патруль вывел бледную арестованную, и Кира вздрогнула, узнав в ней молодую женщину с девочкой в отделе игрушек.

— Слава Богу, нашлась воровка! — радостно зашептал сосед-собутыльник.

Но радости его Кира не разделяла.

— А как же Танюшка? — спросила она у подошедшего к ним участкового.

— Родителей Паниной мы уже известили — скоро приедут и заберут девочку, а пока она с соседями побудет.

— Игорь Владимирович, что ей грозит?

— Ну-у, многое зависит от адвоката: если родители денег не пожалеют...

— Откуда у них такие деньги?!

— Это уже не наша забота.

«— Как сказать, — подумала Кира и решила позвонить Дмитрию Викторовичу, чтобы

он посоветовал ей хорошего адвоката для защиты Анны».

Ах, как жаль было Кире своих денег! Ах, как жаль...

52 Понедельник

Телефонный звонок долго метался по пустым комнатам квартиры, отражаясь от стен и зеркальных полов. Поворачивая ключ в замке, Кира услышала звонок, рванула на себя тяжёлую дверь, вбежала, успела схватить трубку телефона и ответить в последнюю секунду.

— Слушаю!

— Что вы с ним сделали? — недовольно проворчал Дмитрий Викторович в трубочном нутре.

— С кем? — опешила Кира, с тоской глядя на грязные собачьи лапы — и почему собаки не носят ботинки, которые можно просто снять и отставить в сторону.

— С Арсеном, Кира, с Арсеном. Что вы с ним сделали? Человек еле ходит!

— Причём здесь я?!

Пожимая плечами, Кира стояла перед зеркальным шкафом в прихожей шубинской квартиры и вопросительно смотрела на своё отражение.

«Ты не знаешь?» — спрашивала она у женщины из Зазеркалья. «- Не имею понятия!» — флегматично пожимала та в ответ плечиками под шёлковой футболочкой.

Кира тряхнула русыми волосами и сосредоточилась на вопросе.

— А-а! Кажется, понимаю... В субботу Арсен хотел с кем-то приехать на конюшню и поездить на лошадях. Он что упал с лошади?

— Вот это я не выяснял, — обиженно хмыкнул Дмитрий Викторович и переложил трубку к другому уху. — Опять конюшня! Я попросил бы вас, Кира, впредь не выводить из строя моих сотрудников или, по крайней мере, информировать их о возможных последствиях таких странных и опасных увлечений.

Не признавая за собой никакой вины, Кира состроила кислую мину своему отражению, перешла из прихожей в кабинет-библиотеку, села в глубокое кресло и из мягкой успокаивающей велюровой тишины попросила:

— Не сердитесь, Дмитрий Викторович, лучше посоветуйте мне юриста, разбирающегося в недвижимости, и ещё независимого эксперта по оценке имущества.

— Это, конечно же, связано с покупкой всё той же пресловутой конюшни. Ну, что ж, придётся вам помочь. — Дмитрий Викторович немного помолчал и заговорил совершенно о другом. — Сегодня захоронение урны... Вы приедете проститься с Пашей?

Кира открыла рот и растерянно захлопала глазами.

И как это она сама не подумала об этом?! Ай да наследница! Получила имущество, а об умершем человеке даже не вспомнила! А ведь она когда-то любила Павла... Но события последних дней разворачивались слишком стремительно, и времени на грустные воспоминания у неё совсем не оставалось.

— Конечно, я приеду, — заверила Кира и постаралась сдержать печальный вздох.

— Впервые после смерти Паши вчера я весь день думал не о нём, — покаялся «родственник» и провёл рукой по лицу, словно стирая печальные воспоминания. — Простите, что не предупредил вас заранее о столь печальном событии... Приезжайте к часу на Николо-Архангельское кладбище.

Положив трубку, Кира поспешила в спальню, вытряхнула из пакетов все купленные за последние дни вещи, разложила их на кровати и, подперев щеку рукой, замерла рядом, с сомнением глядя на их цветастость и праздничность.

Нет! В этом на кладбище она идти не может!

53

Валентин пришёл ровно в назначенное время.

Он не спал всю ночь, ворочался с боку на бок, ожидая утра, гоня от себя недозволенные мысли о ее ненасытном теле, о ее возбуждающих столах и жарком шепоте «еще...». Нет одного раза с этой женщиной ему было не достаточно: он еще не знает запаха ее тела, вкуса ее губ, теперь ему хотелось не быстрого, бурного секса сравнимого со взрывом, а секса неспешного, долгого с получением бесконечных удовольствий, входя в нее снова и снова, и доставлять и ей бесконечные удовольствия от близости с ним...

Он еле дождался назначенного часа. Пришёл в десять часов, а дверь квартиры ему никто не открыл.

Ещё на что-то надеясь, Валентин нажимал и нажимал кнопку звонка, слушая разные мелодии, раздающиеся из-за двери, и медленно закипая внутри — опять облом! Его безупречный план относительно получения документов и денег из личного сейфа Шубина рушился прямо на глазах: сам «обаялся» наследницей, зациклился на сексе с ней и прочно увяз в слащаво-ласковой патоке, разливающейся по телу.

Валентин достал мобильный телефон и несколько минут слушал длинные одинокие гудки — к телефону в квартире Шубиных никто не подходил. Оставалась последняя возможность: попасть в чужую квартиру через чёрный ход...

Быстро спустившись по лестнице, Валентин обошёл дом и, достав ключи от чёрного хода — видит Бог, он не хотел так действовать, но его к этому вынуждают, открыл железную дверь подвала. По чёрной лестнице он поднялся на третий этаж, открыл простенький замок, но дверь чёрного хода не открылась. Он подёргал её, всё ещё не веря в свою неудачу, преследующую его последнее время — дверь чёрного хода была закрыта изнутри на крепкий стальной засов.

54

В магазин Кира всё-таки успела, но строгое чёрное платье оказалось чуть великовато, а времени ушивать его уже не было.

«— В конце концов, — решила она, прикрывая чёрным прозрачным шарфом голову и плечи, — похороны не показ мод и можно пойти и в этом».

И всю дорогу Кира маялась, сомневалась, вспоминая недавние похороны Ларискиной матери.

Чёрное траурное платье удивительно шло Ларисе. Так шло, что даже Кира, зная об их постоянных скандалах с матерью, поддалась скорбному очарованию её стройной фигуры со сжатыми на груди руками и поникшей головой в чёрной шляпке с вуалью.

Тонкие пальцы Ларисы, посвёркивая бриллиантами и изумрудами колец, нервно теребили кружевной белоснежный платочек, изредка прикладываемый к зелёным накрашенным глазам. Лёгкая золотистая прядь рассчитано точно падала на высокую аппетитную грудь скорбящей дочери, вызывая противоречивые чувства у собравшихся у могилы людей: женщины — к тщеславной гордости Ларисы — отводили глаза в сторону, стараясь сохранить на лицах постное выражение, подобающее моменту, а мужчины — где им понять столь тонкую женскую игру — спешили утешить, приобнять, прошептать в трогательное ушко слова соблезнований, вдыхая терпкий аромат французских духов и запретных желаний.

Всё служило фоном к разыгранному Ларисой спектаклю: и выстроенные в строгую

шеренгу пышнотелые венки, сгучающе шелестящие на ветру длинными с пафосными надписями лентами, и небольшой оркестр, исполняющий тихую печальную музыку, не заглушающую высокопарные речи прощающихся.

Все играли свои роли, не подозревая об этом: и сослуживцы Марины Сергеевны с их печальными вздохами, и её задушевные подруги со слезами на глазах и хиленькими гвоздичками в руках, и молодые охранники Ларисиной фирмы в чёрных костюмах, выступающие сегодня в несвойственной им роли распорядителей траурной церемонии, и могильщики — деревенского вида мужики в чёрных комбинезонах с явно выраженным желанием на туповатых лицах поживиться за счёт опечаленных родственников, и даже Кира — участница массовки и единственный зритель, сознающий неискренность происходящего...

Опасения Киры не оправдались — это были совсем другие похороны: строгие, мужские, с суровыми каменными лицами, со сжатыми кулаками и перекатывающимися на скулах желваками.

Идя к могиле Павла, Кира всё время отставала — мелкие камушки, как назло, лезли под высокие каблуки сабо, и приходилось внимательно смотреть себе под ноги.

Дмитрий Викторович часто оглядывался, выискивая её среди высоких, плечистых мужчин и нескольких женщин и, наконец, не выдержал: остановился, дождался, взял за руку, положил её ладонь на сгиб своего локтя и уже не отпускал от себя. Со вчерашнего дня у него появилась семья — СЕМЬЯ! — эта женщина была её частью, и он теперь отвечал за неё.

Сквозь тёмные очки Кира смотрела на стоящих за железной оградой людей и чувствовала исходящую от них скорбь.

Здесь собрались Пашины сослуживцы, друзья, жившие и работающие с ним бок о бок последние годы его жизни, хорошо понимающие всю опасность их работы, принимающие её, и всё равно исполняющие свой служебный долг — не так то просто каждый день ходить по краю жизни, подставлять свою грудь под пули, защищая совершенно чужого человека, но они это делали. Честь и хвала этим отважным людям! Смерть для них стала не роковым приговором, не громом среди ясного неба, а неотъемлемой частью их жизни. Она шла с ними рука об руку, заглядывала в глаза, серебрила раньше времени виски, учила проживать каждый день, как последний, ничего не откладывая на потом. И, тем не менее, она всегда была неожиданной, болезненно жгучей и не вовремя пришедшей. Что такое тридцать пять лет?! «В сорок жизнь только начинается!» А у Павла Шубина уже никогда не будет этого начала...

По сравнению с друзьями Павла Кире на кладбище было намного легче. Она не общалась с Павлом много лет, не видела его серых, внимательных глаз, не ощущала тепла его рук на своих плечах, не слышала ласковых слов — всё связанное с ним она давно вычеркнула из своей памяти. Для неё Шубин умер в тот самый день, когда она поняла, что он предал её, оставил одну умирать от разбитой любви. Да, всё оказалось совсем не так, как она думала раньше, но это уже не имело большого значения — всё равно ничего нельзя уже было исправить — смерть поставила жирную точку в их отношениях, не дав им даже крошечной возможности попытаться что-то исправить. Частичка былой любви, сохранившаяся вопреки всему в самом потаённом уголке её души под грудой обломков, слоем пепла и валунами обиды, продолжавшая жить столько лет без света и надежды на будущее, не угасла с осознанием физической смерти Павла, лишь болезненно вспыхнула, обожгла сердце и вернулась в привычные границы.

В неглубокую ямку опустили урну с прахом...

Рука Дмитрия Викторовича под ладонью Киры дрогнула, и она плотнее сжала холодные пальцы.

Прощавшиеся мужчины заходили за ограду, наклонялись и что-то бросали в землю рядом с урной.

Кира присмотрелась. Нет, это были не цветы...

Портсигар, зажигалка, тонкая шариковая ручка, маленький карманный фонарик, пачка «Мальборо»... Они клали рядом с урной свои какие-то вещи, чтобы поддержать его, напомнить о себе, сказать, что он не один в этой непроглядной безысходной пустоте!

Эта мужская забота, так тронула Киру, что слёзы сами собой закапали из глаз.

Когда настала её очередь прощаться, она достала из сумочки бархатную коробочку, надела на безымянный палец левой руки обручальное кольцо Павла с бриллиантовой дорожкой и бросила коробочку к его урне. Неожиданно её настоящее обручальное кольцо соскользнуло с пальца, упало в яму, звякнуло обо что-то, покатилося по положенным в землю предметам и пропало из глаз.

Открыв рот, Кира замерла над могилой...

Что делать? Устроить на глазах у всех поиски кольца — вынимать из могилы урну и искать своё обручальное кольцо?

Нет! Этого сделать она не могла!

Она верила в мистику — всё в жизни имеет своё объяснение — видимо, все эти годы Павла мучило её замужество и сейчас, лишая её обручального кольца, он, таким образом, успокаивал свою душу.

Пусть будет так, как случилось!

Завтра она купит себе точно такое же обручальное кольцо и муж никогда не узнает о случившемся, а может и не купит... ведь она решила разводиться — просто Павел напомнил ей о ее решении.

Сделав несколько шагов от могилы, Кира обернулась.

Дмитрий Викторович, как прощальный привет, клал сыну пачку фотографий.

Она знала, кто был на тех фотографиях...

55

Он не сразу заметил её отсутствие и успел о многом передумать, идя к машине по узкой кладбищенской дорожке, но, почувствовав образовавшуюся вокруг него пустоту, Дмитрий Викторович оглянулся.

Его рука ещё чувствовала пожатие её пальцев, пиджак хранил запах её духов, но самой Киры рядом с ним не было.

— Где Кира Дмитриевна? — резко спросил он у телохранителя и встревожено посмотрел по сторонам.

— Она... — Сергей не считал своим долгом следить за другим «объектом» и довольно равнодушно ответил: — Кира Дмитриевна пошла в другую сторону. По-моему, она хотела догнать Валентина Александровича.

Дмитрий Викторович нахмурился — пустота вокруг него стала болезненно ощутимой. Только-только он начал привыкать к радостным ощущениям в своей душе, потеснившим тупую боль от потери близкого человека, как чувство тревоги растолкало их по углам, заполнив собой освободившееся пространство.

«— Нет! Эту женщину невозможно контролировать! — обречённо подумал он,

нашупывая в кармане пластмассовую трубочку с валидоллом. — Охрана не сможет повлиять на неё, они будут ходить за ней следом, втягиваться в круговорот её проблем и поступков, но направлять её, контролировать они не в силах. Вот если бы посадить её под замок в каком-нибудь большом просторном доме, но где тот дом, из которого она не попытается вырваться... Есть ещё вариант — приковать её наручниками к собственной руке, тогда уж точно ни на минуту она не исчезнет из поля зрения. Но это так обременительно! Хотя это выход: заключить с ней брак, выстроить загородный дом с высоченным забором и поселить в нём Викторию и Киру с другой дочерью. Думаю, с её разводом проблем не будет — её мужу доходчиво объяснят ситуацию и предложат приличную компенсацию за сговорчивость. За время их развода я бы добился признания отцовства Павла и отказа теперешнего отца Викторией от неродной дочери, а после нашего заключения брака с Кирой, как законный муж, оформил бы над Викторией опеку, и она стала бы мне не только внучкой, но и законной дочерью. Да! Этот брак разом решил бы все мои проблемы».

Мечты! Мечты!

Дмитрий Викторович Юшкин всё просчитал, распланировал, но для того, чтобы его мечты осуществились, требовался совсем пустяк, мелкая незначительная деталь — согласие женщины, а его то как раз у него и не было!

— Узнай немедленно, где Кира Дмитриевна и кто её охраняет. И горе тому, кто упустил её из виду.

Сергей пожал мощными плечами и тихо заговорил в крошечный микрофончик, висящий на левом ухе.

— Ребята, кто ведёт Киру Дмитриевну — ответьте. Повторяю, кто ведёт Киру Дмитриевну — ответьте.

— Это Краснов Евгений — иду за ней в противоположную сторону от входа на кладбище.

— Ну, вот, — повернулся Сергей к своему недовольному «объекту охранения». — С ней всё в порядке — ребята её ведут.

56

Ускоряя и ускоряя шаги, Кира почти бежала за Валентином, пытаясь не выпускать из вида его тёмно-серую рубашку, мелькавшую среди деревьев и невысоких железных оград, с каждым шагом удаляющуюся всё дальше и дальше.

Ей надо поговорить с ним, извиниться — назначила встречу и улетела, еще раз повнимательнее послушать голос Павла Шубина и забрать ключи от «черного» выхода.

Конечно, он обиделся и ни разу не взглянул на нее во время всей церемонии.

Нет, первой она о случившемся между ними говорить не будет — в конце концов, он мужик и если ему хочется продолжения, пусть берет инициативу в свои руки... Вот ей захотелось, и она...

Кире приходилось отрывать взгляд от широкой, мужской спины и внимательно смотреть под ноги — мелкие камушки назойливо лезли под каблуки. Кричать в таком тихом, скорбном месте она не решалась, а поговорить с Валентином ей нужно было обязательно.

Она поправила ремешок сумки на плече и посмотрела по сторонам — Валентина нигде не было видно.

— Ничего! — успокаивала она себя, идя по дорожке, на которой последний раз видела Валентина. — Он обязательно придёт ко мне на квартиру, тогда и поговорим...

Деревья над головой успокаивающе шелестели листвой, негромко пели птицы среди

ветвей, городской шум почтительно отступил за стены кладбища, боясь нарушить покой усопших. Пахло сыростью, землёй, увядшими цветами и воском. Где-то там, за забором, полыхала июльская жара, в разгаре был суматошный «рабочий день», а здесь на островке скорби и печали мирские заботы уходили на второй план, уступая место мыслям о вечном и неизменных ценностях.

Время в таких местах становится призрачным...

Дорожка привела Киру к открытому настежь хлипенькому сараю. Она уже собиралась пройти мимо, как заметила сбоку дощатой стены покосившуюся лавочку. Усталость тут же навалилась на плечи, и Кира осторожно присела на краешек скамейки.

Сквозь зелёную листву солнце приятно грело лицо и грудь, ласковый ветерок нежно перебирал волнистые волосы, Кира поудобнее устроилась на шаткой лавочке, вытянула гудящие ноги и прикрыла глаза, наслаждаясь тишиной и покоем.

Но оказалось, что в этом дальнем укромном уголке кладбища она была не одна!

— Значит, мы в расчёте, — тихо спросил мужской голос за стеной сарая и незлобливо пригрозил: — Расскажешь кому — живьём закопаю! Могилок тут много.

Кира испуганно замерла.

Глупейшая ситуация — сквозь щелистые доски подслушивать чужие криминальные разговоры — и, тем не менее, Кира подслушивала (мужской голос показался ей ужасно знакомым), а ведь она считала себя порядочным человеком!

В сарае происходило что-то очень странное: поплёвывая на пальцы, кто-то шёпотом пересчитывал деньги.

— Конечно, в расчёте, — после того, как шептание прекратилось, подтвердил другой голос постарше. — Ежели ещё бесхозный покойничек понадобится — приходите: и по возрасту, и по комплекции, и по цвету подберём — все морги облазаем, а подберём.

— Шутник ты, папаша, — хохотнул первый голос. — Смотри, как бы ты за свои шутки языка не лишился!

— Свят, свят, свят! — закрестился «папаша», трижды поплевал через плечо и трижды постучал по дереву.

Голоса смолкли.

Визгливо проскрежетала, закрываясь, дверь сарая, и удаляющиеся шаги закрипели по гравию.

Слышать о такой необычной сделке Кире приходилось впервые, и она не удержалась, встала с лавочки и, осторожно выглянула из-за угла сарая.

Мужчины почти скрылись за деревьями и железными оградами. Кира увидела только светлую стриженую голову одного из них и чёрный рабочий комбинезон и бейсболку другого.

— Ничего себе, дожили, — осуждающе покачала она головой вслед «покупателю» и «продавцу», — уже и покойниками торгуют.

Она поправила ремешок сумки на плече, удивилась мелькнувшей перед глазами тени и в ту же секунду почувствовала, как кожаная петля сдавила шею...

57

Наконец-то, ему повезло: женщина была одна, вокруг ни души.

Он долго ждал этого момента — может, всю жизнь ждал, все долгие-долгие двадцать лет сознательной жизни, с того самого дня, когда узнал имя своего отца.

Он хорошо помнил тот день накануне своего первого Первого Сентября. Телефон в их

крохотной однокомнатной хрущёбе раскалился до бела от бесконечных мальчишеских разговоров о новых ранцах, о серой форме, о школьных списках, вывешенных в окне ещё закрытой на замок школы; от настоящих, почти взрослых, выросших вдруг до невероятных размеров, открытий; от горькой принижающей правды и болезненной зависти. Все его друзья пойдут в школу с родителями — с двумя родителями! — и только его поведёт за ручку одна мама. Обычно его как-то не особо заботило отсутствие в их доме мужчины (насмотрелся на пьяные скандалы и рубцы от ремня на спинах дружков), но в тот день он впервые почувствовал себя не таким как все, ущербным и обделённым. В неокрепшей трепетной мальчишеской душе что-то сдвинулось, перевернулось и затопившая все разумные объяснения обида на всех — в первую очередь на мать — заставила его забиться в угол в тёмной кладовке, закрыть уши руками, так крепко, что весёлые телефонные звонки разбивались вдребезги, словно стеклянные, касаясь этих обветренных исцарапанных рук. Злые жгучие слёзы текли по щекам, по искривлённым сжатым губам, капали с подбородка. Он изредка слизывал их, проклиная бросившего его отца, свою мать — молодую и красивую ещё женщину, что не уберегла, не сохранила его семью, его беззаботное детство и его недостаток. Тогда он дал себе слово, что обязательно отомстит своему отцу — вырастет и отомстит! — за все свои страдания, за унижения и лишения.

— Завтра тебя ждёт сюрприз! — ласково говорила мать, вытаскивая его из кладовки. — Всё будет так, как ты хотел: и машина, и огромный букет цветов, и папа...

Первого Сентября к их дому лихо подкатила чёрная блестящая «Волга», из машины вышел красивый мужчина в строгом костюме и белоснежной рубашке с галстуком — не чета помятым пьяненьким папашам дворовых дружков — с огромным букетом красных георгинов, при всём народе обнял его, поцеловал в щёку и, усадив на заднее сиденье огромной машины их с мамой, повёз к школе. Всю торжественную часть этот мужчина стоял рядом с ним, держа его за руку, как и положено отцу, внимательно слушал выступление директора и учителей школы, махал ему рукой...

Эти несколько часов он был счастлив!

Но было ли это Счастье? Искреннее, радостное... Может быть, его болезненное самолюбие и безмерная гордыня в эти несколько часов получили подтверждение его исключительности, значимости. Маленький красивый мальчик понял, что достоин большего и лучшего и виновником его полунищенского существования был его отец — красивый и богатый.

Ну, что ж! Придёт время, и он получит всё, что заслужил и выстрадал.

Слежка за этой женщиной вымотала его, разозлила, но он чувствовал, что все его неудобства и страдания (из-за этой особы в том числе) стоили того, что здесь произойдёт. И это очень символично, что произойдёт это именно здесь — кладбище самое место для покойников, и именно в этот день — такого потрясения больному сердцу его папаша точно не вынести. А уж объяснения поступку этой женщины пусть придумывают менты — как откроют дело, так и закроют. Он то знает, как трепетно относятся они к учёту раскрываемости преступлений: когда по пьяни, по глупости он с дружками попался на краже, то с испугу взял на себя несколько нераскрытых краж. Благодаря вновь объявившемуся папаше он отделался лёгким испугом и условным сроком, но несколько месяцев, проведённых в СИЗО, многому его научили. Он был красив, и это сыграл решающую роль в его отношениях с сокамерниками. Многие пускали слюни, глядя на его крепкую попку и нежную кожу, но именно из-за красоты его взял под своё крыло один

криминальный авторитет, пророча ему безбедное, приятное занятие на воле. После суда он уже знал, как можно получить лёгкие большие деньги. Ни одна женщина не могла устоять против его чар, и он пользовался этим. Сначала бездумно, хаотично, но с выходом на свободу криминального авторитета — своего крёстного отца серьёзно занялся своим телом и образованием, став успешным брачным аферистом,

Он верил в свой фарт, в свою исключительность и всегда добивался своей цели — не важно какими путями он к ней шёл. Вот и сейчас Фортуна была на его стороне: она столкнула их с этой женщиной в тихом безлюдном месте у заброшенного сарая, в котором эта женщина и останется висеть...

58

Тугая петля захлестнула горло, и сразу стало трудно дышать.

От быстрой неожиданной смерти Киру спасла простая случайность: в ту роковую секунду она поправляла ремешок сумки. Падая на грудь, верёвка кольцом охватила шею и плечи и, затягиваясь смертоносной петлёй, притянула к горлу оказавшуюся на плече руку, защитившую гортань от безжалостного сжатия.

Хотя защита была слишком слабой, но момент неожиданности был упущен, и жертва начала сопротивляться — вырываться и царапаться.

Кира попыталась вывернуться, но верёвка ещё туже сжала горло. Перед глазами поплыли красные круги, ноги ослабли, сделались ватными...

«— Чаще всего на галопе и карьере лошадь перевозбуждается и плохо слушается команд всадника, — поплыл в её голове голос тренера. — Если вы почувствовали, что лошадь вышла из-под вашего контроля — не паникуйте! Шенкеля вперёд. Упритесь в стремя, локти прижаты, повод на себя, корпус назад...»

Вопреки инстинкту самосохранения Кира не рванулась вперёд, а стала пятиться назад, заставляя тем самым отступать и душившего её человека, затрудняя движение его рук и ослабляя натяжение верёвки.

Через несколько шагов назад Кира почувствовала под ногами лед...

«— Откуда летом лед?»

Успела подумать она, прежде чем душивший ее человек начал подскользываться. Теряя равновесие, он ослабил натяжение веревки и уже не душил, а пытался не упасть на скользком льду... Еще пару шагов назад, и они упёрлись в старую покосившуюся лавочку. Ноги душившего Киру человека на льду поехали в разные стороны, он стал заваливаться на лавку... Трухлявые доски за их спинами затрещали и, не выдержав двойного напора, развалились. Чтобы не упасть на землю, мужчина схватился одной рукой за стену, выпустив при этом из ладони верёвку.

Почувствовав ослабление верёвки, Кира дёрнула рукой вперёд и вверх, выскользнула из петли и бросилась в сторону дорожки, по которой ещё совсем недавно уходили двое весьма подозрительных мужчин.

Слыша за спиной мужскую брань и треск ломающихся досок, она, не оглядываясь, бежала вперёд ни о чём не думая, не замечая боли от впивающихся в босые ноги мелких камушков, судорожно хватая ртом сгустившийся воздух и вытирая ладонями застилающие глаза слёзы.

Там далеко впереди был свет! Была жизнь!

Силы её закончились именно в тот момент, когда она добежала до этого света...

С искажённым болью и страхом лицом она выбежала на центральную широкую дорогу

кладбища и, не удержавшись на ногах, рухнула на колени. Людей почти не было, а те, кто, не спеша, шёл к выходу, быстро исчезли.

Ну, что ж, она привыкла всё делать сама!

Стараясь унять бешено колотящееся сердце и не обращая внимания на кровоточащие ступни и ладони, Кира попыталась встать, но ноги подкашивались, голова кружилась, и она какое-то время просто смотрела в ту сторону, куда спешили чужие, бессердечные люди. Там у самого выхода стояла её машина, такая безопасная, прохладная, с целой нераспечатанной бутылкой «Спрайта»... А в машине сидел Ларион — верный зубастый охранник. Неподкупный и смелый — будь он рядом, ничего бы этого не случилось.

Отдышалась, она снова попробовала встать на ноги, держась за железный указатель. На этот раз всё получилась, и Кира, покачиваясь из стороны в сторону, побрела к воротам.

Бежавшие к ней по дороге мужчины напугали её, она попятилась, упала, и уворачивалась от протянутых мужских рук, пытавшихся ее поднять, пока не услышала чьё-то распоряжение оставить её в покое и не узнала, склонившегося над ней охранника.

— Серёжа! — прошептала она пересохшими губами и протянула к нему исцарапанные в кровь руки. — Серёженька!

59

Она плохо помнила, как оказалась в машине на палевой коже заднего сиденья «Ауди» с принесёнными охранниками сабо и сумкой в руках, как стирала кровь с ладоней и коленей, как порывалась вылезти из чужой иномарки и пересест в свою — сквозь заднее тонированное стекло она неотрывно смотрела на свой «безопасный, прохладный» «Ягуар», как охранники подвели к машине молодого мужчину с заломленными за спиной руками и всё спрашивали её: знает ли она этого напавшего на неё человека...

Она не знала.

Как она могла его знать?! Она не видела, кто на неё напал.

Испачканное разбитое лицо перепуганного молодого мужчины показалось её знакомым, но вспомнить, где они с ним встречались, она так и не смогла, хотя честно пыталась это сделать.

Зато Дмитрий Викторович узнал молодого человека сразу.

Заметив растекающуюся по лицу Юшкина бледность и его судорожные поиски валидола, Сергей оттолкнул замершего в неудобной позе молодого красавца, втиснулся в салон, помог открыть ставшую вдруг непослушной в дрожащих руках Дмитрия Викторовича пластиковую трубочку, заботливо распустил галстук, расстегнул ворот чёрной рубахи.

Охранники оттащили задержанного от машины, запихнули в стоящий рядом огромный джип и заняли свои места, послушно ожидая дальнейших приказаний. Но «Ауди» ещё долго стояла на самом солнцепёке. Там явно что-то происходило.

А происходило там вот что: Кира не хотела никуда ехать и упрямо пыталась вылезти из машины, не слушая ничьих уговоров и обещаний. Она упрямо твердила, что не может бросить свой «Ягуар» и закрытую в нём собаку на произвол судьбы — о них почему-то никто не подумал, судорожно дёрнула ручку двери иномарки, даже стукнула кулаком по стеклу и успокоилась только когда оказалась на заднем сиденье своего Леопольда, под надёжной охраной обрадованного появлением хозяйки пса, дивленного не заслуженными похвалами, обнимашками и поцелуйчиками.

Странно, но при всей своей «невменяемости», за руль Кира не села. Она хорошо понимала, что создаёт окружающим новые проблемы, но в таком состоянии рисковать —

если не своей жизнью и здоровьем, то уж машиной точно — не собиралась.

— Поезжайте! Пожалуйста, поезжайте, — твердила она, склонившемуся к окну Сергею. — Я немного посижу в машине, успокоюсь и прекрасно доеду. В крайнем случае, вызову водителя из «Ангела». — Она порылась в сумочке и повертела перед носом личного телохранителя Юшкина белой картонкой. — Вот! Здесь все телефоны аварийной службы.

Но, конечно, никто не уехал.

Дмитрий Викторович перестал держаться за сердце, прервал свои невесёлые размышления и занялся улаживанием конфликта.

С неохотой покидая прохладный салон, охранники вылезли из джипа и столпились у «Ягуара».

Кира судорожно сжимала в руках ключи от «Ягуара» и не соглашалась отдать их незнакомому человеку — как они не понимали, что не могла она вручить свою жизнь незнакомому человеку — она не видела лица напавшего на неё человека и теперь подозревала в нападении каждого мужчину.

Охранники недовольно вздыхали и тихо переругивались, но «капризам» женщины всё же подчинились: Арсен сел за руль новенького «Ягуара», водитель из машины охраны пересел в «Ауди», а за руль «Ленд Крузера» сел один из охранников.

60

Вместо поминок началось долгое разбирательство в офисе Дмитрия Викторовича Юшкина на Таганке.

Все собрались в небольшом кабинете начальника службы охраны и дружно начали объяснять ему случившееся. Иван Степанович Коробов, конечно же, ничего не понял, потряс лысой головой и приказал всем замолчать. «Работать в таких условиях просто невозможно!» — сказал он и всех выпроводил из кабинета, оставив лишь Киру, Дмитрия Викторовича, задержанного и прикованного к его руке наручниками охранника.

Кира терпеливо отвечала на все его вопросы, рассказала о своём похищении и инциденте в квартире Шубина, честно пыталась вспомнить что-то полезное для разбирательства службы безопасности, но ничего полезного как раз и не вспоминалось — перед глазами то и дело возникали огромная исходящая сладким ароматом чашка какао и пушистый снежно-голубой плед, в который хотелось завернуться с головой, укрываясь от всех навалившихся проблем, и уснуть.

После «допроса» Киру провели в небольшую лабораторию в подвале дома, и эксперт долго возился с её руками, делая соскобы из-под ногтей. Поглядывая на её ссадины и красную полосу на шее, ей предложили поехать в больницу, но Кира наотрез отказалась, и её проводили в знакомый кабинет хозяина фирмы, оставив под присмотром одной из накрашенных длинноногих девиц.

Но девица скорее всего не поняла, что ей вменялось в обязанности развлекать и отвлекать гостью Юшкина от грустных воспоминаний и пессимистических мыслей, она же уселась в кожаное кресло, закинула тощую ногу на ногу и равнодушно листала глянецовый журнал, изредка углубляясь в рецепты масок и диетических блюд, а Кира, стоя у раскрытого окна, нещадно мёрзла и незаметно дышала на заледеневшие пальцы, хорошо понимая, что её дрожь всего лишь запоздалая реакция на произошедшее на кладбище покушение. Она с тоской вспоминала тёплую кашемировую шаль с неброской ручной вышивкой, так понравившуюся ей в бутике, и ругала себя последними словами за собственную жадность.

Через полчаса Дмитрий Викторович с застывшим лицом появился в дверях

собственного кабинета.

— Приготовьте нам кофе и что-нибудь перекусить.

Секретарша рванулась выполнять распоряжение.

Дождаясь кофе, Юшкин раздражённо расхаживал по ковру, курил, и пепел от сигареты падал на ковёр, теряясь в длинном ворсе.

Кира равнодушно провожала глазами падающий пепел, несколько раз порывалась сказать об этом Дмитрию Викторовичу, но махнула рукой — в конце концов, он у себя в кабинете и волен делать всё, что угодно — опустила в кресло и устало прикрыла глаза.

Секретарша вкатила сервированный на двоих столик, разлила кофе по тонким фарфоровым чашкам и неслышно удалилась.

Взяв чашечку, Кира сделала маленький глоток — огненный кофе горечью ожёг нёбо — нет, не зря она никогда не пьёт кофе: от него у неё одни проблемы — то давление подскакивает, то нёбо обжигается. Кира поморщилась, вернула чашку на блюдце.

— Что-то удалось выяснить? — спросила она застывшего у письменного стола Юшкина. — Этот человек родственник Павла? Это он затеял опасную игру за наследство?

— Виталий сын моей давней знакомой, — усаживаясь в кресло и беря со столика ребристую чашку с кофе, вяло проинформировал Дмитрий Викторович. — Он говорит, что к нападению на вас не имеет никакого отношения — просто приехал на похороны Павла, а у сарая оказался случайно. Охранник на какое-то время потерял вас из виду и самого нападения не видел, только бежавшего следом за вами человека. Его-то и остановили... Но Виталия ничто не связывает с вашим похищением и борьбой за наследство Павла!

— Я тут подумала и вспомнила, где его видела, — Кира посмотрела на чашечку с кофе. — Этот молодой человек пытался угостить меня кофе. На кладбище я его не узнала, и не мудрено: в бутике он был голубоглазым красавцем, а сейчас у него карие глаза, волосы забраны в хвост и лицо всё разбито... Ваши ребята постарались на славу. Я хорошо помню разговор похитителей о том, что Мамочка пытался со мной познакомиться — за последнее время случайно со мной встретились только два человека: Валентин Александрович Зайцев и Мамочка. Если этот молодой человек не сын Бориса Николаевича Шубина, то уж Мамочка точно: красавец и чудовище в одном лице! Вы уверены, что у сына вашей знакомой нет криминального прошлого?

— Когда-то давно я защищал в суде отца Виталия — года через два муж Марианны умер в колонии во время какой-то драки, и она осталась одна с маленьким мальчиком на руках. Я не мог оставить их в нищете — устроил её на хорошую работу, помог с обменом комнаты, даже ездил провожать её сына в школу, что никогда не делал для собственного сына! Виталий всегда доставлял матери много хлопот, требуя повышенного внимания и денег. В общем, он рос трудным ребёнком — даже в подростковом возрасте пошёл на ограбление сигаретной палатки, пришлось вмешаться и помочь ему избежать наказания, но я поставил Марианне условие, чтобы больше они меня не беспокоили. С тех пор я ничего не знаю об их жизни.

Вздыхая, Кира смотрела на непроницаемое лицо Дмитрия Викторовича и понимала, что ситуация ему неприятна.

— Странно... Из разговора похитителей в машине выходило, что у Мамочки есть отец и брат, — Кира на секунду задумалась, припоминая разговор. — «Мамочка ради денег ни отца, ни брата кровного не пожалел» — вот, как было сказано, а ещё... «Окачурится его папашка раньше времени и Мамочка единственным законным наследником останется».

Имелась в виду квартира Павла, что она ему по закону достанется! Если ваш Виталий всё же не Мамочка, тогда он точно один из детей Бориса Николаевича Шубина! Ведь только его дети могли бы стать законными наследниками Павла Шубина. Замкнутый круг получается.

— Да-а, гадание на кофейной гуще, — Дмитрий Викторович поднялся с кресла и повернулся к двери. — Пойду, поговорю с Иваном Степановичем, и пока он будет выяснять всё о Виталии Холине, я позвоню Марианне. Получив нужные сведения, мы уже будем решать, кто есть кто.

Вернулся в кабинет Дмитрий Викторович ужасно расстроенный. Лицо его было бледно и помято.

— Вы оказались правы, Кира, — начал он с порога. — У Виталия богатое криминальное прошлое — в том мире его и, правда, зовут «Мамочка», но это не главное... Главное, он уверен, что я его настоящий отец! В чём он только меня не обвинил!.. Я, видите ли, сломал ему жизнь! Ему и его матери! А вы говорите — надо помогать ближним! Вот что выходит из такой помощи! — В два глотка Юшкин выпил остывший кофе, поморщился и резко поставил чашку на столик. Белая фарфоровая чашка обиженно звякнула от такого неуважительного обращения. — Пришлось рассказать ему, что его настоящий отец, промышляя грабежом и разбоем, докатился до тюрьмы, где и умер. Видимо, Марианна так и не решилась сказать сыну правду о настоящем отце, побоялась нанести душевную травму маленькому мальчику — преуспевающий юрист куда предпочтительнее отца-сидельца.

— Так вы не отец? — уточнила Кира.

— Нет, не отец! Меня очень волнует странное обвинение Виталия: «Одному сыну всё, а другому ничего!» — сказал он.

— Он имел в виду Павла?

— Именно! Но откуда он узнал, что Павел мой сын? Я никому и никогда...

Дмитрий Викторович застонал.

— Вот вы и вспомнили, кому говорили, что Паша ваш сын.

Кивнув головой, пожилой мужчина в волнении заходил по кабинету.

— Марианне! Мы в очередной раз поругались с Лизой. Я был на взводе и поехал к ней... Теперь всё сходится: считая себя моим сыном, Виталий претендовал на имущество Павла. Так вы сказали: «ни отца, ни брата кровного не пожалел»? — он остановился и задумался. — Хотя прошло столько времени со смерти Паши, но я всё же попрошу Ивана Сергеевича внимательно разобраться в его автомобильной аварии.

— Вы думаете, Виталий причастен к смерти Павла... Он мог подстроить аварию?

— Смог же он... почти задушить вас, — невесело ухмыльнулся Дмитрий Викторович, равнодушно глядя на рассыпанный на ковре пепел. — Виталий признался, что, узнав о смерти Павла, тут же проконсультировался у юриста насчёт наследства Шубиных, и ему доходчиво объяснили, что по закону, не имея на руках решения суда о признании моего отцовства относительно его и Павла, он ничего не получит, если, конечно, не докажет через суд своё родство с Павлом. Всё остальное, связанное с вашим похищением и нападением в квартире, Виталий отрицает. Но если выяснится, что Виталий причастен к смерти моего сына, то он пожалеет, что родился на свет!

Это было сказано таким тоном, что мурашки побежали у Киры по спине. Не хотела бы она иметь такого врага! Плечи её невольно передёрнулись, и она судорожным движением сжала на груди поехавший с плеч прозрачный шарф.

— Вам холодно?

— Холодно, — честно призналась Кира, с удивлением глядя на снятый и протянутый ей Дмитрием Викторовичем пиджак.

Конечно, надо было вежливо отказаться — ведь она независимая, самостоятельная и ещё Бог весть какая эмансипированная, но от пиджака исходило такое тепло, что Кира не стала тешить собственную гордость, набросила пиджак на плечи и даже зажмурилась от приятного обнимающего её тепла.

Ей было так хорошо, так уютно в чужом пиджаке, что не хотелось выныривать из этого защищённого пространства. Из глубины чужого запаха, чужой надменности и холодности всё казалось совсем другим: менее значимым, что ли.

Оказывается, это очень приятно питаться чужой энергетикой!

Дмитрий Викторович задумчиво посмотрел на её довольное лицо и решил, что время для серьёзного разговора весьма подходящее.

— Принимая во внимание моё больное сердце, — нарушил он долгое молчание, — я предлагаю вам вступить со мной в законный брак! Вы вольны выбирать условия заключения этого брака — я заранее принимаю их. Главное, чтобы брак был узаконен по всем правилам.

Всё-таки Кире пришлось вынырнуть из тёплого успокаивающего пиджачного кокона и посмотреть: не шутит ли? Нет, не шутит — лицо «претендента на её руку» было серьёзно и сосредоточенно.

Хорошо бы напомнить ему, что она пока замужем и строить планы относительно её не свободной руки, мягко говоря, непорядочно, но напоминать она не стала — раз Дмитрий Викторович сделал такое предложение, значит, обдумал его со всех сторон. Конечно, ни о каких чувствах здесь не могло быть и речи: виной всему была Виктория — Кира это хорошо понимала.

— Прямо так замуж и точка. Вы получаете внучку на блюдечке и превращаете её в приёмную дочь, — Кира покрутилась в чужом пиджаке, плотнее запахнула полы и грустно улыбнулась, — а мне предлагаете новую клетку, только уже золотую.

— Ничего подобного! — возмущился Дмитрий Викторович, отметив про себя, что о муже не было сказано ни одного слова. — У вас будет огромный загородный дом с бассейном и садом, счёт в банке, прислуга. Все ваши желания будут немедленно исполняться, все расходы оплачиваться. Единственное о чём я прошу — это на законных правах позволить мне участвовать в воспитании девочек.

— Я ведь всё понимаю, Дмитрий Викторович, — Кира укоризненно, как на не в меру расшалившуюся Алису, посмотрела на пожилого мужчину и даже покачала головой для убедительности. — Зачем такие сложности? Не лучше ли просто сказать: «Кира, мне хочется быть ближе с Викторией, поэтому приглашаю вас вместе с дочерьми на выходные в мой загородный дом. Мы чудесно проведём время!».

— И вы приедете? — недоверчиво спросил Дмитрий Викторович, не веря, что так легко можно решить столь сложный вопрос.

— Если мне не нужно будет готовить и полоть грядки, — улыбнулась Кира, — обязательно!

Возвращаться в брачное рабство Кира не собиралась.

— Скопление людей в одном доме — это ещё не семья, — вздохнула она, снизу вверх глядя на «родственника». — И потом, кто вам сказал, что нам с девочками не понравится жить в огромном, загородном доме с прислугой. Может быть, мы будем приезжать к вам так часто, что вы, слушая громкую музыку, раздающуюся из комнаты Алисы, будете строить

коварные планы нашего скорейшего выселения.

— Что вы такое говорите, Кира? — притворно ужаснулся Дмитрий Викторович и довольно улыбнулся. — Ловлю вас на слове! Мне осталось только купить этот загородный дом и ждать гостей.

— Только, Дмитрий Викторович, пусть это будет дом с большим участком, в тихом, настоящем лесу. Чтобы зимой в доме горел камин, а весной под окном цвели яблони и вишни, чтобы можно было посидеть с книгой на качелях и не думать о грядках и сорняках. Я так устала от нескончаемой работы на дачном участке...

От нахлынувшей вдруг нежности, Дмитрий Викторович прослезился — оказывается, людям так просто договориться!

— Обещаю, всё будет, как ты хочешь, — проникновенно пообещал он. — Мы сделаем вот что: ты сама выберешь себе дом, а я его тебе подарю. И буду приезжать к вам в гости по выходным, а ночью ты будешь строить коварные планы моего выселения.

— Ну, уж нет! — Кира покачала головой, снимая пиджак и протягивая его хозяину. — Это слишком большая забота на мои плечи. Не забывайте, я же купила половину конюшни — сколько сил потребуется на её восстановление. Пусть это будет ваш дом! Ну, и чуточку наш с девочками...

61

Звонок мужа застал Киру в самом, что ни на есть благодушном расположении духа. Она сидела в гостиной Шубинской квартиры в глубоком кресле перед телевизором с большой кружкой сладкого-пресладкого какао, на плечах у неё была тонкая кашемировая шаль с ручной вышивкой — она сделала крюк, и всё-таки купила её в бутике, у ног лежал верный, зубастый сторож, мысли её были заняты «брутальным любовником» и жизнь казалась ей прекрасной.

— Алло! — услышала она недовольный голос Анатолия, и хорошее настроение тут же поползло вниз.

— Здравствуй. Почему ты не приехал на вокзал? — спросила она и ясно поняла, что ей совсем не интересно слушать его отговорки и оправдания — она устала от видимости их брака и хочет развестись и забыть о нем окончательно.

В телефоне немного помолчали, помучили неизвестностью, и неожиданно из него грянул гром.

— Я подаю на развод!

— О, как!

Кира отстранила телефон и с удивлением посмотрела на чёрную «коробочку», изрыгающую такие заявления.

— Ты решил меня опередить? — спросила она у телефона и осторожно поставила кружку с недопитым какао на журнал, лежащий на журнальном столике.

Неизвестность, которую Кира так боялась, заглянула ей в глаза и скорчила устрашающую гримасу. Но Кира сжала кулаки и не испугалась, ну, может, самую капельку.

— И у тебя ещё хватает наглости спрашивать причину моего решения?! — Анатолий встал и вышел из кухни — разговор с женой касался только их двоих. — Я был на вокзале и всё видел! Как ты посмела притащить туда своего любовника? У нас был уговор — образцовая семья и никаких порочащих связей на стороне!

— Что? Любовника? Ты сума сошёл? — возмутилась Кира и, вспомнив о Валентине вспыхнула. — Дмитрий Викторович наш дальний родственник — отец мужа двоюродной

племянницы тёти Клавды из Новосибирска.

— Это ты, дорогая, кому другому расскажи! Может они и поверят, а я воробей стреляный, меня на мякине не проведёшь! А ты хорошо выглядишь, — неприязненно усмехнулся муж, игнорируя её слабые попытки (кто его знает, как он преподнесет сии факты в суде) объяснить ситуацию, — похудела, причёсочка, вещички новые... Если бы не девочки и родители, я бы тебя ни за что не узнал. И «папашку» ты подцепила не хилого: вон какие подарки дарит!

— Какие подарки?

— Ну, ты из меня дурака-то не делай! Белый «Ягуар» на твоё имя записан — я проверил!

— Да-а, «Ягуар» мне подарили на день рождения, но это не Дмитрий Викторович, — медленно согласилась Кира и с чувством брезгливой отстранённости подумала: «- Уже выяснил! И когда только он успел?»

— Ха-ха-ха! Значит, не мне одному ты успела рога наставить! Ну, и стерва же ты, Чичерина! А прикидывалась такой тихоней, такой добропорядочной...

— Перестань! Сейчас же прекрати меня оскорблять! — от собственной злости ей стало жарко, и Кира потянула с плеч ещё минуту назад такую необходимую шаль.

— Вот, как заговорила! Узнаю гордячку-принцессу с первого курса.

Кира глубоко задышала, пытаясь успокоиться и поговорить спокойно, без оскорблений.

— А знаешь, Кир, — голос мужа неожиданно стал тихим и печальным, — выходя за меня замуж, ты ведь меня обманула.

Сердце Киры замерло — откуда он узнал о Виктории?

— Влюблён я был в одну женщину, а в жёны получил совершенно другую. Как это у вас у баб получается? Была лёгкая, солнечная, независимая, а превратилась в обыкновенную наседку — гребёшь под себя всё без разбору и стараешься всех держать под своим крылом. Это так утомляет и раздражает!

Что могла Кира ответить на такой справедливый упрёк?

Иногда она и сама чувствовала себя курицей, трясущейся над своими цыплятами. Но это было раньше! А сейчас...

— Толь, давай всё спокойно обсудим, — чувство вины за свой невольный «обман» с Викторией раздулось у неё внутри, словно воздушный шар, гася злобу и обиду. — Давай, мы спокойно обо всем поговорим, решим все вопросы и спокойно разведемся, чтобы не травмировать девочек.

— А стоит ли что-то прояснять? Ведь ты меня никогда не любила.

— ??? — Кира застыла — они никогда не поднимали эту тему. — Ну-у, да... не любила — наш брак был ошибкой.

— Согласен. Кир, хватит врать друг другу. Это я раньше не понимал, а посмотрел на вас на вокзале... Там ты была совсем другая рядом с этим мужчиной: весёлая, самостоятельная, с горящими глазами. Вчера на перроне я увидел прежнюю Киру — Принцессу Амазонок, принадлежащую другому мужчине... И мне стало очень обидно, что со мной ты никогда не была такой. А знаешь, мне даже показалось, что это Пашка Шубин стоит рядом с тобой на платформе, но, приглядевшись, понял, что мужчина намного старше твоего принца, хотя похож. Очень похож! Его призрак все эти годы неотступно маячил за нашей дверью. Открывая её, я каждый раз боялся увидеть его на пороге. Что было бы тогда с нашим браком? С девочками? Ведь ты так и не сказала мне, почему вы с ним расстались. Значит,

всё это время ты помнила Шубина и искала похожего на него человека? Куда проще было вернуться к нему. Или он не простил тебя и не захотел принять с двумя детьми?

Кира закрыла глаза и всхлипнула — разговор растеребил сердечные раны...

Ах, если бы Пашка Шубин тогда пришёл в её дом!

Что тогда было бы?

Кира не знала, что сделала бы, явись за ней Павел в ту минуту, когда вернулся с военных сборов и узнал о ее замужестве, или потом, когда узнал о своём отцовстве. Простила бы она его, поверила бы, ушла бы с ним — кто может предугадать не произошедшее! Но одно Кира знала твёрдо — жизнь её с появлением Павла уж точно изменилась бы.

Сердце ее вздрогнуло, и она поняла, что если бы он только пришел к ней... позвал ее... она побежала бы к нему, не раздумывая... полетела бы...

Но он не пришел... и не позвал...

— Это отец Павла, — вытирая ладошками катящиеся по щекам слезы, зачем-то сказала Кира и удивилась, как легко далось ей это признание. Она устала изворачиваться и обманывать. Следующим должно было последовать сообщение об отцовстве Шубина... — Недавно Павел погиб в автомобильной аварии, и Дмитрий Викторович позвонил мне потому что выяснилось что...

— И ты решила его утешить!

— Толь, не начинай — он не мой любовник. Дело здесь совсем в другом — речь идет о Ви...

— А кто?

— Да никто! — устало произнесла Кира, и желание откровенничать с почти «бывшем мужем» бесследно исчезло — ничего она ему не скажет: ни о Виктории, но о наследстве! — Моя личная жизнь тебя больше не касается!

— Вот и договорились! Развод — дело решённое! — оскорблённый муж оскорблено помолчал. — Я проконсультировался с юристом, и он посоветовал мне договориться с тобой по любовно — без суда. Тебе достанется квартира и все подарки твоего «не любовника», мне же моя машина и моя квартира, где мы прописаны с мамой. Твою новенькую машинку мы поделим.

Тон, которым всё это было сказано, так рассердил Киру, что она чуть не задохнулась от меркантильности и жадности этого человека, за которого сама поспешила когда-то выйти замуж, совершив непростительную ошибку, за которую расплачивается до сих пор, — если бы она только знала, что забеременела от Шубина... Она прижала холодеющие пальцы к виску — неизвестность будущего уже откровенно скалилась ей в лицо.

— Ты следил за мной? — спросила она, пристально глядя в тёмный угол спальни через открытую дверь. Ей казалось, что всё это время из тёмного угла за ней кто-то пристально наблюдает. Этот невидимый, но вполне ощутимый взгляд завораживал, гипнотизировал, делал ее жёстче, злее, равнодушнее.

— Следил! И что? Я имею на это право! У нас был договор, а ты его нарушила!

— Ты, правда, не хочешь все нормально обсудить и об всем спокойно договориться?

Анатолий был слегка озадачен неожиданно произошедшей переменой — жена никогда не любила выяснять отношения и расставлять точки над «i» — ей было проще согласиться на его условия, и её жёсткая настойчивость его удивила. Ему показалось, что она знает о нём намного больше, чем он считает.

— Давай оставим всё, как есть, не выясняя и не копаясь в грязном белье. Просто прими

к сведению тот факт, что мы разводимся.

Внезапно успокоившись, Кира совершенно чужим голосом продолжила:

— Ну, что ж, ты сам этого хотел... Твоё мнимое благородство, дорогой муженёк, шито белыми нитками. «Тебе достанется квартира и все подарки...» — кривляясь, передразнила она мужа. — Ты прекрасно знаешь, что квартира на Цветном, в которой мы живём, бабушкино наследство и разделу при разводе не подлежит. На «Ягуар» у меня есть дарственная — здесь тебе тоже ничего не обломится, а вот твоя машина, квартира в Измайлово, «в которой вы с мамой прописаны», мебель, телевизор — всё, что куплено тобой в период нашего брака, подлежит разделу. Думаю, мне стоит поехать туда с Дмитрием Викторовичем и сделать полную опись имущества, пока вы с Маргаритой Леонидовной не вывезли из неё всё самое ценное. Так что, дорогой муженёк, не всё так просто с нашим разводом, как тебе кажется!

— Но... — Анатолий никак не ожидал от жены такой осведомлённости и жадности. — Это же не честно! Мама вложила большую часть денег в квартиру. Она продала нашу трёшку...

— В Белых Столбах, — жестоко уточнила Кира, зная болезненное отношение мужа к его месту рождения и бывшего проживания. — Ах, какое богатство!

Анатолий поморщился.

Он давно считал себя москвичом и почти забыл, что родился и вырос в столь известном месте — в Белых Столбах находилась психиатрическая больница, проще говоря, дурдом. Услышав, откуда он родом, многие отпускали неуместные обидные шуточки, и это больно задевало его самолюбие. Женившись, Анатолий прописался к жене, стал гордо именоваться москвичом и говорил всем, что родился и вырос в Москве. Постепенно он и сам поверил в эту небылицу. А пять лет назад, перейдя на новую высокооплачиваемую работу, им с мамой удалось продать квартиру в ненавистных Белых Столбах и купить двухкомнатную квартирку в Измайлово. А вот теперь жена хочет разрушить его независимый от семьи мирок...

— Не важно, где была наша квартира, главное, что она продана и деньги вложены в покупку нынешней квартиры.

— Даже если тебе удастся это доказать, то половина от твоей половины квартиры и машины будет моей и тебе придётся её у меня выкупать.

Задыхаясь от злости, Анатолий метался по чужой квартире.

И зачем он затеял этот развод? Разве ему было плохо? Они обо всем договорились: жена растила детей и никогда не вмешивалась в его рабочие и личные дела. А что теперь? Тягостный развод с дележом имущества! Его имущества! С таким трудом заработанного, скопленного и утаенного. И почему он не сдержался? Увидев её за рулём шикарной иномарки, он настолько растерялся, что не сразу вышел из машины, а тупо сидел и ждал, пока его жена и дочери под ручку с незнакомым мужчиной скроются за дверями вокзала. Что он чувствовал тогда на перроне, наблюдая за ними из-за спин провожающих? Злость? Обиду? Скорее разочарование. Он и представить себе не мог, что другой мужчина может обнимать его жену, прижимать к груди и прилюдно целовать, и она не противилась этому, воспринимая как должное. Большого унижения он никогда не испытывал! За столько лет брака — пусть и не полноценного (за отказ от выполнения «супружеских обязанностей» он ей мстил отдельно: заводя на стороне романы направо и налево) он так привык к своей жене-служанке, что практически не воспринимал её как женщину, а оказалось, что богатый уважаемый мужчина влюблён в неё, дарит дорогие подарки и не сводит с неё глаз; а он

привык настолько, что уже почти забыл, что она когда-то волновала его, и он был рад просто стоять рядом с ней. Вчера на перроне он увидел ту недосыгаемую девушку из юности и испугался. Испугался того, что его налаженная «образцово-показательная семейная жизнь» закончилась. Нет, не зря жена так внимательно, оценивающе смотрела тогда на него на даче. Она сравнивала их, и сравнения были не в его пользу. Он это почувствовал и решил не ждать, решил опередить грядущие события, уйти первому, громко хлопнув дверью и говорить всем, что не стало сил терпеть ужасный характер жены — вы же помните, какая она была?!

Закрыв глаза рукой, Кира стояла посреди гостиной и тщетно пыталась избавиться от затопившей её злости.

Что она делает? Зачем говорит об этих вещах: о разводе, о дележе имущества? Ведь она же не меркантильная стерва и никогда не цеплялась за деньги и имущество — ей не нужно ничего чужого... Только развод!

Она потрясла головой, прогоняя наваждение чужого взгляда, и чтобы избавиться от него окончательно, вышла в прихожую.

— Пусть будет так, как ты решил: у меня остается моя квартира и машина — тебе твоя квартира и машина... Делить твое имущество я не буду — мне твоего ничего не надо, — она посмотрела в зеркало на своё бледное взволнованное лицо и отвернулась. — Я подпишу документы на развод. Только быстрее...

— Это дело другое. Узнаю прежнюю...

Не слушая мужа, почти уже бывшего мужа, Кира со всей силы швырнула новенький мобильный телефон в открытые двери столовой.

Телефон ударился о барную стойку, отскочил от тёмного дерева и, обиженно тренькнув, развалился на несколько частей. Кира охнула и бросилась собирать осколки.

— Нет! Нет! Что я делаю? Мне нельзя разводиться — для девочек это будет настоящей трагедией — особенно для младшенькой... Она просто обожает отца... Надо сохранить эту видимость брака... хотя бы еще на несколько лет... — заговорила она вслух, присаживаясь на корточки перед «погибшим» телефоном и собирая в ладонь его пластмассовые части. — А как же моя новая жизнь? Отказаться от всего и пожертвовать ей ради спокойствия дочерей? Это сделает меня несчастной... А развод сделает несчастными их... Снова стать образцовой домохозяйкой... заботливой, доброй, честной, порядочной... которых не бросают...

«— Ты разве еще не поняла — ты изменилась, и все вокруг тебя изменилось! Ничего уже не будет, как прежде! Нельзя вернуться в то, чего больше нет! — назидательно произнёс «мудрый Гном» и трагично, как по покойнику, снял остроконечную шляпу с большими полями по ее прошлой жизни. — А на счёт честных, добрых, порядочных, то именно таких и бросают мужья, наивно полагая, что уже всё знают о своих жёнах. Им подавай что-нибудь новенькое, да поострей! Это потом, когда вляпаются по самые уши в дерьмо, они спохватываются, раскаиваются, вспоминая спокойное домашнее ничегонеделание и возвращаются к борщам и пирогам, о которых, оказывается, тосковали всё это время поиска совершенства и возвышенной неземной любви. Хотя, нет, возвышенной неземной любви ищут женщины, мужчины куда скромнее в своих запросах — им нужно совершенно иное: секс и жратва...»

Привалившись к прохладному лакированному дереву барной стойки, какое-то время Кира сидела в таком неудобном положении, слушая разглагольствования своего внутреннего

голоса, «прощаясь» со своим пятнадцатилетним браком, не замечая боли от врезавшихся острых частей телефона в сжатые ладони.

«— А на счет честной, доброй, порядочной, заботливой — так это не о тебе, болезная. Ну, какая же ты честная, когда всем врешь напропалую и, наплевав на вашу договоренность, любовника завела; добрая — ты у мужа чуть половину имущества не оттяпала; со своей заботливостью ты ему и детям хуже горькой редьки надоела; а уж о порядочности твоей я молчу — ребенка от другого мужика прижила и на шею к первому встречному повесила...»

«— Ты прав, мой ворчливый, мудрый Гном, — печально улыбнулась Кира, — к прошлому возврата нет... Начинаем новую жизнь! Но как дочери будут жить без отца? Смогу ли я объяснить им причину нашего расставания, не ранив их души?»

62

— Алло! Говорите, — услышала Кира знакомый голос Ларисы, и пустота одиночества отступила.

Она плотнее прижала к уху телефонную трубку аппарата и облегченно вздохнула — ну, кому ещё, кроме лучшей подруги, можно рассказать о несправедливых обвинениях, надуманных подозрениях мужа и слышать сочувственное понимание. Она уже открыла рот, чтобы произнести: «Привет, это я, хочу посекретничать», как неожиданно в трубке раздался возмущенный мужской голос, услышав который Кира замерла с открытым ртом.

— Ты представляешь, эта стерва попыталась оттяпать у меня часть квартиры и машины! Столько лет сидела дома на моей шее, ничего не делая, а теперь смеет предъявлять мне какие-то претензии! Хорошо, что дача записана на имя матери, а то бы...

— Помолчи! — резко оборвала Лариса громкий мужской монолог, посмотрела на высветившийся на определителе незнакомый номер и повторила в трубку: — Алло! Говорите.

— Кто это? — приглушенно зашептал Анатолий, и от этого испуганного шёпота сердце Киры зашлось тоской и обидой.

— Какая же это гадость, подруга! — тихо сказала она в трубку. — Мерзость и гадость! Осторожно, словно ядовитую змею, Кира положила телефонную трубку на аппарат и медленно опустилась в кресло.

— Какая же это гадость, — повторила она, прижимая холодеющие пальцы к вискам. — Как они могли? Он требовал от меня соблюдения договора — никаких связей на стороне, а сам развлекался с моей подругой... И она приходила в мой дом, и обсуждала со мной своих любовников, находясь в отношениях с Анатолием... Почему не призналась?..

Тяжесть предательства была настолько ошеломляющей, что Кира какое-то время сидела не шевелясь. Ей никогда не приходило в голову подозревать «мужа» в связи с лучшей подругой — они терпеть друг друга не могли... Ну, дал бы ей развод и жил бы с ней в свое удовольствие! Зачем же ее мучить? Да и подруга хороша — завела с ним отношения, а ей не сказала — она бы давно освободилась от ненавистных пуг...

«— Кто бы говорил! — усмехнулся её внутренний голос, и щёки Киры вспыхнули стыдливым румянцем. — Какие бы оправдания у тебя не были, ты первая обманула доверие Анатолия».

— Но я же не знала, что беременна! — попыталась оправдаться Кира.

«— А кого это волнует? Факт остаётся фактом: Виктория не дочь Анатолия. Попробуй теперь, докажи, что ты ничего не знала о своей беременности!»

Странно, но от сознания собственной греховности Кире стало спокойнее.

Ларион неслышно подошёл к хозяйке, заглянул в глаза и положил морду ей на колени.

Рука Киры машинально погладила собаку.

— Ну, что ж, узнала и забыла — в моей новой жизни места для этих двоих точно нет. Только зачем ждать развода неизвестно сколько? Отрубим сразу, как ненужный собачий хвост...

И Кира позвонила Дмитрию Викторовичу.

Выслушав её просьбу, он очень обрадовался — всё шло по его плану, но вида не показал.

— Завтра я договорюсь о вашей встрече с нашим лучшим адвокатом по разводам. Что-то случилось за эти несколько часов?

Кира немного помолчала.

— Мне бы не хотелось обсуждать с вами эту тему, — оказывается и её голос может быть ледяным и бесцветным. — Скажем так: мы разошлись с ним во взглядах на мою новую шляпку, и наша совместная жизнь стала невозможной.

— Вы купили шляпку, а она не понравилась вашему мужу, и вы решили развестись? — не очень понимая происходящее, уточнил Дмитрий Викторович, но вдаваться в подробности не стал — главное, она разводится, а там уж как Бог даст. — Завтра подготовим документы, а пока займёмся поисками подходящего загородного дома. Только у меня к вам, Кира, убедительная просьба: до выяснения всех обстоятельств нападения на вас никуда не выходить без охраны.

И Кира пообещала.

63

Положив трубку на массивный под старину телефонный аппарат, Лариса задумчиво уставилась на конверт с билетами на «экзотические острова», и попыталась сообразить, что же сейчас произошло.

И так, Кира все узнала!

Но даже если так, запланированную поездку Лариса отменять не собиралась — уж очень тяжело она ей досталась. Последнее время Анатолий стал очень прижимист и с большой неохотой тратил на неё свои деньги — пора было менять любовника, но Лариса почему-то медлила.

«— Жадность фраера сгубила, — невесело усмехнулась про себя озадаченная женщина и медленно повернулась к своему любовнику».

Никаких угрызений совести по поводу их вяло тянувшегося романа Лариса не испытывала — первое время, да, она даже перестала приходить в дом подруги, чтобы случайным взглядом или словом не выдать тайную связь с её мужем. Она даже спрашивала себя: «Зачем ей это надо?», но ответа на этот вопрос не находилось. Нет, конечно, она могла честно себе признаться, что всю жизнь завидовала подруге и мечтала встать на её место — вот у неё образцовая семья и настоящая жизнь! Интересная и насыщенная, а она вынуждена вечерами подрабатывать на почте, разнося газеты — одной материнской зарплаты хватало лишь на питание. Как же она по вечерам ненавидела своего отца, бросившего их с матерью и подавшегося на Север в поисках легкой жизни! Ненавидела страстно, истово, призывая на его голову все несчастья и проклятия! Серо-зеленые глаза её в такие минуты темнели, щеки пылали, пальцы сами собой сжимались в кулаки — попадись он ей в такую минуту, она, не раздумывая, задушила бы его своими руками! И сколько не говорила ей Кира, что ненависть разрушает жизнь и отравляет душу, Лариса её не слушала. Ненавидя, она ощущала в себе прилив сил, ей хотелось бороться, доказывать, завоевывать и разрушать! Именно разрушать!

Почему, если ей плохо, кому-то рядом с ней должно быть хорошо?!

С этим девизом она жила, с ним училась, по нему строила отношения с людьми. Учеба в институте — ещё один повод для зависти — ей не светила, и Лариса быстренько пристроилась в ПТУ, окончила его с отличием, чем обеспечила себе прием без экзаменов в техникум, и стала озеленителем, а после окончания техникума ландшафтным дизайнером. Немного освоившись в профессии, она открыла свое дизайнерское бюро и, заняв денег у родителей Киры, сделала несколько пластических операций по увеличению груди и изменению формы носа. С изменением внешности дела у неё пошли в гору. Она смогла отдать долги и прикупить себе квартирку — её любовь и привязанность напрямую зависела от количества и ценности подарков: мужчины менялись, лишь только новоявленная красавица чувствовала уменьшение потока денег у потенциального «спонсора».

С Анатолием она «связалась» от нечего делать — ей наскучили похотливые взгляды озабоченных мужчин, и она поставила себе более трудную задачу: муж подружки всегда относился к ней предвзято и не одобрял их дружбы. Вопреки её ожиданиям, Анатолий сдался на удивление быстро, им было хорошо вместе и дело было не столько в сексе, сколько в схожести характеров и любви к одним и тем же вещам: им нравилось развлекаться и быть в центре внимания, хорошо одеваться и ловить на себе завистливые взгляды, они оба любили деньги и были озабочены их добыванием.

— Кто звонил? — приглушенно спросил Анатолий, понявший по выражению лица своей любовницы, что случилось что-то очень неприятное.

— Кто, кто — дед Пихто! — Лариса ещё не решила говорить ему о том, что их связь раскрыта или лучше пока промолчать — сказать об этом она всегда успеет, а вот настроение в поездке будет явно испорчено.

— Ты представляешь, Кира попыталась оттяпать у меня часть квартиры и машины! — снова повторил Анатолий, распаяя себя и пытаясь вернуть пропавшее от испуга возмущение.

— И что? — резко спросила Лариса и подумала, что зря все-таки она связалась с этим засранцем — мужиков много, а душевная подружка у неё только одна. Была... вряд ли Кира после всего станет с ней общаться.

Впервые за свою жизнь Лариса пожалела о содеянном — сердце её предательски сжалось, нагоняя на глаза скупую слезу. Если честно, то Кира не заслуживала такой подставы — от неё Лариса видела только хорошее, но возможно именно это (сознание того, что этот человек намного лучше тебя и ты никогда не станешь таким же) и подтолкнуло её к такому неблагоприятному поступку.

— Так мы едем на Кипр или у тебя изменились планы? — равнодушно спросила она, для себя уже решив, что эта поездка будет для них последней — она не любила проблем в отношениях с мужчинами.

— Как я могу уехать, если моя собственная жена наставляет мне рога?

— Правда? — усмехнулась Лариса, представив на голове Анатолия ветвистые оленьи рога. — Ты с ними будешь неплохо смотреться, только вот в машину садиться с ними будет не очень удобно!

— Тебе смешно?! Мне же, дорогая, не до смеха!

— А что ты хотел? — окончательно рассердилась Лариса. — Ты Кирке будешь постоянно изменять, а она будет терпеть твоё блядство? За что боролся — на то и напоролся!

— Я не понял, — опешил почти бывший любовник. — Ты на чьей стороне?

— Я за справедливость! Раз ты себе позволяешь изменять жене — будь готов и к её изменам! А то как-то неправильно получается: одним можно, а другим нельзя. Нет уж! У нас, дорогой мой, в стране равноправие: что можно мужчинам, то можно и женщинам. Так что, глотай теперь то, чем кормил мою подругу столько времени!

— Лара, что ты такое говоришь? Ведь у нас с тобой чувства?

— Чувства? — Лариса уже не владела собой, ноздри её раздувались от злости и обиды за весь женский пол. — Что же ты не развелся со своей женой и не женился на мне, раз у нас чувства? Уж не потому ли, что я не стану терпеть твои похождения на сторону? Боишься, что возьму тебя за одно место и оторву его с корнем! Я тоже хочу замуж! Хочу семью и детей! Хочу любящего заботливого мужа! Тихих вечеров у телевизора, семейных обедов и романтических ужинов! Хочу вместе засыпать и знать, что так будет всегда, а не в течении отпускной недели!

— Ты же всегда над этим смеялась! — осторожно возмутился Анатолий, принимая ссору за очередную размолвку.

— И что? Это не значит, что мне этого не хотелось! — Лариса перевела дух и, немного успокоившись, продолжила: — Собирай, ка ты свои манатки, мил друг, и катись отсюда ко всем чертям! Мне твои проблемы с женой без надобности! Как говорит твоя Алиса: «Любовь прошла — завяли помидоры!». И советую тебе помириться с Кирой — другой такой женщины тебе не найти! Уж поверь мне!

— Но как же, Ларочка... — окончательно растерялся Анатолий — в одночасье потерять и жену, и любовницу для него было слишком сильным потрясением. — Ведь я же подаю на развод, мы могли бы...

— Как ты себе это представляешь, Толик? Ты будешь вести прежнюю, вольготную жизнь, а я буду ждать тебя с ужином, как Кирка? Нет, не выйдет — дураков нет! Всё, дорогой! Иди к жене и разбирайся со своими проблемами, мне брак с тобой не нужен — слишком хорошо я тебя знаю, чтобы поверить в твои чувства!

Анатолий понуро поднялся и пошел собирать свои вещи, а Лариса подошла к окну и долго смотрела в него, вспоминая свои отношения с подругой и по-новому осмысляя их. За спиной хлопнула входная дверь, но она даже не обернулась.

Мужчин много, а лучшая подруга одна... вернее, была одна...

64

Согласно своему обещанию, Кира пошла в магазин за продуктами, переодевшись в чужую одежду, в чёрном парике, больших старомодных очках и с рыжим зубастым охранником.

Запах ванили и свежей выпечки витал по супермаркету, и Кира не удержалась от искушения: взяла заварное колечко с творогом и устроилась с пакетиком сока у высокого столика, отвернувшись от посетителей и задумчиво глядя в окно на привязанного к перилам пса.

За окном рычали машины, изнывающие в пробке от жары, мелькали прохожие, прячущиеся от палящих солнечных лучей в тени домов и автобусных остановок.

Планы начали строиться сами собой: сейчас, она вернётся из магазина, заберёт Пончика и поедет на дачу, по дороге купит курицу-гриль, съест её и завалится спать на целых двадцать четыре часа!

Пёс за окном наострил загнутые ушки, понюхал воздух и предупреждающе гавкнул —

не важно, что хозяйки не было рядом: служба есть служба!

Кира взглянула в ту сторону, куда смотрел Ларион, и чуть не подавилась пирожным: к собаке подходил Валентин Зайцев.

И как она забыла о нём?! Сердце радостно застучало, ноги подкосились — сейчас она подойдет к нему, и они обо всем поговорят.

Ругая себя, она подхватила завернутый в салфетку коржик для собаки и поспешила к выходу.

Как всегда, она забыла о своей изменённой внешности и, подойдя к Лариону, хотела извиниться перед Валентином, но тот, скользнув по незнакомой женщине синевой глаз, равнодушно отвернулся. Он разговаривал по телефону, и этот разговор был куда важнее, чем разглядывание невзрачной, мешковато одетой тётки.

— Шут знает, где её носит, — раздражённо говорил он кому-то в трубку, и Кира замерла за его спиной, не зная, что предпринять в такой комичной ситуации. — Не волнуйся, всё получится. Сегодня документы и деньги будут у тебя. Я её обязательно дождусь.

Услышанный разговор очень заинтересовал Киру: выходило, что Валентин старается вовсе не для своей работы, а для какого-то человека. И, развернув салфетку, Кира стала отламывать маленькие кусочки коржика и угощать ими собаку — теперь уж она точно не признается и никуда не уйдёт, пока не дослушает разговор до конца и не выяснит, кому так нужны «документы и деньги» агентства Павла Шубина.

— Да, у подъезда торчу — увидел у магазина собаку, думал её, но ошибся — все они для меня на одно лицо, то есть на одну морду. Когда всё получу — сразу же к тебе поеду. — Валентин через плечо посмотрел на согнутую женскую спину в длинной коричневой кофте, на жадно жующую собаку и вошёл в супермаркет.

Отвязав собаку, Кира поспешила к подъезду Шубинского дома. Но у подъезда, загородив массивным телом входную дверь, стояла в излюбленной позе — «руки в боки» — Татьяна Ивановна и на повышенных тонах разговаривала с участковым.

— Что вы хотите, Игорь Владимирович? — с пафосом восклицала она, возмущённо поджимая напояженные губы. — У нас не дом, а проходной двор! Мужчины перестали следить за порядком. Их больше волнуют собственные машины. Вот раньше!

— Разрешите с вами не согласиться.

— Не разрешаю! Уж я, то лучше знаю, что творится у меня в подъезде! Вот послушайте! Третьего дня, в пятницу, поднимаюсь я в пятую квартиру, и вдруг как грохнет...

— Извините, пожалуйста, — прервала разговор Кира и наклонила голову, загораживаясь от любопытных глаз чёрными волосами, — разрешите пройти.

Татьяна Ивановна чуть сдвинулась в сторону, но руки не убрала.

— Вы к кому, гражданочка? — строго поинтересовалась она, и Кира подумала, что роль полицейского ей бы очень подошла.

— В пятую квартиру, к племяннице. Кирочка просила приехать и погулять с собачкой, — и она стала бочком протискиваться в образовавшуюся щёлочку.

— Нет её дома, — проинформировала соседка, но отодвинулась от оскалившейся собаки, и обратилась к участковому. — Нет, вы видели?! Ещё скалитесь! Вся в хозяйку! Вы бы последили за этой дамочкой! Не успела приехать, а мужики уже толпами ходят! Раньше так замужние женщины себя не вели!

Дальше Кира слушать не стала, а побежала вверх по лестнице.

— Подождите! — остановил её участковый Рогов, входя в подъезд. — Я с вами...

— Ну, уж нет! — испугалась Кира, свешиваясь вниз и придерживая рукой очки — как она станет объяснять полицейскому своё переодевание? — Я не могу привести в чужой дом незнакомого мужчину!

— Я не мужчина, а участковый.

— Не мужчина? Вы хотите сказать, что вы голубой и не представляете для одиноких женщин никакой опасности?

От такой наглости Рогов опешил и долго смотрел в след убегающей вверх по лестнице женщине с собакой.

Час спустя, кутаясь в тонкую кашемировую шаль, Кира стояла в тесном «чулане» около стального, открытого сейфа и с деланным равнодушием (он пришел и сразу завел разговор о сейфе, стараясь не смотреть ей в глаза — она поддержала эту игру, желая узнать, куда же он поедет и кто так заинтересован в получении денег и документов Шубина) наблюдала, как Валентин Зайцев перекладывает в большую спортивную сумку его содержимое. В кармане у нее лежали ключи от второго выхода, возвращенные Валентином.

Согласно их уговору — иначе она не соглашалась отдавать ключ от большого сейфа — Валентин передавал ей каждую папку, и она внимательно просматривала бумаги. Там были учредительные документы, ведомости и договора, списки сотрудников и выплаты по благотворительному фонду. На доверенность по управлению агентством в отсутствие или в случае смерти Павла Шубина она наткнулась в самом конце. Внимательно прочитав условия доверенности и распоряжения по разделу прибыли, Кира перевернула страницы на начало и ещё раз прочитала имя приемника — «Валентин Александрович Зайцев».

«— Так вот почему он так старается, — неприязненно подумала она и сверху вниз посмотрела на склонившегося над сумкой мужчину, — ему нужно было получить доверенность на управление агентством. А что же нужно тому другому? Деньги, наверное...»

Ей почему-то доставляла удовольствие мысль о стяжательстве Валентина — идеальных мужчин нет: в этом она убедилась на собственном опыте — разговор об их «отношениях» для него был не столь важен, чем «дела агентства».

Кира горько усмехнулась своим мыслям и отдала папку. Валентин быстро сунул её на дно сумки и распрямился.

— С документами всё, — облегчённо выдохнул он. — Остались деньги — сумма довольно крупная.

— Отчитываться за неё будете перед Дмитрием Викторовичем, — надменно дёрнула бровью Кира, — ему так и так придётся проверять все документы Пашиного агентства.

Какое-то смутное воспоминание замаячило в памяти, и Кира попыталась сосредоточиться на этой мысли. Невидящий взгляд упёрся в грудь мужчины, обтянутую полосатой рубашкой.

«— Дмитрий Викторович, Павел, Валентин... похороны... «Ежели ещё бесхозный покойничек понадобится — приходите...», — вспомнила она подслушанный разговор в сарае и узнала второй мужской голос».

— А ведь я шла за вами на кладбище...

Ох, лучше бы она этого не говорила!

Лицо Валентина вытянулось, глаза в полумраке стали совсем чёрными, бездонными. Как от медузы Горгоны, он отпрянул от неё к стене, а через несколько мгновений с

изменившимся лицом шагнул к Кире. Согнулся, нависая над ней будто скала, готовая обрушиться и раздавить, и, уперев в стену рядом с её головой огромные кулачищи, глухо прорычал:

— Меньше знаешь — крепче спишь...

От приблизившегося мужчины исходила такая явная угроза, что Кира на секунду испугалась, а потом удивилась — он ей что, угрожает... после такого бурного секса?

— Ну, ну, не нависайте! — как можно спокойнее сказала она — ничего умнее фразы из какого-то фильма от испуга на ум не приходило. — Могилок тут нет — не куда будет меня закапывать!

Кира указательным пальчиком упёрлась в каменную грудь Валентина и попыталась отодвинуть от себя эту громадину. И как ни странно, «скала» поддалась, отодвинулась, послушно поехала к противоположной стене и уже не казалась каменной и грозной. Она стала пористой и рыхлой, и сама тряслась от страха.

«— А ведь он меня боится! — поразила Кира своему открытию. — С чего бы это?»

Она посмотрела в растерянные, беззащитные глаза Валентина, и волна нежной страсти к этому мужчине, подарившему ей столько чувственных наслаждений, вновь заставила ее сделать первый шаг (- Не волнуйся, дурашка, — глядя своего Бурбошу, когда-то успокаивала огромного коня Кира) — вот и сейчас ей захотелось погладить по щеке и успокоить такого растерянного и беззащитного взрослого, серьезного мужчину, оказавшегося не таким уж сильным, не таким уж строгим и не таким уж стойким перед обыкновенной женщиной. Нет, не сильного, страстного, напористого мужчину с манящей синеваой глаз и накаченным телом, а нежного, растерянного и податливого захотела она успокоить и поцеловать...

Кира шагнула к Валентину, обняла его за шею, встала на носочки и поцеловала, руки ее заскользили по его шее, по волосам, вызывая ответную дрожь во всем его теле. Кончиком языка она коснулась его сомкнутых губ, и мужские губы раскрылись, сливаясь в страстном поцелуе с ее губами. На сей раз Валентин не отступил, сильными руками он обхватил ее податливое тело, прижал к себе и, оторвав от пола, закружил в темном «чулане». Кира охнула от его медвежьих объятий и, с трудом отрываясь от его жадных губ, засмеялась:

— Раздавишь! Медведь! Бурбон! Монстр!

Нежно погладила по щеке, закрыла ладошкой потянувшиеся к ней губы Валентина и попыталась освободиться, но он ее не отпустил. Поцеловал в шею, нашел ее губы и замер, ожидая ответного поцелуя. И Кира не смогла устоять, ответила, крепче прижимаясь и обнимая его за шею...

Дыхание Валентина стало громче, поцелуи быстрыми и жадными и уже не ее губы стали объектом его вожделения, а шея, грудь... Его рука соскользнула с ее талии вниз, сунулась под платье, и она явно почувствовала мужское возбуждение, и «то», что ей так понравилось разглядывать, уперлось ей в ногу. Ее любовник готов был снова разделить с ней закипающую в них страсть...

— Нет, нет, нет, — закрывая его жаркие губы ладошкой, на ухо прошептала ему Кира. — Не так быстро... Секс еще не повод... для следующего секса.

И Валентин, нехотя, подчинился, опустил Киру на пол, отстранился и обиженно засопел. Но она не отпустила его и снова потянулась к его губам...

Сколько времени продолжались эти страстные и одновременно нежные поцелуи Кира не знала, но после десятой или двадцатой попытки ей все же удалось оторваться от губ Валентина, и она, довольно улыбаясь, выскользнула из темной, потайной комнаты.

Когда Валентин справился с волнением и вышел из «чулана» с сумкой, Кира стояла у двери гостиной и гладила сидящего рядом пса, губы ее слегка улыбались, в карих глазах плескались искорки янтарной нежности.

— Вы, кажется, куда-то спешили, Валентин Александрович? — спросила Кира и посмотрела на «любовника» смеющимися медовыми глазами.

Ей больше была не страшна его медвежья сила и напускная грозность, она сознавала свою власть над ним, хотя плохо понимала причину этой власти — осталось только проследить за Валентином и узнать его тайну.

Её планы в этой квартире менялись со скоростью света!

Насупившись — опять облом! Валентин кивнул головой — ему требовалось время, чтобы во всем разобраться.

Ларион внимательно наблюдал за посторонним мужчиной. Обнюхав большую спортивную сумку, он проводил его до входной двери и обрадовано гавкнул — теперь то, наконец, его покормят, но он ошибся. Хозяйка сорвалась с места и, сунув под мышку свою сумочку с торчащим из неё париком, схватила его за ошейник.

— Рядом! — приказала она и ринулась к чёрному ходу.

Они успели сбежать по лестнице и сесть в машину за несколько секунд до того, как в дверях подъезда показался Валентин с тяжёлой сумкой в руках.

Мотор «Ягуара» тихо заурчал, и машина, повинувшись хозяйской воле, осторожно поехала вслед за джипом Валентина.

По городу ехать было несложно, но, когда машины выбрались из пробок на кольцевую автостраду, Кире пришлось тяжело. Джип быстро и уверенно бежал в левом ряду, а Кира, стараясь не попадаться на глаза Валентину, металась из ряда в ряд.

После Мытищ поток машин сильно поредел, и приметный белый «Ягуар» был как на ладони, но преисполненный гордости за удачно выполненную «операцию» Валентин Зайцев не замечал слежки.

65

Чёрный «Форд» следовал за молочно-белым «Ягуаром» на довольно приличном расстоянии — никто не отменял приказа охранять эту женщину, и машина «денно и ночью» дежурила у дома на Мясницкой, но в этот раз охранники, следившие за ней, были слегка озадачены.

— Похоже, наша дамочка играет в «сыщиков и воров» и преследует другую машину. Чем ей так не угодил Валентин Александрович?

Водитель пожал плечами и бросил взгляд на монитор с картой, по которому друг за другом двигались две красные точки.

— Это их дела и вмешиваться нам не надо. Может, у них роман с Валентином Александровичем, и дамочка решила проверить, куда это он отправился от неё. Меня больше волнует другое: должны ли мы сообщить ему о слежке за ним или просто написать в отчёте, что наша «дамочка» следила за нашим шефом. А может, вообще не писать о слежке? Мы же точно не знаем — следит она за ним или не следит — может, они просто едут в одном направлении. Если разобраться, то работаем мы сейчас на другую фирму, а не на агентство «Панцирь», и должны соблюдать договор о не разглашении фактов, узнанных во время работы.

— Выходит, с одной стороны Валентин Александрович — начальник, но подотчётны мы Ивану Степановичу — ему и доложим. А уж он пусть разбирается!

— Так-то оно так, но по-мужски жаль Валентина Александровича. Надо бы ему как-то намекнуть что ли.

— Хорошо бы, — согласился напарник, — но как...

Пока они гадали, что предпочесть: долг или мужскую солидарность, джип и «Ягуар» свернули с Осташковского шоссе на боковую дорогу.

66

«Ягуар» проехал по дороге мимо железных ворот, плавно закрывающихся за джипом Валентина, и остановился не вдалеке за деревьями.

Выйдя из машины, Кира перебралась через глубокую канаву — благо летом воды в ней не было — и осторожно пошла вдоль высокого бетонного забора, огораживающего территорию частного госпиталя — так гласила вывеска сбоку двери с открывающимся окошком.

Наступающий вечер подталкивал Киру к более решительным действиям, и она, отыскав щёлочку между плитами, припала к ней, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь интересное. Сначала она ничего не увидела: мешали кусты, но приглядевшись...

За высокими елями и зелёной листвой берёз от любопытных глаз прятались трёхэтажные санаторные корпуса, выкрашенные в пастельные тона. По асфальтовым дорожкам, лучами расходящихся по всей территории от корпусов, гуляли мужчины разного возраста с забинтованными руками и ногами, опираясь на палочки или костыли. Они садились на лавочки, отдыхали, разговаривали друг с другом. Медбратья в белых халатах неспешно катили по дорожкам коляски с безрукими и безногими молодыми парнями.

Зрелище было настолько удручающим, что Кира тут же оторвалась от созерцания инвалидов и вернулась в машину.

«— Зачем Валентин сюда приехал? С документами, с деньгами... Разумнее было бы отвезти всё это в офис. Он так старался убедить меня, что всё это срочно нужно для работы! А сам поехал сюда... В частный госпиталь. Чтобы это всё значило? Госпиталь... Не сюда ли он отвёз раненого похитителя?»

Кира достала из сумочки новый мобильный телефон.

— Дмитрий Викторович, это снова я. Можно мне поговорить с Арсеном.

— С Арсеном?.. — удивился пожилой мужчина, отодвигаясь от письменного стола. — Подождите.

Кира слышала, как Дмитрий Викторович говорит с секретаршей по селектору, как щёлкает зажигалка, как недовольно хлопают двери его кабинета.

— Это Арсен. Слушаю, Кира Дмитриевна.

— Извините, что отрываю вас, но мне очень нужно узнать, куда вы с Валентином Александровичем отвезли раненого бандита.

— Ну-у... — Арсен замялся, что было очень странно.

— Вам запретили говорить? — догадалась Кира.

— В общем, да...

— Я могла бы пожаловаться Дмитрию Викторовичу и получить от него нужную мне информацию, но я поступлю по-другому — сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться. Хотите, научу вас вольтижировке на лошади: с земли прыжком садиться в седло, управлять лошадью без рук и всяким другим «амазонским штучкам»? — Кира улыбнулась, вспомнив своего любимца Бурбона. — Конечно, для этого нужна особая лошадь, но я обязательно найду такую. Обещаю!

Арсен тряхнул головой и согласился.

— Сделаем так, — заговорщицки зашептала Кира в трубку, хотя её никто не подслушивал, — я назову вам место, а вы просто покашляйте, если отвезли именно туда: частный госпиталь на Осташковском шоссе.

Услышав кашель, она поблагодарила водителя и отключилась.

Теперь Кира точно знала, что Валентин отвёз раненого бандита именно в этот госпиталь, но вряд ли он отчитывался по телефону перед Бегемотом. Нет! Был кто-то ещё — кому Валентин обещал привезти деньги и документы.

Может, всё куда сложнее и ужаснее, чем они с Дмитрием Викторовичем предполагали и Мамочка с его подельниками это лишь часть заговора, и существуют люди более опасные и алчные, пытающиеся присвоить себе довольно процветающее агентство с лакомыми земельными кусками?

«— Как бы узнать, к кому и зачем он сюда приехал?»

И Кира вновь придумала «жалостливую историю».

Она надела чёрный парик, вытащила из-под шёлковой футболки «бриллиантовое солнышко» и, развернув машину, не таясь, подъехала к воротам госпиталя.

После второго звонка в железной двери на уровне её лица открылось небольшое окошко, и недовольный охранник довольно невежливо поинтересовался:

— Чего надо?

— Здравствуйте, — сладким голосом пропела Кира, стараясь не обращать внимания на грубость мужчины. — Это ведь частный госпиталь? Могу я переговорить с кем-нибудь об условиях приёма больного?

Охранник, окинув женщину придирчивым взглядом, хотел было отказать, но, увидев за её спиной новенький, сверкающий «Ягуар», передумал.

Вызванная охранником молодая грудастая медсестра повела Киру в главный корпус, в кабинет главного врача и, осторожно постучав в дверь, благоговейно спросила:

— Инна Валерьевна, к вам можно?

Моложавая профессорша — так гласила табличка на двери кабинета — в белоснежном халате и крахмальной шапочке на каштановых, коротких волосах, оторвалась от бумаг и подняла на вошедших усталые внимательные глаза.

— Вы хотите справиться о здоровье нашего пациента?

Без приглашения Кира опустилась в кресло, закинула ногу на ногу и, глядя прямо в глаза женщине, вызывающей столь благоговейный трепет у персонала, начала вдохновенно рассказывать сочинённую «жалостливую историю».

Она рассказывала о сыне двоюродной сестры своего мужа, в автомобильной аварии лишившегося обеих ног, о его муках и страданиях, о его нежелании обременять родных заботой о нём, о попытке самоубийства. О щедрости и благородстве своего мужа, взявшего на себя расходы по лечению совершенно незнакомого ему человека, о своём бескорыстном желании помочь найти клинику, в которой несчастному юноше помогут преодолеть депрессию, научат пользоваться протезами и вернут любящим родственникам возрождённого к жизни человека.

Что подумала о ней профессорша, Кира не знала, но по её изменившемуся взгляду — он стал ласково-заинтересованный, поняла, что половина дела уже сделана.

— Разрешите спросить, от кого вы узнали о нашем госпитале?

На секунду Кира задумалась.

— От Паши Шубина, — она специально сказала «от Паши», давая понять женщине, что близко знакома с этим человеком.

— От Павла Павловича Шубина? — уточнила докторша. — Он уже вернулся?

— Откуда? — Кира сделала страшные глаза и схватилась за грудь. — С того света? Вы разве не знаете, что Паша погиб в автомобильной аварии? Урну захоронили... Ах, какое печальное событие...

Взгляд женщины стал подозрительно-пронзительным, и Кира почувствовала, как буравчики подозрительности вворачиваются в её вспыхнувшие вдруг щёки.

— Я была на кладбище, — печально вздохнула Кира, опуская глаза. Она не понимала, что происходит и почему эта женщина в белом халате так основательно её допрашивает.

«— Проверяет, — подсказал внутренний голос».

— Вы тоже были на кладбище? — наивно поинтересовалась Кира и поняла, что угадала. — Дмитрия Викторовича жалко: Паша был его единственным... родственником.

— Да-а, но я вас почему-то там не видела.

— Ах, это, — Кира жестом фокусника сдёрнула с головы парик. Медсестра у двери ойкнула от неожиданности. — Хочешь казаться лучше, а тебя никто не узнаёт!

— Ну, что ж, — с извиняющейся улыбкой заговорила профессорша, — мы рады будем принять вашего протеже. Привозите выписки из истории болезни, и мы решим все вопросы.

— А можно мне сейчас посмотреть палаты, узнать о ваших порядках — надо же мне о чём-то рассказать мужу.

— Зинаида поручаю вам нашу гостью.

Дежурная медсестра подобострастно закивала головой.

Они вышли на улицу.

— Я видела сейчас своего знакомого, не знаете, к кому приезжает Валентин Александрович Зайцев.

— Зайцев, Зайцев... Это такой здоровый, синеглазый мужчина?

Кира утвердительно покивала.

— То, что к вам в госпиталь он недавно привез человека с огнестрельным ранением, я и сама знаю. Меня интересует, как часто он навещает привезённого им пациента?

— Навещает он его раза три в неделю.

— Подождите, подождите, — нахмурилась Кира — что-то ускользало от её внимания. — Три раза в неделю? Но этого здоровенного бегемотоподобного детину привезли только в эту пятницу?

— Не-ет, — медсестра затрясла головой. — Он навещает родственника, привезённого около месяц назад.

— Около месяца?

Многочисленные вопросы зароились в Кириной голове, и ни на один из них она опять не могла найти ответа.

«— Надо позвонить Дмитрию Викторовичу и рассказать обо всём, что творится в этом госпитале! Он быстро выведет эту шайку-лейку на чистую воду!»

— А как фамилия родственника Валентина Александровича вы не помните? И в какой палате он находится?

— В какой палате не знаю, а зовут родственника Зотов Иван Ильич. Сегодня слышала, как ваш Валентин Александрович фамилию охраннику называл. Порядок у нас такой: в журнал записывается каждое посещение.

— А как бы взглянуть на этого Зотова Ивана Ильича?

— Пойдемте.

67

Внутри пятый корпус совсем не напоминал больничные апартаменты: стены были отделаны деревянными панелями, светлый линолеум на полу, в просторном холле цветы, большой аквариум с разноцветными рыбками, два телевизора и удобные кресла на колёсиках.

У стены в холле напротив окон, так чтобы хорошо просматривались расходящиеся в обе стороны коридоры, находилась деревянная стойка, за которой сидела дежурная медсестра и читала книгу.

Увидев вошедших, она тут же закрыла книгу.

— Это посетительница к Зотову Ивану Ильичу, — равнодушно проинформировала Зина и добавила: — Мы только что от Инны Валерьевны.

Имя всесильной профессорши произвело ожидаемый эффект: дежурная медсестра улыбнулась и заглянула в список под стеклом.

— В 525, но у него посетитель. Вам повезло, Валентин Александрович уже уходит.

Услышав это имя, Кира опустила голову и плотнее запахнула полы широкого белого халата.

Хорошо, что она снова надела парик! Возможно, её опять не узнают.

Она повернулась к дежурной медсестре, задала какой-то вопрос о здоровье пациента и, дождавшись пока Валентин минует холл, устремилась в нужную палату.

Но на середине коридора она не удержалась и оглянулась.

Валентин стоял в конце второго коридора и пристально смотрел ей в спину.

Конечно, не нужно было оглядываться, а тем более бежать, но Кира уже не владела собой: она увидела в конце коридора искомую табличку над дверью и со всех ног бросилась в палату.

Распахнула дверь, влетела в просторную комнату, больше напоминающую гостиничный номер и растерялась, почувствовав, что её решимость выяснять и обвинять моментально испарилась.

В раскрытое окно светило заходящее солнце, и вся комната утопала в кроваво-красном закатном отблеске. У высокой железной кровати стояла тумбочка с каким-то сложным устройством, напоминавшим телефонный аппарат, рядом на стуле лежала большая спортивная сумка.

Кира сразу узнала эту сумку и повернулась к сидящему к ней спиной человеку. Человек смотрел в окно, не замечая её присутствия.

За дверью раздались быстрые бегущие шаги, и Кира решилась.

— Простите за беспокойство, вы Зотов Иван Ильич? — спросила она, подходя ближе к пациенту госпиталя.

Услышав её голос, человек в кресле, как от электрического шока, вздрогнул всем телом, но не оглянулся. Резкий мужской профиль чётко выделялся на фоне окна.

— Мне необходимо с вами поговорить...

В дверях показался Валентин и две перепуганные медсестры.

— Быстро выходите из палаты! — по-хозяйски приказал Валентин и взял Киру за локоть.

Но она вырвала локоть, не собиралась подчиняться.

— Пока не поговорю с этим человеком, с места не двинусь! — упрямо заявила она и своенравно потрянула кудрями.

— Вон отсюда! — взревел Валентин, хватая Киру за руку и выволакивая из палаты.

Но Кира успела схватиться рукой за спинку кровати — кровать жалобно закрипела, дёрнулась, поехала, зацепила тумбочку — всё, что находилось на тумбочке: стакан, пакет сока, таблетки поехали по салфетке и с грохотом упали на пол.

Медсёстры ахнули и бросились наводить порядок.

— Что здесь происходит?

От этого властного строгого голоса все замерли.

Медсёстры, как по команде, встали навтыжку, искоса поглядывая на творившейся на полу беспорядок.

Валентин выпустил руку Киры и та, почувствовав свободу, забежала за кровать и уже оттуда посмотрела на вошедшую в палату докторшу.

— Что здесь происходит? — снова задала вопрос докторша, по очереди оглядывая устроивших весь этот разгром людей. — Все из палаты!

Все подчинились — все, кроме Киры!

— Щас!!! — она упёрла руки в бока, как делала это Татьяна Ивановна, и повторила: — Щас!!!

Брови профессорши нахмурились — похоже, она не привыкла к неподчинению на своей территории.

— Вон! — взвизгнула она, тыча пальцем в открытую дверь палаты.

— Ну-ну, не командуйте! Ещё надо разобраться каких это вы тут бандитов лечите! — не подчинилась Кира. — Вы здесь всего лишь главврач, а не хозяйка. Хозяйка всего этого госпиталя моя дочь! Так ведь, Валентин Александрович? — На Валентина было жалко смотреть: он весь как-то съёжился, попятился, как тогда в тёмном «чулане» у сейфа. — Может, мне пригласить сюда Дмитрия Викторовича Юшкина — отца Павла Шубина и рассказать ему, как вы вместе с этим человеком пытаетесь отобрать у моей дочери имущество её отца?

В наступившей тишине сидевший до сих пор безучастно в кресле человек застонал и стал заваливаться на бок. Все бросились к нему.

Все, кроме Киры!

Она ловко вскочила на кровать, прыгнула на пол с другой стороны, подбежала к стулу, схватила большую спортивную сумку, привезённую Валентином, и опять спряталась за кровать.

Оттуда, она взглянула на суетившихся вокруг седого человека людей, и спортивная сумка выпала из её рук.

Медленно, как во сне, она подошла к креслу, оказавшемуся инвалидной коляской, оттолкнула склонившуюся над человеком докторшу и, нагнувшись, заглянула в серые глаза мужчины.

— Шубин?!

Павел Шубин дёрнулся, отпрянул, а Кира, размахнувшись, со всей силы ударила его по щеке.

68

Они сидели втроём в холле — несмотря на поздний час и возражения Валентина, Кира всё же позвонила Дмитрию Викторовичу и буквально заставила его приехать в госпиталь,

сказав, что ей срочно нужна его помощь, и теперь Валентин рассказывал им о придуманной Павлом Шубиным авантюре.

— Когда ребята по маячку отследили его машину и приехали на место аварии, Пал Палыч был уже обездвижен. Машина перевернулась, и он как-то так ударился о крышу, что повредил позвоночник. Если бы он был пристёгнут! Ребята отвезли его в ближайшую больницу, но врачи были бессильны что-то исправить, и тогда Пал Палыча повезли в этот госпиталь. По дороге, узнав от сопровождающего врача о том, что он станет инвалидом, ему в голову пришла безумная идея: исчезнуть, оставив агентство в своих руках.

— Но почему? — бледность, разливающаяся по лицу Дмитрия Викторовича, была уже не такой страшной, как в первые минуты известия о воскрешении сына.

— Я тоже задавал ему этот вопрос, но ответа не получил. Он только твердил: «Так будет лучше для всех». Теперь всё понятно — он не хотел вам навязывать заботу об инвалиде. — Валентин провёл широкой ладонью по коротко стриженным волосам и вздохнул. — Дальше всё просто: Пал Палыча в госпитале оформили под другой фамилией, но для этого мне нужен был паспорт на другое лицо, хранящийся в его сейфе. Паспорт и наличные деньги. Павел хотел перевести агентство на имя Зотова Ивана Ильича, но, я то, знал, что это будет трудно сделать, поэтому и решил забрать все деньги фонда — ведь надо платить за госпиталь, за операции.

— А как же мои чувства? Я такое пережил...

Кира положила ладонь на руку Дмитрия Викторовича, и он постарался успокоиться, подчиняясь её заботе и советам врачей.

— Вы не выяснили причину аварии? — меняя тему разговора, спросил он у Валентина. — Возможно, она была подстроена? Я подозреваю, что виновником аварии, произошедшей с Павлом, был другой человек. Сегодня на кладбище этот человек напал на Киру, и ей чудом удалось избежать смерти.

Валентин обеспокоено посмотрел на Киру, синие морщины в его глазах темнели, огромные кулаки непроизвольно сжались.

— Там, где вы покупали бесхозного покойника, — уточнила она, с укоризной глядя на взволнованного мужчину и украдкой ему улыбнулась.

Валентин хлопнул себя по колену, глядя на Киру восхищенными глазами.

— Значит, вы меня всё-таки выследили?! — усмехнулся он. — А я всё гадал: знаете вы об этом или просто так совпали наши слова! Сознаюсь, было такое дело! Нам же надо было кого-то представить полиции вместо Павла — вот я и договорился о бесхозном покойнике — загримировали его под Пал Палыча, одели в его одежду и изобразили травму лица. А насчёт машины надо попробовать узнать — она в гараже на базе.

— Попробуйте, — Дмитрию Викторовичу очень не хотелось затевать обвинительный процесс против сына своей знакомой, но если нашлась бы хоть одна улика причастности Виталия к аварии Павла Шубина, то ничто не спасло бы его от отцовского гнева. — Сейчас моя служба безопасности устанавливает факт нападения на Киру Дмитриевну, и Виталик придётся отвечать за это, но пока не доказана связь Виталия со Шмелём и Бегемотом — первый уже задержан за наезд на женщину и хранение оружия. Второй здесь...

— Да, Лёха-Бегемот быстро сообразил, что идти под статью в одиночку куда выгоднее. Он отрицает существование сообщника и факт похищения — говорит, что просто хотел ограбить богатую дамочку.

— Телефонные звонки связывают их всех вместе: Лёха звонил Шмелю, Шмель,

возможно, звонил Мамочке, Мамочка звонил на квартиру и проверял есть ли кто в квартире в данное время. Помните странные звонки в квартире Павла, Дмитрий Викторович? К тому же я была свидетелем наезда на женщину у подъезда и могу подтвердить, что в машине их было двое — вторым как раз и был Лёха-Бегемот — на руке у него наколка.

— Женщина скончалась в больнице, — проинформировал Дмитрий Викторович. — Теперь эта шайка за всё ответит — уж я об этом позабочусь!

Сомневаясь, Валентин пожал широкими плечами.

— Все факты разрознены и следокам придётся не мало потрудиться, чтобы связать всё это в одно дело, а что касается звонков в квартиру, то это к Пал Палычу. Он хотел знать, как продвигаются дела с наследством, и по его просьбе кто-нибудь из ребят звонил на квартиру, а он слушал...

— Зря он волновался, — усмехнулась Кира, — в данную минуту наследства никакого нет. Раз Паша воскрес, то его квартира вернётся хозяину, а на счёт денег...

— Не забивай себе голову такой ерундой, — Дмитрий Викторович взял руку Киры и благодарно поцеловал. — Какие могут быть счёты между родственниками!

С завистью посмотрев на них, Валентин отвернулся, ревность жаркой волной обдала его тело — а он не может поцеловать руку понравившейся женщины — семья это, наверное, не для него.

Мимо с грохотом проехала каталка, «управляемая» худеньким медбратом в развевающемся халате, и вся троица встревожено проводила её глазами.

— Хоть я и не одобряю всех этих ваших безумных афер, но хочу поблагодарить вас, Валентин Александрович, за помощь Павлу и поддержку.

Дмитрий Викторович пожал руку Валентину.

А Кира опустила глаза, избегая взгляда синих, внимательно следящих за ней, глаз Валентина, в которых снова плескалась вспыхнувшая в них, но пока не разделенная, страсть.

Теперь она знала, кто стоял в тот вечер между ними непреодолимой преградой — ведь именно так поступают настоящие мужчины, отказываясь во имя дружбы от похотливых вожделений и минутных удовольствий. И, если бы не ее первый шаг, возможно, Валентин и не решился бы подойти к ней слишком близко...

Жизнь такая сложная штука!

Думая о своём, Кира смотрела в пол, не слушая разговор мужчин.

Что они могли сказать нового? Для неё и так всё стало ясно: Павел снова струсил: первый раз, когда не нашёл её после возвращения в Москву, второй раз, когда не захотел раскрывать ей правду о рождении дочери и побоялся взять на себя ответственность; в третий раз сейчас, пытаясь исчезнуть из их жизни, так и не сказав правду. Он решил, что так будет лучше! Но кому? Его одинокому отцу, оставшемуся без близкого человека? Или его дочери, узнающей о настоящем отце, но не имеющей возможности познакомиться с ним и полюбить его? А может быть, стало лучше ей, вынужденной оставшуюся жизнь прожить с сознанием невозможности исправить ошибки? Конечно, легче убежать, спрятаться от жизни за чужой фамилией, пусть другие борются за жизнь, за счастье, за любовь! Какое он имел право решать за них?! Каждый сам должен принимать решения и выбирать свой жизненный путь! Лишая человека этой возможности, мы принижаем его достоинство, убиваем самоуважение и решимость.

Кира вспомнила то чувство растерянности, когда она поняла, что перед ней Павел Шубин, ту затопившую её злость, ту радость от его воскрешения... После нескольких секунд

эйфории она вдруг ясно поняла, что совсем не знает этого человека. Она любила юношу — любила нежно и беззаветно, а этого повзрослевшего, поседевшего мужчину с холодными, серыми глазами она совсем не знает. Её любовь к Павлу Шубину, прятаясь всё это время в глубине её сердца, вырвалась наружу и... не узнала предмет своего обожания. Всё изменилось! Время их любви прошло! Им придётся снова узнавать друг друга, но нет гарантии, что между ними вновь вспыхнет то упоительное чувство влюблённости, перерастающее в любовь.

Конечно, она не бросит Павла в беде, не вычеркнет из своей жизни и жизни их дочери, постарается ему помочь, но воспринимать его, как любимого человека, она не может — в данную минуту она испытывает к нему лишь жалость. Сейчас её неудержимо влекло к другому человеку, который, возможно, одумается и не разделит с ней вспыхнувшую в них страсть — возможно, это и к лучшему: роман с Валентином всё ещё больше осложнит, а у неё сейчас столько проблем!

Ей во многом надо разобраться, многое переосмыслить...

А Павел?.. Нет, она не станет больше жертвовать собой и своими мечтами ни ради любви, ни, тем более, ради жалости — ни к чему хорошему «жертвы» не приводят! Они порождают эгоизм в одних и неудовлетворённость жизнью в других! А это неправильно! Жизнь дана человеку для счастья! Теперь она это точно знает...

Кира очнулась от своих мыслей только когда к ним подошла Инна Валерьевна.

— Ну что? — Этот вопрос читался у всех на лицах, но право вопроса было отдано отцу.

— Что сказать, — докторша нервно поправила накрахмаленную шапочку, что говорило о её волнении — такой случай с больным в её практике встречался впервые, — наблюдается положительная динамика, но для окончательного заключения необходимы анализы, исследования, мнения специалистов. Говорить он будет, возможно даже, рукам вернётся двигательная способность, а вот ходить...

— Нужны операции? — с надеждой в голосе поинтересовался Дмитрий Викторович. — О деньгах не беспокойтесь!

— Таких операций у нас в России пока не делают. Не надо опережать события, и строить воздушные замки. Завтра мы начнём полное обследование Павла Павловича, а потом уже будем решать. На сегодня посещения к больному закончены, — она посмотрела на Киру и с иронией добавила: — Если, конечно, хозяева госпиталя ещё не уволили меня с места главного врача.

— Что вы Инна Валерьевна!

— Как можно?!

Но Кира промолчала. Она не чувствовала за собой вины и считала себя правой в сложившейся ситуации. Поступи она по-другому — её просто выставили бы вон из палаты, и они не узнали бы, что Павел Шубин жив.

69 Воскресенье.

К машинам Валентин и Кира шли вместе. Дмитрий Викторович ещё на час остался в палате сына.

— Хорошая машина, — понуро похвалил Валентин, недовольно глядя на новенький молочно-белый «Ягуар». — Муж подарил?

— Нет, — Кира выдержала довольно внушительную паузу, во время которой выпустила из машины Лариона и долго смотрела, как пес, разминаясь, кругами носится по пустой стоянке. — Вячеслав Львович Бурмистров подарил... за быструю езду.

— А-а...

И опять наступила долгая пауза.

— Теперь вы, Кира Дмитриевна, всё знаете... Глупо получилось с кактусом, потом с сейфом, но я не мог выдать чужую тайну.

— Я понимаю — мужские тайны превыше всего.

— И что теперь?

Глядя на Валентина улыбающимися глазами, Кира пожала плечами и, открыв заднюю дверь, позвала Лариона в машину. Тяжело дыша, пёс нехотя запрыгнул на застеленное пледом сиденье.

— Я не знаю, Валентин Александрович, что будет дальше, но одно знаю точно — жизнь Дмитрия Викторовича изменится.

— А ваша?

Захлопнув за собакой дверь, Кира снова пожала плечами — опять делать первый шаг она не будет — пусть Валентин теперь сам решает, что ему важнее: мужская дружба или отношения...

— И моя тоже... уже изменилась.

Стоя с другой стороны машины, Валентин смотрел на неё и молчал, все еще не веря в случившееся и не решаясь задать мучивший его вопрос.

Паузы становились невыносимыми.

— Хороший вы мужик, Валентин, но не орёл!

Валентин улыбнулся — его серьёзное лицо стало открытым, на щеках появились очаровательные ямочки.

— Это точно, — соглашаясь, кивнул он и снова улыбнулся — он вспомнил их бурный секс и многообещающие поцелуи и решился. — Можно я вам позвоню, Кира? И мы куда-нибудь с вами сходим...

Солнечные лучики вспыхнули в глазах Киры.

— Конечно, Валентин. Я буду ждать...

Кира открыла дверь машины, но опять повинувшись своему порыву (что поделать, она жила эмоциями), шагнула к Валентину, протягивая к нему руки, глядя в его синие глаза, и море в его глазах ожило, заволновалось ... Он шагнул ей навстречу, крепко обнял, прижал к широкой груди, она, улыбаясь, охнула и нежно глядя его по щеке, зашептала:

— Медведь, Бурбон...

Но договорить Валентин ей не дал, страстно впился губами в ее губы, с упоением ловя ее стон восхищения...

Прощались они долго, их губы устали от поцелуев, но они все равно не выпускали друг друга из своих объятий.

— Я позвоню...

— Да...

— Лучше приеду...

— Да...

— Будешь ждать?

— Очень, очень... мой милый, славный рыцарь... в окровавленных доспехах...

Когда Валентин, тяжело дыша, выпустил Киру из плена своих жарких объятий, она быстро села в машину и, сбегая от своего страстного влечения к этому мужчине, уехала.

Всю дорогу она думала только о нем...

Может быть, они всё-таки существуют надёжные, преданные, верные мужчины?! Существуют вопреки женской убеждённости, вопреки установленным мужским правилам и заведённым порядкам, вопреки вседозволенности и обману, а мы не верим, проходим мимо них в поисках иллюзорного киношного «принца», не замечая устремлённых на нас глаз, их молчаливого восхищения и несвойственной робости.

70

Наконец-то, она ехала на дачу — квартиру на Мясницкой ей придётся вернуть воскресшему хозяину, но на душе у Киры было легко и покойно.

Рядом с ней на переднем сиденье новенького «Ягуара» трясся под капустным листом длинношёрстный, морской свин Пончик; на широком заднем сиденье их совместной собственности дремал верный пёс со сложным готическим именем Ларни фон Виндек; багажник машины был забит пакетами с новыми вещами и подарками; а на груди и на пальце у неё холодным блеском сверкали бриллианты, и она была влюблена — в животе у нее порхали бабочки, на губах играла мечтательная улыбка, в глазах вспыхивали янтарные искорки...

Что ещё нужно свободной, почти разведённой женщине бальзаковского возраста для полного счастья?!

Впереди у неё была новая жизнь...

Проезжая знакомый пост ГИБДД на Кольцевой автостраде, Кира затормозила и остановившись напротив «стеклянного домика», несколько раз посигналила.

Из двери поста вышел тот самый молоденький лейтенант Васильев и, на ходу надевая фуражку, направился к иномарке.

— Что случилось, гражданочка? — не очень любезно поинтересовался он, склоняясь к открытому окну иномарки.

— Здравствуйте, товарищ лейтенант! Вы меня не узнаете?

Гаишник внимательно осмотрел машину, порылся в памяти и отрицательно мотнул головой.

— Ну, это же мне вы помогли разыскать мужа, — весело напомнила Кира, доставая из бардачка и пристраивая себе на голову чёрный парик. — Я тогда ездила на фиолетовой «восьмёрке», а вы меня всё время останавливали — то с мужем, то с любовником... Помните?

По изменившемуся лицу молодого гаишника Кира поняла, что узнала.

— Вот, чем закончилась моя история: посадила я своего гулёну-козлину в «восьмёрку» и поменяла их вот на этого красавца Леопольда. Как думаешь, лейтенант, не прогадала?

Ждать ответа Кира не стала, нажала на газ и, улюлюкая и махая в окно париком, понеслась по пустой автостраде.

Жизнь прекрасна!

И может быть, когда-нибудь, она станет еще прекраснее...

Больше книг на сайте - Knigoed.net